

В. П. Москвин

**ПРАВИЛЬНОСТЬ
СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ РЕЧИ
Норма и варианты**

**Теоретический курс
для филологов**

Учебное пособие

В. П. Москвин

ПРАВИЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Норма и варианты

Теоретический курс для филологов

Учебное пособие

4-е издание, стереотипное

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением
университетов РФ по специальностям педагогического
образования в качестве учебного пособия для
студентов высших учебных заведений, обучающихся по
специальности 032900 (050301) — русский язык и
литература*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2016

УДК 808.2(075.8)
ББК 81.2Рус-5-923
М82

*Гриф утверждён на заседании Президиума Совета
Учебно-методического объединения университетов РФ
по специальностям педагогического образования
(протокол № 4 от 15 июня 2004 г.)*

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. Г. Г. Инфантова,
д-р филол. наук, проф. И. А. Стернин

Москвин В. П.

М82 Правильность современной русской речи: Норма и варианты. Теоретический курс для филологов [Электронный ресурс]: учеб. пособие / В. П. Москвин. — 4-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2016. — 256 с.

ISBN 978-5-9765-2195-7

Рассмотрены теоретические проблемы, связанные с основными категориями культуры речи — нормой и варианностью. Проанализированы различные подходы к определению понятия «норма», функции нормы, соотношение нормы и кодификации, понятие так называемой стихийной нормы, критерии оценки языковых фактов с точки зрения литературной нормы, типология норм; подходы к определению понятия «вариант», соотношение вариантности и синонимии, типология языковых вариантов, спорный вопрос о словообразовательных вариантах и др. Особое внимание уделено причинам появления отклонений от нормы в сферах произношения, ударения и морфологии, что дало возможность сформулировать целый ряд ортологических правил и рекомендаций, а следовательно, уйти от списочного представления учебного материала в предложенной системе упражнений.

Для студентов, изучающих курс «Культура речи». Книга может быть полезна широкому кругу филологов — преподавателям, аспирантам, магистрантам; всем, кто интересуется проблемами культуры речи.

УДК 808.2(075.8)
ББК 81.2Рус-5-923

ISBN 978-5-9765-2195-7

© Москвин, В. П., 2016
© Издательство «ФЛИНТА», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задачей настоящего учебного пособия является систематизация основных сложностей, связанных с построением правильной речи. Как известно, в русском языке такие сложности относятся прежде всего к сферам произношения, ударения и морфологии: именно здесь встречаем наибольшее количество отклонений от литературной нормы.

Пособие состоит из пяти разделов. В первом изучены подходы к определению понятия «орфоэпия», охарактеризованы узкое и широкое её понимание, соотношение предметов орфоэпии и фонетики, соотношение произношения и правописания, вопрос о стилях произношения. Уделено внимание влиянию церковнославянского языка, а также современных европейских языков на русское произношение. Рассмотрено понятие единого произносительного стандарта, проанализированы подсистемы национального языка, затрудняющие установление такого стандарта: 1) нелитературные (просторечие и диалекты); 2) литературные (московская и петербургская орфоэпические нормы).

Во втором разделе рассмотрены параметры определения понятия «ударение», типология ударений, проанализированы разноместность и подвижность русского словесного ударения как источники акцентуационных затруднений; изучены причины появления неправильных ударений и сферы их возникновения, уделено внимание классификации вариантов ударения; проанализирован вопрос о побочном ударении и звуковом эллипсисе как приёмах преодоления труднопроизносимых цепочек безударных слогов.

Третий раздел посвящён рассмотрению морфологических вариантов; последние систематизированы в соответствии с причинами их возникновения. В рамках данной схемы изучены, в частности, такие вопросы, как вариативность глагольного словоизменения и формообразования (изобилующие глаголы, глаголы подвижного состояния, недостаточные глаголы, варианты

форм инфинитива, императива, деепричастий, несовершенного вида с суффиксами вторичной имперфективации и др.), имён существительных (второй родительный и второй предложный падежи, варьирование слов иноязычного происхождения в склоняемости и грамматическом роде, особенности образования родительного падежа множественного числа от имен *pluralia tantum* и слов, используемых преимущественно в форме множественного числа; варианты форм именительного падежа множественного числа существительных мужского рода первого склонения типа *слесари* — *слесаря*, двуродовые имена существительные, склонение и грамматический род аббревиатур инициального типа и сложносоставных слов и т. д.), имён прилагательных (варианты кратких форм мужского рода от прилагательных с концовкой *-енный*, форм сравнительной степени; притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин-*) и др.

Поскольку пособие адресовано филологам, серьёзное внимание уделено теоретическим проблемам, связанным с основными категориями культуры речи — вариантностью и нормой. В четвёртом разделе рассмотрены подходы к определению понятия «вариант», соотношение вариантности и синонимии, типология языковых вариантов, вопрос о словообразовательных вариантах; в пятом проанализированы подходы к определению понятия «норма», функции нормы, соотношение нормы и кодификации, понятие стихийной нормы, критерии оценки языковых фактов с точки зрения нормы, типология норм.

Каждый из разделов построен по типовой схеме и содержит: 1) краткое изложение определённой теоретической проблемы; 2) список специальной литературы по изучаемой теме; 3) систему упражнений, нацеленных на развитие аналитических и практических умений, связанных с построением правильной речи. Завершают пособие ответы к наиболее сложным заданиям, что даёт обучающимся возможность для самостоятельной работы.

Концепцию настоящего учебного пособия определяет особое внимание к причинам и тенденциям изменений в сферах ударения, произношения и словоизменения, поскольку именно анализ

таких причин и тенденций «на базе детального изучения отдельных групп слов» [Филин 1963: 133], во-первых, способствует формированию языковой интуиции, во-вторых, позволяет сформулировать ортологические правила и рекомендации, а значит, уйти от списочного представления изучаемого материала и тем самым свести к минимуму необходимость механического заучивания кодифицированных вариантов.

1. РУССКАЯ ОРФОЭПИЯ

Под орфоэпией принято понимать: 1) «совокупность правил устной речи, обеспечивающих единство её звукового оформления» в соответствии с нормами литературного языка [Аванесов 1972: 8]; 2) раздел языкознания, изучающий такие правила. Правильное, или литературное, произношение представляет собой «один из важнейших показателей общего культурного уровня современного человека» и «имеет не меньшее значение, чем верное написание» [Горбачевич 1978а: 134]. Отклонение от орфоэпических норм приводит к коммуникативным неудачам и «отвлекает слушающего от смысла», заставляя «обращать внимание на внешнюю, звуковую сторону речи» [Аванесов 1961: 7]. В 1915 г. В. И. Чернышёв [1970: 51] отметил: «При многих руководствах к русскому правописанию — орфографии — наша учебная литература не имеет никакой книжки о правильном русском произношении — орфоэпии». В настоящее время мы имеем не только целый ряд исследований по орфоэпии (Р. И. Аванесова, Л. А. Вербицкой [2001 и 1976], И. А. Вещиковой [2007] и др.), но и солидные орфоэпические словари [Борунова, Воронцова, Еськова 2001; Иванова 2004; Каленчук, Касаткина 2006; Горбачевич 2009]; теоретическая же литература по вопросам орфоэпии стала практически необозримой.

Объём понятия орфоэпии (а значит, и её предмет) определяется по-разному. Некоторые специалисты «понимают орфоэпию суженно — как совокупность норм произношения.., исключая из неё вопросы ударения, практически очень важные» [Аванесов 1972: 8—9]. Если полагать, что «орфоэпические правила охватывают только область произношения отдельных звуков в определённых фонетических позициях» [Шанский, Иванов 1987: 133] (ср., например, произношения буквы *ч* в словах *точно* и *конечно*), то ударение действительно не является предме-

том орфоэпии. Если же считать её предметом не только правила произношения «отдельных звуков», но и правила произношения слов, то в сферу орфоэпии логично включить и ударение. Поэтому наиболее целесообразным считается широкое понимание орфоэпии, «при котором в её состав включаются произношение и ударение, т. е. специфические явления устной речи» [Аванесов 1972: 9, ср. Реформатский 1996: 228]. Предмет орфоэпии, однако, не должен исчерпываться произношением и ударением. Е. Д. Поливанов [1968: 222—223], говоря об «орфоэпической культуре дореволюционной интеллигенции», вспоминает: «Нас учили... и тому, что не надо говорить в нос, не надо говорить слишком громко»; говорить следует «без сильных скачков» интонации, характерных «для многих простонародных говоров».

По традиции, заложенной Р. И. Аванесовым, орфоэпические словари фиксируют и варианты грамматических форм, например: «мурлычет и *допуст.* мурлыкает» [Иванова 2004: 345]. С одной стороны, правы специалисты, полагающие, что: а) этот подход чрезмерно расширяет предмет орфоэпии; б) такие варианты «не должны рассматриваться в орфоэпическом словаре» [Касаткин 2007: 347]. С другой стороны, нельзя не признать и тот факт, что словоизменение и произношение в русском языке тесно связаны, ср. *Бо[х] — Бо[г]а, воды́ — во́ды*, отсюда типовое определение орфоэпии как «совокупности норм устной речи, в которых реализуется образование форм слова» [Сатина 2007: 213].

Рассмотрим *соотношение предметов орфоэпии и фонетики*. Последняя изучает только системные явления, подчиняющиеся правилам, которые не знают исключений, например: «В абсолютном конце слов и перед последующими глухими согласными звонкие чередуются с глухими»: *го[т], ло[т]ка* [Вербицкая 2001: 77]. Предмет орфоэпии — «исключения из фонетической системы, особенности нормированного произношения, не обусловленные <фонетической> системой» [Ганиев 1990: 108], «индивидуальные случаи произношения отдельных слов», регламентируемые **правилами чтения**, т. е. «произноситель-

ными указаниями к чтению букв и их сочетаний в тех случаях, когда письмо и язык не соответствуют друг другу» [Реформатский 1996: 227 и 228]. Так, буква *ч* в некоторых словах читается как [ш]: *что, конечно*; буква *г* — как [в]: *синего, красного*. Произношение таких слов «не может быть сформулировано в виде общих правил чтения» [Аванесов 1961: 8]. Итак, если фонетика изучает варианты фонем, «выступающие в разных фонетических позициях», то предмет орфоэпии составляют произносительные варианты, «выступающие в одних и тех же фонетических позициях» [Касаткин 2007: 345].

Непростым является *соотношение произношения и правописания*. Как известно, для русского языка характерно значительное «расхождение правописания слова с его произношением» [Ожегов, Шведова 1994: 7]. Такое расхождение, однако, не абсолютно. В определённых случаях используется **буквенное произношение**, при котором «проявляется идеальный фонемный состав» произносимых слов [Щерба 1957: 22]. Укажем такие случаи.

1. Озвучивание «редких, для собеседника малоизвестных слов» [Щерба 1957: 22]: *к[è]н[о]та́ф* (буквенный состав таких слов можно задать с помощью нотарикона: «Ксения, Егор, Николай, Олег...»), *[э]мб[о]ли́я*, *[э]к[о]се́[з]* (без оглушения в абсолютном конце), в частности аббревиатур: *м[ос]е[о]рсу́[д]*, ср. менее понятное *м[ъз]е[А]рсу́[т]*. При обычном, «небуквенном» произношении звуковая форма таких слов будет неясна для адресата.

2. Разграничение омофонов: *антология* и *[о]нтология*.

В подобных случаях применение буквенного произношения обусловлено требованиями ясности и однозначности речи. Элементы этого же способа произношения мы используем и тогда, когда говорим по телефону (в случае плохой связи, помех), «когда говорим из другой комнаты, когда говорим занятому, рассеянному, тугоухому, когда поправляем детей» [Щерба 1957: 22]. Ориентация «на книжные, “буквалистские” стили произношения» необходима и при произнесении публичной речи, поскольку

ку последняя — «это прежде всего речь, учитывающая удобство слушателя... — вот что в первую очередь определяет произносительную сторону публичной речи» [Панов 1968: 14]. Ещё Квинтилиан осуждал тех ораторов, «кои в словах часть звуков проглатывают, часть съедают, концовок же вовсе не произносят» [Quintiliani 1854: 214].

3. Акцентирование, логическое выделение отдельных слов [Панов 1990: 66], т. е. случаи, «когда мы хотим выделить какое-нибудь слово» [Щерба 1957: 141]: *Это нужно сделать* [дó того], *а не после*.

4. Элементы буквенного стиля произношения (в частности, запрет на звуковой эллипсис) характерны для высокой, торжественной речи: на краю *бе[зд]ны*, *Ро[сс]ия*. Эта орфоэпическая черта высокого стиля была характерна и для церковнославянского языка, который по своей функции был «языком особым, торжественным, языком церковной службы» [Панов 1990: 298].

Таковы основные функции буквенного произношения и «буквенного прочтения» [Винокур 1947: 11], если речь идёт об озвучивании текстов.

По степени приближения к письменной форме речи можно противопоставить выделенные Л. В. Щербой [1957: 21] полный и неполный («разговорный») стили произношения. Приметами **неполного стиля** являются нечёткость произношения, ускоренный темп и активное применение звукового эллипсиса. При использовании **полного произносительного стиля** звуки артикулируются чётко, звуковой эллипсис сводится к минимуму, темп речи замедляется, что сближает этот стиль с пением [Щерба 1957: 141], ср. *Сан Санна, тыща, плени[тн]ый* (неполный стиль) и: *Александра Александровна, тысяча, пленительный* (полный стиль). Нечёткость произношения и звуковой эллипсис уместны в сниженном, например разговорно-бытовом дискурсе, их отсутствие, а также замедление темпа речи — в высоком стиле, в официальной речи. Так, в неофициальной беседе мы скажем коллеге: «Ксан Ксанна», однако, зачитывая приветственный адрес, применим

полный произносительный стиль: «Уважаемая Александра Александровна!».

Целый ряд орфоэпических особенностей возник в русском литературном языке *в результате иноязычных влияний*. Здесь необходимо отметить, что такие особенности, как правило, носят неустойчивый, временный характер, и потому являются предметом прежде всего **исторической орфоэпии**.

Рассмотрим некоторые орфоэпические заимствования из церковнославянского языка — **фонетические славянизмы**. Как известно, церковнославянскому языку свойственно оканье. Под влиянием церковнославянского «неударяемое о» стало использоваться и в русской торжественной речи [Чернышёв 1970: 64; Богомазов 2001: 232]. В повести И. С. Тургенева «Пунин и Бабурин» читаем: «Я даже, признаться, по этому случаю... четверостишие к портрету Парамона Семёновича сложил:

С пелёнок не щадя гонений лютых, рок
Ко краю бездны зол Бабурина привлёк!
Но огонь во мгле, злат луч на гноище блистает, —
И се! победный лавр чело его венчает!

Пунин произнёс эти стихи *размеренным, певучим голосом и на ó*, как и следует читать стихи». В русском литературном языке оканье как признак высокого, торжественного стиля «сохранилось... до первой четверти XIX в.» [Панов 1968 а: 22]. В настоящее время литературное оканье представляет собой орфоэпический архаизм.

Ещё одно фонетическое заимствование из церковнославянского языка — фрикативная фонема [ɣ], которая первоначально использовалась исключительно в славянизмах. В 1755 г. М. В. Ломоносов [1952: 430] в «Российской грамматике» пишет: «Буква *г* произносится разными образами: 1) как у иностранных *h*. Сие произношение осталось от славенского языка, а особливо в косвенных падежах речения *Бог*, как: *Бога, Богу, Богом, Бóги, Богóв* и проч. В речениях: *Господь, глас, благо* и в их про-

изводных и сложенных: *государь, государство, господин, господствую, разглашаю, благодать, благословляю, благодарю* и проч.; 2) в конце речений, как к... (*друк*)». В конце слов звонкий [γ] заменялся глухим [x], именно поэтому, по М. В. Ломоносову, буква *г* произносится «как *х* в именительном единственном *Бог*» (последнее правило действует до сих пор — вероятно, с тем, чтобы не путать слова *бок* и *Бог*).

Поскольку славянизмы использовались преимущественно в высоком стиле, фрикативный [γ] не только стал приметой этого стиля, но даже, судя по рифмам XVIII — начала XX в., распространился в книжной речи на произношение исконно русских слов [ср.: Панов 1990: 195; Калинин 1966: 249—250]: *И русский в шумной глубине Уже плывёт и пенит волны, Уже противных скал дости[x], Уже хватается за них* (А. С. Пушкин); *В полях кровавых Марс страшился, Свой меч в Петровых зря руках, И с трепетом Нептун чудился, Взирая на Российский фла[x]* (М. В. Ломоносов).

Какова дальнейшая судьба фрикативного [γ] в русском литературном языке? Использование этой фонемы задаётся не правилом, а списком. Список запомнить сложно, именно поэтому фрикативный [γ] в указанных словах постепенно вытеснялся взрывным [г]. В настоящее время фрикативный [γ] «допускается... в междометиях *господи, ей-богу*» [Богомазов 2001: 225], а также в косвенных падежах слова *Бог*, где, однако, «имеет характер устарелый, архаический, хотя и сохранилось в устах отдельных лиц самого старшего поколения. Впрочем, на конце слова *Бог* и сейчас должен произноситься звук [x]» [Аванесов 1961: 10]. Факультативная фонема [γ], «когда-то чувствовавшая себя вполне уверенно, сходит на нет. <...> “Свело в могилу” её то..., что она встречалась в небольшом числе корней и не было особой буквы, которая могла бы поддержать её престиж. <...> Даже и в формах одного-единственного слова, где [γ] нашла последнее пристанище, слышится она всё реже. Стало распространённым произношение бо[x], бо[г]а, бо[г]у и т. д. — с непозиционным чередованием [x] || [г]» [Панов 1990: 28]. Таким образом,

«перед нами последние остатки разрушающейся и почти разрушившейся традиции» [Ушаков 1995: 178], ушедшей «с ослаблением и падением роли церковного произношения» [Немченко 1990: 53].

Рассмотрим один фонетический закон русского языка, также испытывавший на себе иноязычное, в частности церковнославянское, влияние. Закон этот оформляется следующим правилом: ударный гласный [э] в позиции между мягким и твёрдым согласными заменяется ударным гласным [о] [подробнее см.: Обнорский 1960: 215], ср. устар. *мушкетёр* — совр. *мушкетёр* [Воронцова 1970: 51—52], лит. *гренадёр* — неправ. *гренадёр*, лит. *афёра* — неправ. *афёра*. Д. Н. Ушаков [1995: 159] справедливо отмечает, что переход [э] в [о] происходит «под влиянием просторечия», ср. *совреме́нный* и прост. *совреме́нный*, «суета суёт и всяческая суета» (Радиопередача; услышано В. Г. Костомаровым), *убежал* и прост. *убёж*, *одежда* и прост. *оде́жа*, *опека* и прост. *опёка*, *трезвый* и прост. *тверёзый*. В XVIII в. слова *небо* и *нёбо* были орфоэпическими вариантами одного и того же слова; при этом «произношение *небо* имело место в бытовой речи образованного круга» (Г. О. Винокур). А. С. Шишков пишет: «Мы в просторечии ... не скажем *с неба упал*, но *с нёба упал*» [Винокур 1947: 11—12]. Очень активно проходит этот процесс, по наблюдениям С. П. Обнорского [1960: 219], и в диалектах, ср. *лещ* и диал. *лёщ*, *вешний* и диал. *вёшний* и др. Однако в литературном языке наблюдаются многочисленные «факты разнообразных внешних нарушений закона о переходе *е* в *о*». Ещё В. И. Чернышёв [1970: 69] констатировал «сохранение *е* в словах иностранных, которые... произносятся по-русски <образованными людьми, знающими иностранные языки> так, как в том языке, из которого взяты. Поэтому никто не скажет через *ё* слов: *фёрма*, ... *кадёт*, *университёт*, *планёта*, *комёта*, *профёссор*, *аптёка* и т. п.». К этому списку добавим довольно обширную группу заимствований на *-ёр*: *инженёр*, *легионёр* и др. Впрочем, «в русском языке постепенно нарастает число слов на *-ёр* (*актёр*, *суфлёр* и т. п.)» [Воронцова 1970: 52]; некоторые

специалисты считают «превращение *-er* в *-ěr*» доминирующей тенденцией русского языка последних двух-трёх столетий [Гимпелевич 1974: 101].

Поскольку в церковнославянском языке «закон о переходе *e* в *o* не был известен», большинство церковнославянизмов сохраняет ударное [э] в позиции между мягким и твёрдым согласным, например: *ковчѣг*, *клеврѣт*, *вертѣн*, *нѣбо* и др.; вместе с тем, пишет С. П. Обнорский, нельзя не отметить «неуклонно идущий процесс “обрусения” соответствующих слов путём трансформации их произношения с *e* на *o*», ср., например, *безнадѣжный* и *безнадѣжный* и мн. др. [Обнорский 1960: 218 и 219].

Поскольку буква *ѣ* практически не используется, «основным фактором, тормозящим процесс перехода [э] в [о]» стало «воздействие графического облика слова» [Горбачевич 1978: 129]: ещё в XVIII в. «образованные люди... старались вообще не произносить *e* за *ѣ* при чтении (так как *ѣ* считалось “простонародным” [Винокур 1947: 11—12]. — В.М.), т. е. старались читать, как пишется: *идѣт*, а не *идѣт*, *просвѣщеннѣй*, а не *просвѣщеннѣйшѣй*» [Ушаков 1995: 159]. Благодаря «буквенному прочтению» фонетический славянизм [э] вм. [ó] распространился на русскую лексику и, ввиду высокого статуса церковнославянской речи, «стал признаком произношения высокого, учёного» [Винокур 1947: 11]. Вот почему в стихах XVIII — первой половины XIX в. «иногда допускается искусственное произношение *e*» [Чернышёв 1970: 69], ср. следующие рифмы: *Блеснул горящим вдруг лицем*, *Умытым кровию мечем* *Гоня врагов*, *Герой открылся* (М. В. Ломоносов); *Ужален небольшою Крылатой я змеѣй*, *Которая пчелою Зовѣтся у людей* (Г. Р. Державин); *Жизнь летит: не осрамися*, *Не прости её полѣт*, *Пей, люби да веселися!* — *Вот мой дружеский совет* (Д. В. Давыдов); *Чугун кагульский, ты священ* *Для русского, для друга славы* — *Ты средь торжественных знамѣн* *Упал горящий и кровавый...* (А. С. Пушкин).

Русское литературное произношение претерпевало и претерпевает определённое влияние и со стороны *современных европейских языков* — прежде всего, конечно, в речи образованных

людей, знающих иностранные языки. М. В. Панов [1990: 53] отмечает: «В речи интеллигенции (именно она главный, хотя и не единственный, хозяин литературного языка) характерны иноязычные инкрустации. В речь вставляются французские, немецкие, английские слова, словосочетания, предложения, сохраняющие свою исконную нерусскую фонетику», при этом применяются элементы **ксенофонии** — произносительного стиля, ориентирующегося на произношение в языке-источнике заимствования: *Le Temps*, *Коммерсантъ-daily*, *Коммерсантъ-weekly* (названия газет), *Microsoft Windows* (компьютерный термин), *Rainbow* (название музыкальной группы). До революции 1917 г. было ощутимо «влияние французского в русской интеллигентской фонетике», причём «признаком интеллигентности» считалось использование «носовых гласных, т. е. умение произносить “русский *н* как *n* французский”» [Поливанов 1968: 231 и 235]. Вспомним следующие строки из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: *И русский Н, как N французский, Произносить умела в нос; Но скоро всё перевелось...* В настоящее время такое произношение носит манерный, претенциозный характер: *Я хочу принять ва[ñ:]у, выпить чашечку ко[фэ]* (слова Гены из к/ф «Бриллиантовая рука»). Произношение типа [ã]терьер, ром[ã]с может быть и «капризом, индивидуальным чудачеством» [Панов 1990: 52, ср. также с. 67 и 148].

Е. Д. Поливанов [1968: 217] указывает на то, что в речи дворянской интеллигенции, знавшей французский язык, встречалось грассирование («т. е. произношение увулярного недрожащего *р*») — яркий признак «кастовой фонетики», характерный, к примеру, для речи и песен Александра Вертинского.

В «интеллигентской фонетике» XIX — начала XX в. имелось и «*l* “среднее”, или *l* западноевропейского типа», закрепившееся «прежде всего в названии музыкальной ноты *la* (не *ля*, и не *ла*, но именно *la*)..; в произношении ноты *la* наличие или отсутствие среднего *l* служило критерием “интеллигентского выговора”: певицу, которая произносила вместо *la* или *ла*, или *ля*, сразу определяли как “не нашего поля ягоду”» [Поливанов

1968: 232—233]. Со средним [л] произносилось и название ноты «соль». Внимательно прочитаем следующее двустишие из «Путешествия Евг. Онегина»: *Но только вряд позволено ль С вином равнять ре ми фа сол*. Название ноты *соль*, в отличие от всех остальных, записано латиницей — видимо, с тем, чтобы подчеркнуть его особое произношение (впрочем, здесь возможны и иные трактовки [см.: Аникин 1993: 62]).

Произношение типа [ã]терьер, [ла и т. д. «свидетельствовало о принадлежности к определённой социальной среде и для представителей этой среды играло роль “рекомендательной характеристики”»; после революции фонетическое сближение заимствованных слов «со словами языка-источника стало оцениваться как претенциозное и противоречащее литературному стандарту» [Панов 1968: 19]. Специальный опрос, проведённый в 60-е годы «среди гуманитарной и технической интеллигенции в возрасте до 35 лет», показал, что в произношении слов иноязычного происхождения (в том числе «и в названии ноты *ла*») среднее [л] отсутствует [Гловинская 1971: 69]. Однако в речи «старых москвичей» эта фонема была отмечена — в частности, в таких словах, как *блеф, проблема, реле, лонгшез, полонез, леди* [Гловинская 1968: 122].

Как известно, «общий процесс русификации (освоения) иноязычных слов постепенно ведёт их к подчинению произносительным нормам русского литературного языка» [Горбачевич 1978а: 140]; тем не менее некоторые слова иноязычного происхождения не полностью принимают законы русской фонетики и потому *выделяются на фоне собственно русской лексики некоторыми особенностями своего произношения* [Аванесов 1972: 166]. Назовём основные из таких особенностей.

1. **Безударное [о]** чаще всего встречается в именах существительных: а) нарицательных: *в[о]кал, д[о]сье, п[о]эт*; б) собственных: *В[о]льтер, Г[о]мер* — как правило, в первом предударном слоге, реже в других позициях: *кред[о], б[о]леро* (при недопустимости произношения с [А])» [Аванесов 1972: 167] в первом предударном или с [ъ] в других слогах). Безударный гласный

[o] произносится гораздо чаще в следующих условиях: а) рядом с гласным: *a[o]ртальный, б[o]а*; б) в конце слова: *три[o], кред[o]* [Вербицкая 2001: 76]. Безударное [o] «допустимо лишь в необрусевших ещё иностранных словах», а «в давно утвердившихся... неударяемое [o] недопустимо» [Ушаков 1994: XXXI—XXXII]. Безударное [o] зачастую «сигнализирует о высокой, нередко и самим адресантом подчёркиваемой, образованности, интеллигентности, даже элитарности»; его активно используют «интеллигенты старшего поколения и подражающие им» [Верещагин, Костомаров 1987: 66]; в последнем случае произносительный стиль расценивается как **манерно-претенциозный**. В книжных словах типа *поэт, сонет, ноктюрн* безударное [o] используется в высоком стиле: при декламации и «в торжественной, приподнятой речи» [Горбачевич 1978 а: 142]. В неофициальных, бытовых ситуациях такое произношение имеет место «лишь как шутливое подражание речи старой интеллигенции». Так, на вопрос «Что это за книга у тебя на столе?» можно ответить: «Великий Г[омэ]р». Эффект усиливается при употреблении безударного [o] в русском слове: *Он же в этих делах с[o] баку съел!* [Рус. разг. речь 1983: 188].

Существует мнение, что произношение безударного [o] в иноязычных по происхождению словах не должно рекомендоваться [Ожегов, Шведова 1994: 7]. Думается, что это строгое ограничение, не отражающее реалий узуса, представляет собой попытку простого решения сложного вопроса.

2. Отсутствие качественной редукции безударного [э], особенно «в словах, которые не являются частотными» [Михайлова 2011: 167]: *[э]клибрис, про[тэ]же*. Такое «безударное е, не подчиняясь общим правилам произношения безударных, произносится почти как чистое э: *а[тэ]лье*» [Ожегов, Шведова 1994: 8; Орфоэпический словарь 2001: 646]; ср. неправ. *а[ты]лье, про[ты]же*.

3. Скопление корневых гласных (**хиатус**): а) разных: *пр[Аэ]кт, д[иэ]та, абитур[иэ]нт, пац[иэ]нт*, б) одинаковых: *Гаага* и др. Поскольку «русскому языку несвойственно сосед-

ство двух гласных», такие звуко сочетания «обычно разрушаются»: а) с помощью эпентетических согласных: *пр*[Ајэ]*кт*, *рад*[ивь]; б) стяжения: Г[а]га, что наблюдается в речи «лиц, не владеющих нормами литературного языка» [Коготкова 1969: 40]. Наиболее неустойчивым оказывается звуко сочетание [из]; именно в этом случае норма чаще всего противоречит узусу. Сочетания же менее интенсивных в артикуляционном отношении гласных устойчиво сохраняются: *аэрофлот*, *Иов*, *диагноз* и др.

4. **Твёрдый согласный перед буквой е** «в необрусевших иностранных словах» [Ушаков 1995: 177] имеет место в именах существительных и их производных: *гро*[тэ]*ск* и *гро*[тэ]*ск-ный*, [пэ]ри ‘добрая фея’, *Воль*[тэ]*р*, *Бор*[нэ]*о*. По наблюдению М. Я. Гловинской [1971: 85], твёрдость согласного перед [э] часто связана с «морфологической неосвоенностью слова» (т. е. с его несклоняемостью): *резю*[мэ], *ку*[пэ], *медре*[сэ], *шимпан*[зэ]. Замечено, что «идентифицируя новые слова как иноязычные вкрапления, русское языковое сознание стремится показать твердость произношения графически», отсюда использование графемы э в неосвоенных заимствованиях: *Фейсбук* и *Фэйсбук*, *флеш-моб* и *флэш-моб* [Турко 2014: 182]. Данная графема используется и для предупреждения омонимии, ср. *сэр* и *сер*, *мэр* и *мер* [ср. Вербицкая 2011: 51].

По мере фонетического освоения происходит «переход от твёрдого произношения согласного к мягкому» [Горбачевич 1978 а: 143]; варианты типа [кэ]мтинг / [к’э]мтинг «обнаруживают степень обрусения иноязычных слов» [Валгина 2001: 34]. Слова [д’э]мон, [т’э]ма сейчас произносятся с мягкими согласными, но ещё в 20—30-е годы XX в. такое произношение считалось «простонародным» [Поливанов 1968: 230], говорили: [дэ]мон, [тэ]ма. Твёрдый согласный в фонетически освоенных словах характерен для манерно-претенциозного произносительного стиля: Го[мэ]р, му[зэ]й, брю[нэ]т.

5. **Долгий (или «двойной») корневой согласный** произносится: а) в коротких, преимущественно двусложных словах типа *ванна*, *Римма* Ива[нн]а, *тонна*, *панна*, *металл*, *масса* —

в противном случае они либо искажаются до неузнаваемости (**vá*[н]а), либо омофонически сближаются с другими словами, что приводит к двусмыслице (**mó*[н]а = род. ед. от слова *тон*, **ná*[н]а = род. ед. от слова *пан*): здесь противопоставление «простого и двойного н... употребляется с различительной целью» [Щерба 1957: 112]¹; б) в производных от коротких слов: *то*[н:]а > *то*[н:]аж, *ма*[с:]а > *ма*[с:]овка (в таких словах по мере их постепенного освоения иногда становится допустимым краткий корневой согласный, однако старшей нормой является долгий); в) в многосложных словах — в случае, если они не вполне освоены русским языком и носят книжный характер: *ассоциация*, *ассимиляция*; г) в общеупотребительных многосложных словах произношение долгого корневого согласного «характеризует нарочито книжный стиль» [Аванесов 1972: 131]: *профе*[с:]ор, *ко*[л:]ега.

6. Полумягкий [ж.] в словах типа *жюри*, что характерно, по наблюдениям специалистов, для речи интеллигенции [Ярошенко 2010: 69].

«Разнобой в оформлении устной речи», состоящий в использовании значительного количества орфоэпических вариантов, «мешает пониманию» [Аванесов 1961: 7], поэтому важнейшей задачей остаются разработка и повсеместное внедрение **единого произносительного стандарта**, установление которого «так же важно, как и единое, орфографически правильное письмо» [Аванесов 1961: 7]. Ещё Д. Н. Ушаков [1995: 180] отметил, что «единое общерусское литературное произношение необходимо, а его у нас нет». Современные учёные также сетуют на «отсутствие повсеместного произносительного стандарта» [Вербицкая 2001: 114]. И. А. Вещикова [2007: 147—148] констатирует «огромное количество нарушений языковых правил», «массовые ошибки, проявляющиеся в несоблюдении акцентных норм, в расширении

¹ Если считать, что фонема представляет собой кратчайшую звуковую единицу, способную различать звуковые оболочки слов, словоформ или морфем, то долгий согласный, судя по приведённым выше примерам, обретает статус фонемы.

зоны действия устно-разговорных фонетических форм», что влечёт за собой: а) «несущественность строгого соблюдения нормы»; б) «приемлемость нелитературных форм в сферах, обладающих культурной и общественно-коммуникативной значимостью»; в) «ограниченные возможности использования текстов устной публичной речи в качестве ориентира и образца», т. е. стандарта.

Назовём **фонетические подсистемы** национального языка, затрудняющие установление единого произносительного стандарта: 1) нелитературные: просторечие и диалекты; 2) литературные: московская и петербургская орфоэпические нормы. Просторечие представляет собой социальную подсистему, все остальные являются «локальными фонетическими разновидностями» русского языка [Панов 1990: 16].

В своё время «школа, радио, звуковое кино, театр, граммофонная и патефонная пластинка помогли остановить натиск диалектов» [Панов 1990: 16]. Тем не менее отдельные **чисто диалектные** черты русского произношения ещё сохраняются: это оканье: *x[o]p[o]шó*, яканье: [в'я]зу, ч[ав]о?, использование «среднего» [ɫ]: *бы[ɫ]á*, билабиальное произношение фонемы /в/: *пра[ʋ]да*, [ʋ] *доме* и т. д. [Русская диалектология 1998: 34—69].

В середине прошлого века С. П. Обнорский [1960: 237] отметил: «Рост и развитие литературного языка, книжного в своём бóльшем, протекали и протекают в условиях непрерывного воздействия на него диалектной стихии, этой основной питающей среды, дающей силы и жизненность самой литературной базе языка». В настоящее время «территориальные диалекты уже не играют существенной роли в образовании норм современного литературного языка» [Горбачевич 1978а: 146], однако ещё в недавнем прошлом отдельные диалектные элементы (прежде всего лексика) действительно довольно активно заимствовались литературным языком. Что касается диалектной фонетики, то она воздействовала (и продолжает воздействовать) не на литературный язык, а прежде всего на просторечие, так что большинство особенностей диалектного произношения свойственно

и городскому просторечию [Русская диалектология 1998: 73]. Строго говоря, такие особенности связаны не с орфоэпией, а с **орфофонией** — «правилами произношения аллофонов фонем»: так, в слове *поэт* /е/ — открытое, а в слове *лес* — закрытое [Вербицкая 2011: 49].

1. Произношение: а) [хв] вместо [ф]: [хв]ёдор, [хв]изика; б) [ф] вместо [хв]: [ф]атит, [ф]ост; в) [х] вместо [ф]: ко[х]та.

2. Замена мягких звуков твёрдыми: [ч]ас, мо[ш:]ный, су[ш:]ность (в литературном языке фонемы /ч/ и /ш/ всегда мягкие), [б]у, [п]у, соло[в]я́) («буквы б, в, п в таких случаях... произносятся мягко» [Ушаков 1968: 48]), [су]да́ (ещё В. И. Чернышёв [1970: 57] отметил, что «в слове *суда́* имеем мягкое с, в слове *суда́* — твёрдое»), з[ры]б (в песне В. Высоцкого: *Потом в скверу́*, [у]де детские [уры]бочки...); б[ры]ть — брою (по аналогии с *крыть* — *крою*, *рыть* — *рою*). Приведём пример из «Киевских губернских ведомостей» за 1899 г.: «По определению Уманского окружного суда отыскивается крестьянин примет следующих: лицо чистое (броется)» [Ханпира 1963: 36].

Иногда твёрдый звук на месте мягкого возникает под действием закона аналогии, ср. в[зы]мать (вм. в[з'и]мать) и *подымать*, *изымать*. Как известно, «в слове *взимать*... в соответствии с произношением пишется *и*. Все другие образования от этого корня имеют на письме букву *ы* (тоже в соответствии с произношением: *изымать*, *подымать*, а также прост. *сымать*, *отымать*)» [Кайдалова, Калинина 1973: 41]. Замена мягких звуков твёрдыми очень характерна для украинцев, говорящих по-русски: *салат с по[мы]дора[мы]*. И для диалектов, и для просторечия характерна замена мягких губных твёрдыми согласными в конце слова: *любо[ф]*, *кро[ф]*, *голу[п]*, *весе[м]*. Такое произношение иногда «проникает и в литературный язык» [Панов 1990: 35]: *Отведдай сунуться к друзьям: Начнут советовать и вкось тебе и **впрям*** (И. А. Крылов. Крестьянин в беде). Вариативность по твёрдости / мягкости в отдельных случаях закрепляется в литературном языке, ср. *зверёк* и *зверок*, *зверюшка* и *зверушка*, *псалтирь* и *псалтырь*, *кринка* и *крынка*, *Давид* и *Да-*

выд, скрипеть и устар. скрипеть: Кто стукнет, **заскрипит**, на цыпочках ступает (Д. В. Давыдов); И мачта гнётся и **скрипит** (М. Ю. Лермонтов); Кучер слезает, лошади фыркают, с **скрыпом** отворяется воротnice (И. С. Тургенев). В таких парах более перспективным считается мягкий вариант [Горбачевич 1978: 124].

3. Замена твёрдых звуков мягкими: *ходи[ть], сидя[ть]*. «Многие произносят: *вимения* (в имение), *вётым* (в этом), *абётым* (об этом), *кétому* (к этому). Лучше говорить: *вымения*, *вэтым*, *абэтым*, *кэтому* и т. д.» [Чернышёв 1970: 81]. Следует говорить: *из [ы]збы, кот [ы] повар, человек [ы]дёт*. Мягкое произношение, особенно часто встречающееся на стыке слов после звуков *з, к, х*, «неправильно: *челове[к'и]дёт, сме[х'и]горе*» [Ушаков 1968: 81].

4. Замена безударного [y] звуком [и]: а) в предударных слогах: *гл[ы³]бóкий, б[и³]рó, комм[ь]никé*; б) в заударных слогах: *имé[ь]щийся, чёл[ь]сть, дед[ь]шка, с[и́н]ью краску*. «Вытеснение фонемы /y/ в безударных слогах» [Касаткин 1971: 257] оценивается по-разному. Одни полагают, что в литературном языке такая замена «встречается лишь в виде оговорок» [Касаткин 1991: 81], другие считают эту замену присущей «разговорному стилю» [Панов 1968 а: 31] и даже «речи интеллигенции» [Ярошенко 2010: 70]. Обратим внимание: замена [y] звуком [и] заметна в первом предударном слоге, а в заударных слогах практически неощутима на слух, именно поэтому здесь эту замену следует признать литературной. Отсюда — правило русской орфоэпии: «Неударяемые окончания прилагательных вин. п-жа жен. рода ед. ч. -ую, -юю заменяются в произношении окончаниями -ью и -ию»: *дóбр[ы]ю сестру, здéшн[ь]ю жительницу*. Такую замену наблюдаем в рифмах русской классики: *Разбогатеть ему хочется пашнею, Правит мужик свою нúжду домашнюю* (Н. А. Некрасов. Притча о Ермолае трудящемся) [Чернышёв 1970: 82—83], подобные примеры находим и в современных стихах: *Эта челюсть — просто прелесть* (Ю. Энтин, песня волка из мультфильма «Красная Шапочка»).

5. Замена взрывного [г] фрикативным [γ]: «Белорусы, малороссы и многие южные великороссы произносят в своей речи *з*, близкое к *х*, т. е. во всех словах произносят такое же *з*, которое у нас слышится только в словах *бога*, *благо* и немногих других. Прислушавшись к речи южных великороссов, мы часто заметим в их говоре, во-первых, такой особый звук *з*, во-вторых, переход его в конце слов в *х*» (ср.: *но[γ]а* — *но[х]*, *тиро[γ]а* — *тиро[х]*). Такое произношение характерно для «туляков, рязанцев, калужан и других жителей мест южнее Москвы...» [Чернышёв 1970: 61]. Навык использования фрикативного [γ] (*но[γ]а*, *ро[γ]а*) «у его носителей оказывается весьма стойким и при усвоении ими литературного произношения обнаруживает значительную сопротивляемость вытеснению взрывным *з*. Этим объясняется обычное сохранение фрикативного *γ* в речи выходцев из южнорусской, а также белорусской и украинской языковой среды, успешно овладевших или овладающих некоторыми другими орфоэпическими нормами русского литературного языка» [Пеньковский 1967: 62]. Как видим, «главная трудность при обучении произношению — не овладение чужим, а борьба со своим» [Реформатский 1961: 68].

Фрикативный [γ] наиболее устойчиво сохраняется в интервокальной позиции (*но[γ]а*, *лу[γ]овой*, *бере[γ]у*); в остальных позициях (при соответствующей тренировке и самоконтроле) появляется смычный [г] [Пеньковский 1967: 67; Пеньковский 1967 а: 60]. Д. Н. Ушаков [1995: 175] справедливо отмечает, что очень стойким в речи лиц украинского происхождения, носителей южновеликорусских диалектов, а также уроженцев Белоруссии оказывается звук [х] на месте литературного [к] в конце слова: *вдру[х]* вм. *вдру[к]*, *лу[х]* вм. *лу[к]*, *сапо[х]* вм. *сапо[к]* и т. д.; это [х] часто остаётся у них единственной нелитературной чертой «и передаётся потомству».

Фонема [γ] упорно пробивается в литературную речь и уже довольно часто встречается, к примеру, в рифмах «у поэтов, которые родились и выросли в тех южных губерниях, в которых произносят всякое *з* перед гласной по-малорусски... и конечное *з*

обращают в х» [Чернышёв 1970: 75—76]: *И глухо, как от подачи, Когда бросят ей камень в смех, Покатились глаза собачьи Золотыми звёздами в снег* (С. Есенин. Песнь о собаке).

Учёные отмечают «особую экспрессивную роль звука [γ] в современном русском литературном языке. Это выявляется в таких, например, контекстах: *Какой [γ]усь! Пальчики оближешь!*», *Какой же ты [γ]рязный!* [Воронцова 1971: 235—236; Реформатский 1966: 119—121], а также в междометиях: *[γ]осподи! о[γ]о! ей-бо[γ]у!* и др. Фрикативный [γ], в отличие от взрывного, тянется и потому может выступать хорошей основой для эмфатического ударения. Видимо, именно этот факт объясняет «особую экспрессивную роль» данного звука. Использование фрикативного [γ], по мнению некоторых специалистов, характерно для «сниженно-разговорного стиля» (что наблюдаем, к примеру, в песнях В. Высоцкого) [Воронцова 1971: 236]. Приведём противоположную оценку звука [γ]: «У образованной части населения... вызывали неприятие, насмешку фрикативное *Г* и билабиальное *В* в произношении М. С. Горбачёва, особенно в сочетании с его лексико-грамматическими диалектизмами и специфической артикуляцией», которые «легко гипертрофировались популярными юмористами-сатириками» [Костомаров 1999: 276].

Рассмотрим основные приметы *московской орфоэпической нормы*. В её основу легло «мещанско-городское просторечие (недаром Пушкин говорил об удивительно чистом языке московских просвирен)» [Аванесов 1972: 22]. Напомним слова А. С. Пушкина: «Альфиери (итальянский драматург XVIII в. — В. М.) изучал итальянский язык на флорентинском базаре. Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирам: они говорят удивительно чистым и правильным языком». Характернейшей чертой московского произношения является *а канье*. Вот как оценивает это явление М. В. Ломоносов [1952: 430]: «Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо почитается, а особливо выговор буквы *о* без ударения, как *а*, много

приятнее...». В. И. Чернышёв [1970: 72] считал аканье «главной особенностью московского произношения и говора образованных русских людей». Если аканье стало одной из основных особенностей современного произносительного стандарта, то другие приметы московского произношения начиная с 30-х годов XX столетия постепенно вытесняются из литературной речи. В 1936 г. Д. Н. Ушаков [1995: 182] пишет: «Единой системы произношения, которую можно было бы назвать московской, сейчас нет», и «поэтому название “московское произношение” <мы> употребляем, конечно, в смысле “старомосковского”».

Судя по наблюдениям специалистов, особенности старомосковской орфоэпической нормы продолжают жить в произношении как «москвичей разного возраста, в том числе и молодых» [Антонова 2007: 225—239], так и актёров московских театров [Прохорова, Колесникова 2010: 90—99], поэтому трудно принять мнение о том, что «старое московское произношение исчезло безвозвратно» [Щерба 1957: 111]. Такие особенности обычно задаются списком, однако для более удобного осмысления подразделим их следующим образом.

А. Особенности консонантизма. Первые три из них связаны с *экспансией звука [ш]*.

1. Произношение [ш] вместо [ч'] перед *н* в словах *конечно*, *нарочно*, *скучно* и некоторых других. Сочетание двух смычных [ч'н] представляет определённые «трудности для произношения» [Обнорский 1960: 235], поэтому «созвучие *чн* во многих словах упрощается в *шн*» [Чернышёв 1970: 78] — путём замены одного из смычных щелевым [ш] (процесс диссимиляции). Варианты на *шн* (*опришнёный*) зафиксированы уже в текстах XV в. [Обнорский 1960: 235].

Переход *чн* в *шн* происходил не во всех словах. Два обстоятельства способствовали сохранению звуко сочетания *чн*. 1. Воздействие «родственных образований» (С. П. Обнорский), т. е. словообразовательных ассоциаций: *начну* (не *нашну*, так как есть инфинитив *начать*), *дачный* (ср. *дача*), *ночной* (ср. *ночь*). 2.

«Влияние орфографии» [Чернышёв 1970: 66], т. е. воздействие графических ассоциаций, отсюда: а) «колебания в произношении таких слов, как *скучно*, *сердечный*, которые произносятся то орфографически с *ч*, то орфоэпически с *ш*: *скушина*, *сердешинный*»; б) отсутствие перехода *чн* в *шн* в книжной лексике (*тактичный*, *поэтичный*, *энергичный*) [Обнорский 1960: 236, 246 и 249]. Случаи графического отражения [шн] были редки даже при стилизации народно-разговорной речи: *Вы с барышней скромны, а с горнишницей повесы* (А. С. Грибоедов. *Горе от ума*); *Побывай во всех странах, В деревнях и в городах: Не найти тебе нигде Горемышнее меня* (А. А. Дельвиг. *Русская песня*).

В «живой» (не книжной) речи — в диалектах, в просторечии, в разговорной речи — замена *чн* на *шн* происходила активнейшим образом, ср. диал. *востошный*, *подрушный*, *мушной*, *пешной*, *подвешенный*, *отлишний*, *фабришний* (примеры С. П. Обнорского), устар. прост. *табашный*, *закадышний*, *башимашиник* (примеры Я. К. Грота), *коришневый* (пример Н. И. Греча), разг. *ску[ш]но*, *наро[ш]но*. Отсюда — старинное правило русской орфоэпии: «*Чн* в живых словах произносится за *шн*: *конечно*, *скучно*, *молочный*, *булочная*, *пустячный* и т. п. Но в словах книжного происхождения произносится *чн*: *бесконечный*, *сердечные болезни*, *точный*, *беспечный*» [Ушаков 1995: 176].

С распространением грамотности, книг и прессы конкуренция *чн* и *шн* закончилась победой «орфографического» *чн*. На протяжении последних 200 лет «мы имеем красноречивое свидетельство постепенного роста норм произношения с *чн* за счёт старейшего произношения соответственной лексики с *шн*» [Обнорский 1960: 247]. Сочетание [шн] осталось в считанных словах (*конечно*, *скучно*, *нарочно*, *очечник*, *пустячный*), в частности в таких женских простонародных отчествах, как *Савична*, *Кузьминична*, *Фоминична*, *Ильинична*, *Лукинична*. С. П. Обнорский [1956: 105] отмечает: «В соответствии с правописанием *чн* обычно такое же произношение в литературном языке. Изредка в том и другом слове задержалось *шн*. Случаев этих, однако, немного. Слово *скушный* имеет *чн*, но на сцене вне-

дрено *ин*. Отсюда колебание в литературном произношении. Л. В. Щерба верно подчеркнул, что такое *ин*... отзывает чем-то архаическим и просторечным». Списочный характер слов на [шн] «свидетельствует о реликтовом, остаточном характере старой нормы, о её отмирании в современном литературном языке» [Аванесов 1972: 143]. Вместе с тем наблюдения показывают, что и сейчас «во множестве случаев литературно говорящие москвичи (в том числе и молодые) используют старомосковскую норму в произнесении таких слов, как *беспорядо[шн]ый, було[шн]ая, горни[шн]ая, горчи[шн']ики, загадо[шн]ый, тряпи[шн]ый, тряпо[шн]ый, праче[шн]ая, пере[шн']ица* (старая), *серде[шн]ый* (друг), *шапо[шн]ое* (знакомство), *шутю[шн]ый* и др.», так что «выводы относительно безнадёжной архаичности черт старомосковского говора в речи москвичей были, вероятно, слишком поспешны» [Антонова 2007: 232 и 238].

2. Произношение [ш] вместо [щ] перед *н* в словах *помощник* и *всенощная*. Такое произношение возникло, на наш взгляд, под влиянием [шн] на месте *чн* в словах типа *очечник, скворечник, прачечная*, поскольку церковнославянский *щ* в этих двух словах чередуется и ассоциируется с русским *ч*: *помощь* ~ *помочь, всенощная* ~ *ночь*.

3. Произношение [ш] вместо [ч'] перед *т* в словах *что* и *чтобы* ещё не так давно было обязательной нормой литературной речи: «Произношение *что, чтобы*, основанное на письме, которое иногда мы слышим в разговоре, нужно считать ошибкой против выговора. Это всё равно, что говорить *злого, худого* с письменными окончаниями *-го*», — пишет В. И. Чернышёв [1970: 78] в 1915 г. «*Что* вместо *што*» (как пример «орфографического воздействия на язык») Е. Д. Поливанов [1968: 219] считал чертой петербургского произношения. Варианты [ч']*то* и [ч']*тобы*, появившиеся в результате **приближения произношения к письму** (т. е. в результате усиления и распространения буквенного произношения), ранее расценивались как противоречащие норме, но теперь признаются литературными [Шанский, Иванов 1987: 134]. Можно предположить, что

такое произношение также возникло под влиянием перехода *чн* в [шн].

Ещё три особенности консонантизма старомосковской орфоэпической нормы связаны с *экспансией мягкого произношения*.

1. Долгий мягкий [жж'] с оглушением в [шш'] в конце слов: *до[жж']и* — *до[шш']*. Такое произношение следует, видимо, расценивать как рефлекс древнерусского мягкого звука [ж'], т. е. как реликтовое явление. Допустимо это произношение только в корневых морфемах (*прие[жж']ать, жу[жж']ать, по[жж']е, во[жж']и* и др.), но не на стыке морфем; здесь «группа *жж...* звучит твёрдо»: *бе[жж']алостный, ра[жж']алобить* [Ушаков 1994: XXXIV]. Напомним, что краткий мягкий [ж'] в русском языке в настоящее время отсутствует, поэтому и сам долгий мягкий [жж'] существует в фонетической системе современного русского языка на правах исключения, т. е. явления асистемного. Исключения делают орфоэпическую систему слишком громоздкой, неудобной для использования. Поэтому вступает в действие не знающий жалости закон аналогии, и мягкое *жж* заменяется твёрдым: *жуужжать* начинают произносить так же, как *безжалостный, дожди* — как *подожди* (с кратким твёрдым [ж] и т. д. Всё, что «не вытекает из языковой системы, не заложено в ней..., безвозвратно гибнет» [Щерба 1974: 29]. Положение мягкого *жж* в русском языке, по определению М. В. Панова [1990: 26], «неуверенное», поскольку против этого звука «действует стремление к выравниванию системы» — «глубокий стимул фонетических перемен». Фонема /жж'/ «довольно редка и встречается в ограниченном круге слов. Всё это способствует её исчезновению» [Барина 1968: 91] — к такому выводу специалисты пришли уже в 60-е годы XX в. В настоящее время произношение [жж'] «возможно у представителей старшего поколения в нескольких словах (и всегда в корне): *вожжи, дрожжи, жжёт, жуужжать, визжать, брюзжать, дожди, дождик* и нек. др.» [Богомазов 2001: 224]. Такие слова, произношение которых противоречит фонетической системе языка и потому

требует запоминания, иногда называют **фонетическими** (или **орфоэпическими**) **фразеологизмами** [Панов 1968: 14 и 15].

2. Смягчение согласных, особенно «зубных» (*д, т, с, з, н*), а также *р* и *ф* перед мягкими согласными»: [*д'*]верь, во [*с'*]не, [*з'*]лить, ба[*н'*]щик (контактная регрессивная ассимиляция), це[*р'*]ковь (случай дистантной регрессивной ассимиляции, ныне представляющий собой «произносительный архаизм» [Панов 1990: 39]), ср.: *Корабль как ярых волн среди, Которые хотят покрыти, Бежит, срывая с них верьхи* (М. В. Ломоносов). Причины отвердения называют разные [см. обзор: Касаткин 2003: 147—150]. Так, В. В. Колесов [1991: 183] отмечает: «В Петербурге подобное “нежное” произношение осуждали и произносили так, как писали: ла[ф]ки, гу[п]ки, ло[ф]кий. Такое произношение удобнее, и потому оно стало современной нормой». Думается, что твёрдое произношение побеждает в тех случаях, когда оно соответствует графическим ассоциациям, и наоборот, ср.: *бью, нью* (*б* и *п* перед *й* произносятся мягко).

3. Мягкое [*р'*] (преимущественно перед *г, к, х*) в словах *верх, четверг, первый, коверкать* и некоторых других (случай дистантной *прогрессивной ассимиляции*). В настоящее время «такое произношение приобрело просторечно-бытовой характер и не свойственно литературному языку» [Аванесов 1961: 10]; победило буквенное произношение.

Три особенности консонантизма старомосковской орфоэпической нормы связаны с *экспансией твёрдого произношения*.

1. Твёрдое [*с*] в постфиксе *-ся/-сь*: *бою[с], боял[са], бояли[с], бои[сса]* («окончание глаголов *-шья* произносится *-сса*: *сердисса, вертисса, стараисса, занимаисса* и т. п.» [Чернышёв 1970: 78], *делая[с]*. Однако «в деепричастиях с ударением на конце надо произносить мягкое *с*»: *боя[с']* [Ушаков 1995: 176]. Как известно, «на протяжении всего XIX и в XX в. по литературной норме частицы *-ся, -сь* произносились с твёрдым [*с*]» [Кузьмина 1968: 103], вспомним: *И русский Н, как N французский Произносить умела в нос; Но скоро всё перевело[с]*. К настоящему моменту победило мягкое произношение, что

«объясняется прежде всего влиянием правописания» [Аванесов 1972: 164].

2. Произношение концовок *-гий, -кий, -хий* в прилагательных типа *долгий, широкий, тихий* «так, как если бы было написано *гой, кой, хой*» [Ушаков 1995: 176], ср.: *И стал осёл скотиной превеликой, А сверх того ему такой дан голос дикий* (И. А. Крылов). Иногда это обстоятельство получало отражение в письменной речи: *Не видно более педантов, дураков, И даже поумнел Загряжской, Свистунов!* (Д. В. Давыдов). Судя по рифмам XVIII—XIX вв., данное правило распространялось и на прилагательные с другими концовками, ср.: *Оробел и убежал И со всею свитой... Два часа в санях лежал Генерал сердитый* (Н. А. Некрасов). Об этом же говорит и графическое оформление текстов этой эпохи: *Иной, в последни видя зорю, Закрой, кричит, багряной вид* (М. В. Ломоносов). Это исконно русское окончание *-ой* во второй половине XIX в. сменилось на «заимствованное из церковнославянского *-ый*» [Касаткин 2007: 348].

3. Твёрдое произношение слогов *ги, ки, хи* в глаголах типа *затрагивать, отталкивать и оттихивать* — «так, как если бы было написано *го, ко, хо*» [Толковый словарь русского языка 1994: XXXIV] или *«гы, кы, хы»* [Чернышёв 1970: 80]. В настоящее время «у подобных глаголов распространяется “орфографическое” произношение» [Горбачевич 1978 а: 137].

Б. Две особенности старомосковского произношения относятся к сфере **вокализма**.

1. Произношение [ы] «на месте *а* и *о* после *ж* и *ш* в предударных слогах» [Ушаков 1995: 173]: *ш[ы]ко́лад, ж[ы]́ра, ш[ы]́лун, лош[ы]́дэй, рж[ы]́ной*. Откуда взялось такое произношение? Всё дело в том, что **[ш] и [ж] в прошлом были мягкими** и после них, как и после всех других мягких согласных, *а* и *о* в предударной позиции произносились как [и] [Богомазов 2001: 223], ср.: *ч[а́]с — ч[и³]сы, [п'а́]ть — [п'ъ]тачо́к*. Сейчас звуки [ж] и [ш] — твёрдые, а по законам русской фонетики *а* и *о* после твёрдых согласных в предударной позиции должны звучать как

[a]: ж[А]ра́, ш[А]лу́н — по аналогии с произношением таких, к примеру, слов, как к[А]ра́, в[А]лу́н и др. Когда-то Л. В. Щерба предсказал: «Предударное а ... будет, конечно, произноситься более или менее, как а, независимо от предшествующего <твёрдого> согласного: при шалость — шалун, а не шылун (как произносили раньше в Москве)» [Щерба 1957: 112]. Предсказание в целом сбылось: «Произношение в именах нарицательных на месте буквы а звука, близкого к [ы] (ш[ы³]лаш, ж[ы³]ркое), свойственное старой московской норме, вышло из употребления» [Зарва 1984: 12—13]. Несколько исключений («фонетических фразеологизмов») упорно продолжают рекомендоваться пособиями по орфоэпии (рж[ы³]но́й, лош[ы³]де́й, ж[ы³]ле́ть, ж[ы³]сми́н, ж[ы³]ке́т; см., например: [Хрымова 2002: 140]), однако в действительности старомосковская норма продолжает удерживаться здесь лишь в одном слове: ш[ы³]кола́д (оно произносится так, как будто после ш пишется е или и, а не о). «Преобразование [шы³г'у́] в [шаг'у́] было обусловлено тенденцией к выравниванию, к изъятию исключений в русском вокализме», — справедливо полагает М. В. Панов [1968 б: 38].

2. Безударные окончания -ат, -ят в глаголах 2-го спряжения 3-го л. мн. ч. произносятся как [ут], т. е. как окончания 1-го спряжения: «Пишем: *ходят, смотрят*; говорим: *хóдут, смóтруют*» [Чернышёв 1970: 86], ср. *работают*. Здесь обнаруживается **влияние грамматической аналогии** (усиленной омофонией окончаний -ишь и -ешь, -ит и -ет, -им и -ем, -ите и -ете), так что, строго говоря, данная особенность связана **не с произношением, а со словоизменением**. Что касается судьбы этого явления, то ещё в 40-е годы XX в. в учебниках приводилось правило: «Все безударные окончания 3-го л. мн. ч. глаголов произносятся как *ут*: л'уб'ут, ды́шут, нóс'ут» [Абакумов 1942: 47]. Через два десятка лет оценка подобных вариантов изменилась: так, Р. И. Аванесов [1961: 11] считает, что такое произношение «слышится в просторечном, нелитературном языке». В настоящее время выяснилось, однако, что это произношение

характерно для речи москвичей, включая «многих ведущих информационных программ телевидения» [Антонова 2007: 228].

Как известно, именно московское произношение было положено «в основу нормального общего произношения», т. е. современного произносительного стандарта, однако ещё Д. Н. Ушаков [1995: 181] предсказал, что «не все московские черты целиком должны в него войти». Не вошли асистемные явления, а также те черты, которые вступили в конфликт с графическими ассоциациями (т. е. противоречили орфографии). По справедливому мнению Л. А. Вербицкой [2011: 48], «произносительная норма, безусловно, зависит от фонологической системы языка». Не менее зависима она и от графики.

По сравнению с московским петербургское произношение «более буквенно», поскольку оно «возникло в городе, который заселялся поспешно и в языковом отношении беспорядочно. Образовался диалектно-пёстрый конгломерат; произносительного единства в нём можно было добиться только при ориентации на письмо»; считается, что именно благодаря влиянию петербургского варианта национальной орфоэпической нормы была уменьшена «пропасть между русским письмом и произношением» [Панов 1990: 150]. Таким образом, прав был Л. В. Щерба [1957: 111], когда говорил о том, что «будущее русское образцовое произношение пойдёт *по пути сближения с письмом*». Научиться иначе говорить оказалось гораздо легче (и, добавим, дешевле), чем научиться иначе писать: орфографические реформы связаны с необходимостью не только «переучивать массы пишущих» [Аванесов 1972: 190], но и перепечатывать массы книг (включая, в частности, всю русскую классику).

Ещё одна мощная тенденция в развитии современных орфоэпических норм — их *унификация*, т. е.: 1) устранение «всего чересчур местного, московского или ленинградского, орловского или новгородского» [Щерба 1957: 111]; 2) устранение асистемных явлений: исключений и вариантов, противоречащих законам русской фонетики.

Рекомендуемая литература

Основная

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972 (или др. издания; глава «Произношение слов иноязычного происхождения», с. 166—176).

Вещикова И. А. Орфоэпия: основы теории и прикладные аспекты. М., 2007 (раздел «О содержании термина “Стиль произношения”». С. 105—114).

Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978 (раздел «Нормы произношения». С. 134—160).

Ушаков Д. Н. Московское произношение // Русская речь. 1968. № 2.

Дополнительная

Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. М., 2008.

Иванова-Лукиянова Г. Н. Культура устной речи. М., 2003.

Москвин В. П. Фрикативный [γ] в современном рус. языке // Рус. яз. в шк. 2014. № 6.

Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVII—XX вв. М., 2002.

Развитие фонетики совр. рус. языка (фонологические подсистемы). М., 1971.

Русский язык и советское общество. Фонетика совр. рус. лит. языка. М., 1968.

Чернышёв В. И. Законы и правила русского произношения // избр. тр.: в 2 т. Т. 1. М., 1970.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Словари

Горбачевич К. С. Современный орфоэпический словарь русского языка. Все трудности произношения и ударения. М., 2009.

Иванова Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы. М., 2009.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века. М., 2012.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. 9-е изд. М., 2001 (или др. издания).

Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

ЗАДАНИЯ

1. Определить качество согласного (твёрдость / мягкость) перед буквой *е* в следующих словах иноязычного происхождения: *агрессия*, *артерия*¹, *бактерия*, *барельеф*, *бартер*², *берет*, *бизнес*, *бизнесмен*, *бодибилдер*, *бременный*, *бренди*, *брюнет*³, *бухгалтерия*, *буэнос-айресский*, *варьете*, *вестерн*, *гипотенуза*, *Гомер*, *гротеск*⁴, *девальвация*, *девиз*, *декада*, *декан*⁵, *Декарт*⁶, *демтинг*, *икебана*, *кемтинг*, *кодекс*, *компресс*, *контекст*, *кортеж*, *критерий*, *метр*⁷, *музей*, *неофит*, *Одесса*⁸, *Остап Бендер*, *пионер*⁹, *пресса*, *реквием*, *сонет*¹⁰, *стратегия*¹¹, *термос*, *тезис*, *темп*, *тенденция*, *свитер*, *шинель*, *экзекуция*, *экзема*, *экземпляр*, *эзерсис*, *энергия*. Как ая тенденция в произношении наблюдается? Как и е звуки чаще всего не смягчаются перед [э]?¹²

В словаре Л. А. Введенской [2003] приводятся как равноправные два орфоэпических варианта: *порт*[в'э]йн и *порт*[вэ]йн. Твёрдое произношение звука [т] в слове *термин* характеризуется в словарях: а) как допустимое [Вербицкая и др. 2005]; б) как неправильное [Каленчук, Касаткина 2006]. Прокомментируйте эти факты с точки зрения освоенности указанных слов.

Известно, что «нормативной в русском языке является передача английской фонемы [e] русской буквой *е*». Однако «в современной речевой практике отмечается неоднозначное использование русских графем *е/э* на месте указанной английской фонемы»: *слеш* и *слэш*, *Хеллоуин* и *Хэллоуин*, *флеш-моб* и *флэш-моб* [Турко 2014: 181]. Какая из двух графем больше соответствует рассмотренной выше тенденции?

2. Пояснить произношение долгих корневых согласных в следующих словах иноязычного происхождения: *вилла*¹³, *ассонанс*¹⁴, *комиссия*¹⁵, *профессор*¹⁶, *тонна*, *тоннаж*¹⁷, *ассоциация*, *панна*, *бассейн*, *процессуальный*, *касса*, *кассовый*, *гамма*, *панно*, *ассимиляция*, *мулла*, *коллега*, *суббота*, *бонна*, *грамматика*, *лемма*, *аллопат*, *шоссе*, *сумма*, *суммарный*, *масса*, *массовый*, *массовка*, *программа*, *брависсимо*¹⁸, *ванна*. Р. И. Аванесов [1972: 129] пишет: «Произношение двойного согласного прочно сохраняется в ряде общеупотребительных слов в положении непосредственно после ударного гласного». Найдите слова, не подчиняющиеся этой закономерности¹⁹.

Определить причину появления орфографических ошибок, связанных с удвоением согласных в корне слов иноязычного происхождения. Учёными выделяется две группы таких ошибок: а) «напрасное удвоение»: *аллигарх* (вм. *олигарх*), *коллорит*, *трилогия*, *шуллер*, *граммотный*, *гумманность*, *аппатия*, *эппоней*, *фассад*, *расса*, *аттака*, *рефформа*, *проффессор*; б) «однократное написание согласных, подлежащих удвоению»: *акуратно*, *комунизм* [см.: Лейчик, Скороходова 2004: 57]²⁰.

3. Пояснить произношение скоплений гласных в словах: *абитуриент*, *миллион*, *кариес*, *риелтор*, *в армии*, *Леонтий*, *океан*, *архиерей*, *аудиенц-зал*, *гаер*, *по истории*, *конституент*, *hoto sapiens*, *гигиена*, *радио*, *диета*, *пациент*, *проект*, *Украина*, *реципиент*, *интервьюер*, *о России*, *реквием*.

4. Пояснить произношение фонемы /o/ в словах иноязычного происхождения: *вокзал*²¹, *оазис*²², *кредо*²³, *поэт*²⁴, *соната*²⁵, *радио*, *боа*, *костюм*, *полонез*, *каприччио*, *портфель*, *новелла*, *Вольтер*, *ноктюрн*, *роман*, *сонет*, *аортальный*, *болеро*, *консенсус*, *какао*, *прогресс*, *эволюция*, *портвейн*, *рояль*, *адажисо*, *контакт*, *брависсимо*, *орхидея*, *проблема*, *трио*, *зоопарк*, *Гомер*.

5. Сформулировать правила произношения редко встречающихся иноязычных слов: *шахинишах*, *шамберьер*, *чако-*

на, берсальер, Бялыницкий-Бируля, Шенье, Моонзундские острова, теодолит, дуораветланы, Реомюр, анаэроб, бактериофаг, Арьеж, Арциз, Кассиопея, Кентукки, Ориноко²⁶.

6. Произнести следующие слова и словосочетания в манерном стиле: *интерьер, романс²⁷, нота la²⁸, великий Гомер, бокал вина, прогресс, поэт, бомонд, губернатор острова Борнео, профессор, уважаемый коллега.*

7. Прочитать стихи М. Волошина в высоком произносительном стиле; найти слова, которые в этом стиле читаются по особым правилам. Сформулировать правила высокого произносительного стиля.

Безвестных стран разбитые заставы.
Могильники забытых городов.
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданных волною берегов.
Теней Луны по склонам плащ зубчатый.
Монастыри в преддверии пустынь,
И медных солнц гудящие закаты...²⁹

8. Пояснить возможные случаи произношения буквы *г* в следующих словах: *рог³⁰, рога, нога³¹, бог знает как³², бог Аполлон, боги Древней Греции³³, слава богу³⁴, благо, богатый, господь³⁵, бухгалтер³⁶, господи, ага, ого, угу³⁷, лёгкий, мягкий, легчайший³⁸. Пояснить появление фрикативного [γ] в контекстах типа наши[γ] детей³⁹.*

Прокомментировать следующие рифмы с точки зрения орфоэпии. 1. От ревности печальный **бог** Спокойно подремать не **мог** (А. С. Пушкин. Амур и Гименей). В. И. Чернышёв [1970: 76] считает произношение *мо[x]* в этой рифме областным. Прав ли он? 2. Сердце чувствует согласие Свежих ран и дальних **вех**... Снегири сидят на ясене, Сыплот семечки на **снег** (А. Жигулин). 3. Мы вместе плясали на **хатах** безудержный та-

нец щегла... И всех человеческих **каторг** нам вместе дорога легла. (Н. Асеев⁴⁰). 4. И глухо, как от подачки, Когда бросят ей камень в **смех**, Покатались глаза собачьи Золотыми звёздами в **снег** (С. Есенин). 5. Или музыкой и певцами, Органом и волынкой **вдруг** Или кулачными бойцами И пляской веселю мой **дух**. (Г. Р. Державин). 6. И русский в шумной глубине Уже плывёт и пенит волны, Уже противных скал **достиг**, Уже хватается за **них**... (А. С. Пушкин⁴¹). 7. В полях кровавых Марс страшился, Свой меч в Петровых зря **руках**, И с трепетом Нептун чудился, Взирая на Российский **флаг** (М. В. Ломоносов).

9. Прочитать двестише Симеона Полоцкого (1629—1680) по правилам высокого произносительного стиля XVII — начала XIX в.

Песни новы составляйте,
Господеви воспевайте!⁴²

10. Назвать причины, по которым в следующих словах не произошёл переход [э] в [о]: *иноплеменный⁴³, блеф⁴⁴, бытие⁴⁵, валежник⁴⁶, вертеп, афера, житие, ярем, бесхребетный, атлет, повре́менная оплата, надеж, гренадер, преемник, ковчег, современный, помпезный, житие, аптека, головешка, де́белый, костюмер, недоуменный, склеп.*

С. П. Обнорский [1960: 216] утверждает, что литературное произношение — *головёшка*, просторечное — *головешка*. Докажите, что он не прав.

Определить разницу: *крестный* / *крёстный* (отец, ход, дочь, мать, зна́мение, сын, целование), *неоцененный* / *неоценённый* (товар, друг, услуга), *истекиший* / *истёкший* (и. кровью, и. срок, год), *оглашенный* / *оглашённый* (приказ; кричит как о.), *совершенный* / *совершённый* (преступление, произведение).

11. Произнести по старомосковской произносительной норме следующие слова: *жакет, дожди, дождь, брюзжать, лошадей, поцелуй, целую⁴⁷, молочный, гвозди, воротился, куз-*

нец, встречаюсь, широкий, затрагивать, вытаскивать, видят, зверь, держат, церковь, здесь, верх, четверг.

Почему орфоэпические варианты типа *механи*[з']м, *социали*[з']м считаются просторечными? Какова причина появления таких вариантов⁴⁸?

12. У к а з а т ь слова, в которых произношение [шн]: а) обязательно; б) возможно; в) представляет собой орфоэпическую ошибку. Определить факторы, служащие: а) поддержке произношения [шн]; б) поддержке произношения [чн]: *балалаечник*⁴⁹, *беспечный*⁵⁰, *будничный*, *буднишний*⁵¹, *булочная*, *булочник*, *всенощная*⁵², *горчичник*⁵³, *горчичница*, *горчичный*, *горячечный*, *двоечник*⁵⁴, *достаточно*, *Ильинична*⁵⁵, *конечно*, *конечный*⁵⁶, *копеечный*, *Кузьминична*, *к шапочному разбору*⁵⁷, *лавочник*, *мелочный*, *молочник*, *нарочно*, *нечто*⁵⁸, *очечник*⁵⁹, *полуночник*, *порядочный*, *пшеничный*⁶⁰, *сказочный*⁶¹, *скворечник*, *сливочник*, *сливочный*, *подсвечник*, *прачечная*, *пустячный*, *скучно*, *съёмочный*, *хлебобулочный*⁶², *шапочное знакомство*, *яичница*.

В «Словаре ударений для дикторов радио и телевидения» Л. А. Введенской (М., 2003. С. 203) приводятся как равноправные два орфоэпических варианта: *хлебобуло*[шн]ый и *хлебобуло*[чн]ый. Прокомментируйте этот факт.

Пояснить разницу в произношении: *кала*[чн]ый / *кала*[шн]ый (ряд, тесто), *серде*[чн]ый / *серде*[шн]ый: *Что тебя доконало, сердечного? Ты за что свою душу сгубил?* (Н. А. Некрасов. Похороны); *Или, может, зазноба сердечная Будет таять, дружка поджидать?* (Н. А. Некрасов. Похороны); *шапочная мастерская* / *шаточный знакомый*.

Какой принцип орфографии действует в написании слов *городошник*, *буднишний* (*буднишний*), *двурушник*⁶³?

Пояснить различие в произношении выделенных слов:

Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось **скучно**,
И редко посещал наш дом. (А. С. Грибоедов)

— Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно да сядь ко мне.
— Что, Таня, что с тобой? — Мне **скучно**.
Поговорим о старине. (А. С. Пушкин)

13. У к а з а т ь и прокомментировать слова и словоформы с нестандартным произношением.

1. Он счастлив, если ей накинёт Боа пушистый на плечо (А. С. Пушкин). 2. Гляжу ль на дуб уединенный, Я мыслю: патриарх лесов Переживёт мой век забвенный, Как пережил он век отцов (А. С. Пушкин). 3. Старый друг лучше новых двух (Пословица)⁶⁴. 4. Белеет парус одинокий В тумане моря голубом!.. Что ищет он в стране далёкой? Что кинул он в краю родном?.. (М. Ю. Лермонтов). 5. И русский Н, как N французский, Произносить умела в нос; Но скоро всё перевелось... (А. С. Пушкин). 6. Наш медик в рот больным Без счёту капли льет, Однако от того ни капли пользы нет (М. М. Херасков). 7. Я послал тебе чёрную розу в бокале Золотого, как небо, аи (А. Блок)⁶⁵. 8. Случалось ли поэтам слезным Читать в глаза своим любезным Свои творенья? (А. С. Пушкин). 9. Тогда орёл, с небес направля свой полет, Ударил в ястреба всей силой — И хищник хищнику достался на обед. Меж тем наш Голубь милый, Вниз камнем ринувшись, прижался под плетнём (И. А. Крылов). 10. Я гребу, весло вытаскиваю, Да кричу татарам: — Ой, не дам, не дам вам ласковую, Ей не жить со старым! (М. Шагинян). 11. И с грозной шайкою злодей На них напал. Все пали мертвы. Но дочь, младенец двух годов, — Сам Бог ей, видно, был покров, — В живых осталась, и сей жертвы Всесильный не хотел принять (В. Л. Пушкин). 12. В наше время кормят, холят, Берегут спинную честь... Прежде били, — нынче колот... Что же выгодней, — бог весть!.. (М. Ю. Лермонтов). 13. Но правдой он привлёк сердца, Но нравы укротил наукой, И был от буйного стрельца Пред ним отличен Долгорукий (А. С. Пушкин). 14. Ей всё равно. Ушла. Откололась. А мне теперь забывать её голос (Л. Ошанин). 15. Когда в товарищах согласья нет, На лад их дело

не пойдет (И. А. Крылов). 16. Он с лирой странствовал на свете; Под небом Шиллера и Гете (А. С. Пушкин). 17. Не дай бог с дураком связаться: Услужливый дурак опаснее врага (И. А. Крылов). 18. Там на горе крутой, высокой Великолепный храм стоит, Внизу река. По ней широкий И длинный мост ведёт в посад (В. Л. Пушкин). 19. Везде молитва началась: «Небесный царь, услыши нас...» (В. А. Жуковский).

14. Указать и прокомментировать диалектные и просторечные орфоэпические варианты следующих слов: *асфальт, благословение, была*⁶⁶, *бюро*⁶⁷, *велосипед, вечеря*⁶⁸, *взимать, взяточничество*⁶⁹, *внук*⁷⁰, *Гаага, гололедица, грести, дерматин, дети*⁷¹, *дивиденды, дикобраз, дурилаг, заём, застревает, идефикс, икебана, инцидент, картон, кафедра, компрометировать, конкурентоспособный, конфорка*⁷², *коридор, лотерея, любовь*⁷³, *макулатура, мощность*⁷⁴, *наём, насмехаться*⁷⁵, *нога*⁷⁶, *нюанс, пирожное, покамест, поскользнуться, праздноство, придётся, противень, прочие, реализм*⁷⁷, *резать*⁷⁸, *рубль, сидит*⁷⁹, *социализм, споткнуться, сущность, сфера, сюда*⁸⁰, *телевизор, трамвай, тюрьма*⁸¹, *уплачено, учреждение, Фёдор, хватит, хорошо*⁸², *Цюрих, час*⁸³, *чего*⁸⁴, *шествовать*.

15. Привести просторечные народноэтимологические варианты следующих слов, пояснить причину варьирования. Образец: *тиджак* — устар. *стинжак, тинджак* и *тинжак* (под влиянием слова *стина*).

Бидон, бульвар, грейпфрут, митрополит, военачальник, завуч, констатировать, крыжовник, лаборатория, острое респираторное заболевание, немза, перспектива, пертурбация, плексиглас, поликлиника, пуловер, сорокопут, тротуар, эскалатор, яства, ячейка.

2. РУССКОЕ УДАРЕНИЕ

Словесным **ударением** принято считать выделение одного из слогов неодносложного слова с помощью следующих средств [ср.: Аванесов 1958: 8]: 1. Длительность. Ударные гласные особенно сильно тянутся в крике, в стихотворной речи [Златоустова 1981: 72], в пении [Щерба 1974: 177]. Считается, что «длительность является наиболее надежным признаком, по которому мы различаем ударные и безударные гласные» [Бондарко, Вербицкая, Щербакова 1973: 143]. 2. Сила голоса, благодаря которой гласные среднего (/e/, /o/) и нижнего (/a/) подъема под ударением сохраняют своё качество (ясность, чёткость). В безударной позиции эти гласные теряют качество, ср. *леса* и *леса* (звучит как *лиса*), *дома* и *дома* («заударный /a/ ... больше похож на /ы/, чем на /a/» [Бондарко 1981: 124]), ср. также написание и произношение слова *молоко* [мьлАко]; в диалектах, однако, встречаем [молоко], «окающее» произношение лежит за пределами литературной нормы. Долгота и сила «неотделимы, поэтому ударный слог и самый сильный, и самый длительный» [Реформатский 1959, ср.: Щерба 1974: 176]. В безударных слогах гласные р е д у ц и р у ю т с я, т. е. теряют либо только длительность (/и/, /ы/, /у/) либо и длительность, и качество (/e/, /a/, /o/).

Ударение «подчёркивает один слог или одну морфему, которая противопоставляется всем остальным» [Курилович 2000: 436—437]. С помощью ударения можно «подчеркнуть» и безударный (редуцированный) гласный, качество которого для нас не вполне ясно, например: «Как пишется: м[о] — локо или м[а] — локо?» Или: «М[о] — локо, а не м[а] — локо!».

Ударение может выделять не только слог, но и слово, важное по смыслу, ср.: *Я купил книгу (а не он) / Я **купил** книгу (а не взял в библиотеке) / Я купил **книгу** (а не тетрадь)*. Такое ударение на-

зывается **логическим**; от словесного оно отличается большей длительностью и силой. В зависимости от места логического ударения «одно и то же предложение может приобретать в речи различные смысловые оттенки» [Распопов 1957: 19], поэтому логическое ударение нередко именуют **с м ы с л о в ы м**.

Иногда мы выделяем какое-либо слово эмоционально; в этом случае удлинняются не только гласные, но и согласные [Чернышёв 1970: 174—175]: *По[н:я]тия не имею!* Удлиннение согласных типа /т/, /к/ (смычных), которые, строго говоря, «тянуться» не могут, происходит за счёт внутрисловной паузы, т. е. «“паузы” во время смычки», разделяющей имплозию и эксплозию [Зиндер 1979: 125]: *Ну[ф*к]огда!* Эмоциональное выделение слова называется **эмфатическим** ударением [Златоустова 1957].

Как видим, за счёт использования различных типов ударения длительность звуков русской речи увеличивается, поэтому иностранцам нередко «кажется, что русские, когда говорят, “как бы поют”» [Кузнецов 1965: 104].

Одной из функций русского словесного ударения является **объединяющая** (или **ку л ь м и н а т и в н а я**) функция: ударение служит «средством объединения слова в одно целое» [Бондарко 1977: 151]. Ударный слог, подобно магниту, «притягивает» несколько безударных слогов, иногда — и короткие (как правило, односложные) служебные слова: *за городом, они же*. Служебное и самостоятельное слова, объединенные одним (общим для них) ударением, образуют **фонетическое слово**. Безударное слово, примыкающее к ударному, называется **клитикой**. Предударная клитика (*за городом*) называется **проклитикой**, послеударная (*они же*) — **энклитикой**. Иногда энклитикой становится короткое самостоятельное слово: *за город, не было*. Ударный предлог с энклитически примыкающим к нему полнозначным словом характерен для разговорной, народной речи, для фольклора и потому используется при стилизации: а) народной и фольклорной речи; вспомним: *Ветер по морю гуляет И кораблик подгоняет* (А. С. Пушкин. Сказка о царе Салтане); б) разговорной речи: *Кому назначено-с, не миновать судьбы: Мол-*

чалин **на** лошадь садился, ногу в стремя, А лошадь на дыбы, Он **об** землю и прямо в темя (А. С. Грибоедов. Горе от ума). Со временем в разговорной речи происходят некоторые изменения. Ещё С. И. Ожегов [1974: 267] отметил, что в течение XIX в. ударение на предлоге было «нормой литературной речи. В наши дни происходит заметное разрушение этой нормы под влиянием тенденции переноса ударения на значимую часть. Вместо того чтобы говорить *за сорок, под ноги, по полю, под вечер*, часто произносят: *за сорок, под ноги, по полю, под вечер*».

В разговорной речи наблюдаем е р б а л и з а ц и ю — слияние двух лексических единиц в одно фонетическое слово с общей флексией: *Встретил вчера Николай Ивановича, Работаю с Павел Петровичем, Рассказал об этом Ксан Ксанне; Сти, мой день рождение* (А. Вознесенский).

Фонетические законы русского языка «не позволяют произносить подряд много безударных слогов» [Суперанская 1966: 14], поэтому *при артикулировании многосложных слов мы испытываем серьёзные затруднения*. Чтобы упростить их произношение, используются следующие средства.

1. **Звуковой эллипсис:** *прово[лк]а* вм. *провода*, *Ксан Ксан* — *на* вм. *Александра Александровна*, *занима[тн]ый* вм. *занимательный*.

2. **Побочное ударение.** С помощью побочных и главного ударений многосложное слово членится на ряд удобопроизносимых сегментов (своего рода «фонетических слов») и таким образом становится «поливершинным»: *ультранационалистический, незаконнорождённый, водонепроницаемый, телерепортаж*. Трудно согласиться со специалистами, утверждающими, что побочное ударение в сложных словах ставится только «на первом корне» [Борисенко 1985: 281]. Побочное ударение слабее главного и обязательно предшествует ему, а значит, может использоваться *только в словах с ударением на последнем или срединных слогах*. В сложных словах оно обычно возникает на месте основного ударения производящих слов: *слаборазвитый* (ср. *слабо*), ср., однако: *тепло* — *теплоэнергетика*,

что объясняется «запретом на дополнительную ударность соединительных гласных *о* и *е*» [Борунова 2007: 26]. Количество ударений в сложных и сложносокращенных словах определяется количеством производящих слов: *двухсотсорокпятиметровый*, *Мосгорсуд*. Такие слова в русском языке имеют главное ударение «на последнем компоненте» [Суперанская 1968: 42]; эта закономерность объясняется тем, что слова с ударением на финальных слогах открывают позицию для побочного ударения. В сложносокращенных словах побочные ударения способствуют сохранению качества гласных звуков; без таких ударений слово может исказиться до неузнаваемости: *М[ъз]г[А]рсу[т]*, *г[А]сстрах*; чтобы этого избежать, желательно использовать буквенное произношение: *М[ос]г[о]рсу[д]*. В словах с нечленимой основой побочное ударение приходится на первый слог: *аккомпанировать*, *баллотировать*, *кинематография*, при этом «критическим расстоянием», отделяющим побочное ударение от главного, считается три предударных слога [Логинава 2005: 43]. С помощью такого ударения могут быть преодолены не только скопления безударных слогов, но и скопления согласных звуков: *постскриптум*, *метрдомель*. Побочное ударение может употребляться в комбинации со звуковым эллипсисом: *во[дн']епро[н'ц]аемый*. В многосложных словах с ударением *на первом слоге* использовать побочное ударение нельзя; остается одно средство облегчить произношение таких слов — звуковой эллипсис: *качественный* — *ка[чст]венный*. Видимо, поэтому (а также ввиду того, что эллипсис не всегда применим) произношение подобных слов вызывает сложности (попробуем быстро произнести, к примеру: *высвободившемуся*); такое артикуляционное неблагозвучие иногда приводит к утрате словесных концовок: *неприкосновенный* — *неприкосновенен*, но: *косвенный* — *косвен* (ср. *косвенен*), *выспренный* — *выспрен*, *экстренный* — *экстрен*.

Иногда колебания (ср. *мальчиковый* и проф. *мальчиковый*), а также исторические смещения ударений (ср., например, *таинственный* и устар. *таинственнѣйшій*) поясняются «центроостре-

мительным» характером русского ударения, например в рамках теории «ритмического равновесия», в соответствии с которой перенос ударения с боковых слогов на срединные упрощает произношение многосложного слова [Горбачевич 1975: 49; Горбачевич 1978: 98 и 120]. Данная теория имеет объяснительную силу, но не учитывает закон аналогии.

Нагромождение ударных слогов (или односложных слов) так же неудобно для произношения, как и нагромождение безударных: *Вот брат взял нож* (пример Л. В. Щербы), *Им там был сдан дом*. Такие фразы приходится читать с напряженной артикуляцией, без передышек, которые дают безударные слоги. Отсутствие междуударных интервалов делает речь *рубленой*.

Ударные и безударные слоги должны чередоваться. Такое чередование, используемое как выразительный приём, лежит, в частности, в основе стихотворной речи: *Буря мглою небо кроет* (А. С. Пушкин). В практической же речи, например при подготовке текста доклада, лекции, желательно следовать совету античного ученого: «Не надо сгущивать идущих подряд одно за другим ни таких слов, которые состоят из малого числа слогов — это режет ухо, — ни слишком большого числа многосложных» [Дионисий 1996: 252].

Последовательность безударных и ударного слогов «образует резкий контраст частей слова» [Федянина 1982: 17], неповторимую структуру, благодаря которой мы безошибочно опознаем слова и различаем даже очень похожие друг на друга словоформы, ср. *замок* и *замок*, *дорогой* и *дорогой*. «Любое слово, — отмечает Н. С. Трубецкой [1960: 43], — представляет целостность, структуру; оно и воспринимается слушателями как структура, подобно тому, как мы узнаем, например, на улице знакомых по их общему облику». Ударение считается «индивидуальным признаком слова», характеризующим последнее «наряду с отдельными фонемами» [Курилович 2000: 436]. Поэтому неправильное ударение превращает слово в карикатуру, а того, кто такие слова употребляет, — в объект насмешек.

Представим себе депутата (лектора, учителя, журналиста), то и дело говорящего *положь, звонит, документ*; такие формы не прибавят ему авторитета.

Известные сложности в изучении русского словесного ударения связаны с его разноместностью (т. е. способностью падать на любой слог в слове) и, следовательно, с необходимостью запоминания места ударения в каждом слове, в каждой словоформе. Избавлены от такой необходимости носители языков с фиксированным ударением, к примеру, венгры (в их языке ударение всегда падает на первый слог), французы (на последний), поляки (на предпоследний).

Особенностью русского ударения является подвижность, т. е. разноместность внутри одной словоизменительной парадигмы: *вода, водой* (ударение на окончании), но: *воду, воды* (ударение на основе). Как видим, «подвижное ударение в процессе формообразования меняет место» [Пирогова 1967: 15]. Подвижное ударение встречается в коротких (двухсложных и трёхсложных: *домом — домами*) словоформах. Слов с таким ударением немного (всего около 4%), но они «являются наиболее употребительными словами, составляющими базисную лексику русского языка» [Федянина 1982: 21].

Запись, фиксирующая места ударений в парадигме слова, называется **схемой ударения** [ср.: Зализняк 1964а: 15], акцентным типом, акцентной кривой, акцентной парадигмой, акцентологической моделью [лат. *accentus* ‘ударение’]. Составим схему ударения для глагола *звонить*: я *звоню*, ты *звонишь*, он *звонит*, мы *звоним*, вы *звоните*, они *звонят*; прош. *звонил, звонила, звонило, звонили*; прич. *звонивший, звонящий*; повел. *звони, звоните*. Этой же схеме ударения подчиняются глаголы *углубить, облегчить, повторить, включить* и некоторые др. с концовкой *-ить*. Как видим, модель ударения «характерна для определённой группы слов» [Иллич-Свитыч 1963: 4], поэтому: 1) места ударений довольно легко («по аналогии») запоминаются (ср.: *спина — спину* как *вода — воду, гора — гору*); 2) «разноместный и подвижный характер не делает русское ударение хаотичным»

[Пирогова 1967: 15]. Схемы ударения зафиксированы, в частности, в «Русской грамматике» [1980, т. I].

Разноместность и подвижность ударения имеют как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, благодаря разноместности и подвижности русское ударение может использоваться в *дифференцирующей функции* — «для различения слов и их форм» [Головин 1988: 82]. Так, разноместное ударение различает: 1) разные слова: *Александрович* (отчество) — *Александрович* (фамилия), *шабаши* ‘баста’ — *шабаши* ‘сборище ведьм’, *ирис* (конфета) — *ирис* (цветок); 2) отдельные формы разных слов: *дорога* (сущ.) — *дорога* (прил.), *электрик* (сущ.) — *электрик* (несклоняемое цветковое прил.). Подвижное ударение различает только формы одного слова: *делите* (изъяв. накл.) — *делите* (повел.), *губы* (род. п. ед. ч.) — *губы* (им. п. мн. ч.). Как видим, разноместное ударение принадлежит лексике [Аванесов 1958: 37], подвижное — грамматике: «Ударение только тогда может быть выразительным средством в грамматике, когда оно изменчиво» [Реформатский 1996: 305].

В отдельных случаях по ударности / безударности могут быть противопоставлены омонимичные слова, ср. *на тебе* (частица *на* всегда ударна) и *на тебе* (предлог *на* бывает и ударным, и безударным, ср. *на дом* и *на дом*; пример извлечен из статьи: [Реформатский 1963: 74]).

С другой стороны, разноместность и подвижность русского ударения служат питательной средой для нарушений акцентных норм. Рассмотрим *основные причины появления неправильных ударений*.

1. *Экспансия дифференцирующей функции* ударения на те омонимы, которые в литературном языке не противопоставлены: повел. *звоните!* — изъяв. *звоните* (вм. *звоните*) и, по аналогии: *звонит* (вм. *звонит*), *звонишь* (вм. *звонишь*). Этот путь уже прошли в XIX в. такие глаголы на -ить, как *варить* (ср. *варит* и устар. *варит*, сохранившееся в выражении *голова варит*), *манить* (*манит*, устар. поэт. *манит*), *делить*, ср.: *Кто добр, тому избытки в тягость, Коль он их с ближним не делит* (И. А. Кры-

лов), *крутить*, ср.: *Крутит река татарску кровь, Что протекала между ними* (М. В. Ломоносов), *трудиться*, ср.: *И милый наш Марин не пачкает бумаги, А, в службу углубясь, трудится головой* (Д. Давыдов). По этому пути сейчас идут глаголы *звонить*, *углубить*, *облегчить*, стремящиеся к «разграничению изъявительного и повелительного наклонения» [Воронцова 1979: 24]. Отсутствие такого разграничения сопряжено с двусмысленностью: *Вы **помиритесь** с ним, по размыслены зрелом* (А. С. Грибоедов); *Вы слух на песнь мою **склоните*** (Д. Давыдов) — какое наклонение?

Как видим, старинные, уходящие или уже ушедшие из языка акцентные варианты закрепляются в различного рода текстах и контекстах, наглядно подтверждая справедливость мысли Н. В. Крушевского [1883: 166—117] о том, что «процесс развития языка с известной точки зрения представляется как вечный антагонизм между прогрессивной силой, обусловливаемой ассоциациями по сходству, и консервативной, обусловливаемой ассоциациями по смежности».

В русском языке формы р. п. ед. ч. и им. п. мн. ч. часто омономичны, ср.: *нет очереди* и *большие очереди*. Словоформы *шарфа* (р. п. ед. ч.) и *шарфы* (им. п. мн. ч.), *шофёра* и *шофёры*, *торта* и *торты* также звучат одинаково, поскольку «заударный /а/ больше похож на /ы/, чем на /а/» [Бондарко 1981: 124 и 164]. Противопоставляются указанные формы тремя способами:

а) посредством «поляризации» ударений (т. е. противопоставлением ударной основы ударному окончанию): *торта* — *торты* (вм. *торты*);

б) «подчёркиванием» омофоничных флексий с помощью ударения — в таких случаях «ударение на флексии... устраняет редукцию (т. е. нечёткое произношение) гласного в грамматически значимой позиции» [Горбачевич 1978: 100]: *шарфа* (вм. *шарфа*) — *шарфы* (вм. *шарфы*);

в) «заимствованием “чужой” флексии» [Воронцова 1979: 21]: *шофера* (вм. *шофёры*), *торта* (вм. *торты*), *вентилия* (вм. *вентили*) и даже *скоростя* (вм. им. п. мн. ч. *скорости*), *очередя* (вм.

мн. ч. *очереди*) и т. д. «Факт широкого распространения флексии *-а* (*-я*) и вытеснения ею флексии *-ы* (*-и*) в форме им. падежа мн. числа» общеизвестен, однако вопрос о причинах такого распространения форм на *-а* (*-я*) «остается открытым» [Воронцова 1979: 90 и 91]. Как кажется, единой причиной и акцентных перемещений, отмеченных выше, и распространения форм на *-а* (*-я*) выступает настоятельная необходимость *устранения омонимии форм р. п. ед. ч. и им. п. мн. ч.* («слабое звено» русской грамматики); далее происходит «выравнивание ударения в формах мн. ч.» [Воронцова 1979: 17; Булаховский 1954: 150]: *торта* (вм. *торты*) — *тортов* (вм. *тортов*), *тортам* (вм. *тортам*), *тортами* (вм. *тортами*). Процесс вызван «омонимическим отталкиванием» [Редькин 1963: 120] формы им. п. мн. ч. от формы р. п. ед. ч., поэтому неверным представляется вывод Т. Г. Хазарова [1973: 47] о том, что «между акцентуацией парадигматических рядов ед. и мн. числа... отношения взаимозависимости не наблюдается». Для слов с консонантной концовкой старшей нормой являются: а) корневое ударение; б) безударная флексия *-и/-ы*: *вентили*, а не *вентилия*, *банты*, а не *банты*. Варианты им. множ. на *-а* и *-ы* (*взвода*, *вызова*, *диспетчера*, *конуса*, *крема*, *троса*, *краны*, *лифты*, *шлюзы*) характерны для профессиональной речи [Воронцова 2007: 377], при этом «профессиональная интеллигенция, как правило, предпочитает формы на *-ы*, *-и*: *редакторы*, *шофёры*, *торты*» [Федянина 2011: 187].

Специалисты справедливо говорят «об усилении в процессе развития литературного языка дифференцирующей функции ударения» и «грамматикализации» ударения «как средства различения отдельных грамматических форм» [Воронцова 2000: 314]. В. В. Колесов [1968: 3] относит начало «сближения акцента с грамматической системой» к рубежу XVI—XVII вв.; по его мнению, это сближение «достигло к настоящему времени наивысшей степени». Акцентные противопоставления, не обусловленные грамматически (типа *изба* — *избу*, *коза* — *козу*, ср. *лупить* как *Сидорову козу*; *река* — *реку*, *стена* — *стену*) «поддерживаются главным об-

разом традицией» [Шелютто 1962: 18] и «постепенно вытесняются» [Воронцова 1979: 286].

2. Источником неправильных ударений является **взаимодействие противоположных структурных аналогий** [Суперанская 1968: 26; Горбачевич 1975: 46], ср. *флюорография* (как *география*, *биография*, *фотография*) и неправ. *флюорография* (так говорят медики под влиянием аналогий типа *психиатрия*, *игло-терапия*, *фтизиатрия*, *телеметрия*); *шофёр* (как *вахтёр*, *маркёр*, *вояжёр*) и неправ. *шофер* (по мнению А. В. Суперанской, под влиянием слов типа *кучер*, *фельдшер*).

3. Причиной появления неправильных ударений может стать **акцентная обособленность слова**, ср. *догмат* и неправ. *дог-мат* (по аналогии с подавляющим большинством слов с ударной финалью *-ат*: *депутат*, *диктат*, *нитрат*, *комбинат*); приведём также пример «русификации ударения» (В. С. Байкин) в словоизменении акцентно обособленных заимствованных слов, ср. *Бальзак* — *Бальзака*, *Бальзаком*, *о Бальзаке* и неправ. *Бальзака*, *Бальзаком*, *о Бальзаке* (по аналогии со словоизменением таких лексем, как *казак*, *рюкзак*, *простак*: *казака*, *казаком*...). В подобных случаях нарушение акцентных норм происходит в силу «тенденции к унификации ударения» ([Ожегов 1974: 258]; приведённые примеры взяты из кн.: [Суперанская 1968: 48]). Как известно, эта же тенденция действует и в случае **акцентной обособленности отдельной словоформы**, ср. *спину* и неправ. *стину* под влиянием *стина*, *стины*, *стине*, *стиной*, *на спине* (имеет место «выравнивание парадигмы»).

4. **Взаимодействие деривационных и структурных ассоциаций** также является источником неправильных ударений, ср. *кухонный* (~ *кухня*) и неправ. *кухонный* (как *балконный*, *оконный*), *августовский* (~ *август*) и неправ. *августовский* (как *литовский*, *чертовский*, *толстовский*), *узаконение* (как *изменение*, *одобрение*) и неправ. *узаконение* (~ *закон*), *отрочество* (~ *отрок*) и неправ. *отрочество* (~ *одинокчество*). Подобные случаи «отхода ударения от словообразовательной зависимости» считаются сильной тенденцией русской акценто-

логии [Горбачевич 1978: 96], ср. *англи́йский* и устар. *а́нглийский* (< *А́нглия*): *Во вкусе а́нглийском, простом, Я рощу насажу, она окружит дом* (Д. Давыдов). Впрочем, довольно часто словообразовательные и формообразовательные ассоциации оказываются сильнее, ср. *куря́щий* (~ устар. *кури́т, ку́рят*) и неправ. *куря́щий* (~ *кури́т, ку́рят*); то же явление наблюдаем, вслед за А. В. Суперанской, и в ударении прилагательных, ср. *мозаи́чный* (~ устар. *мозаи́ка*: *Рабы сквозь римские ворота Уже не ввозят мозаи́к*, А. Блок) и неправ. *мозаи́чный* (~ *мозаи́ка*): «Ударение в подобных прилагательных меняется вслед за изменением ударения в существительных, однако хронологически с ним не совпадает. Обычно это изменение запаздывает по сравнению с существительным на несколько десятков, а иногда и на сто лет» [Суперанская 1968: 33 и 177]. Видимо, то же самое можно сказать и о причастиях.

В литературном языке действие указанных четырех тенденций *сдерживается литературными нормами*; если бы таких норм не было, *прервались бы языковые традиции*, и мы перестали бы понимать, к примеру, собственную классическую литературу, а язык распался бы на десятки региональных вариантов (т. е. разделил бы участь латыни). Конечно, перечисленные выше тенденции коммуникативно целесообразны, но, как видим, «в понятие целесообразности входит и поддержка культурной традиции» [Горбачевич 1975: 54].

В сфере действия литературной нормы не попадают: 1) просторечие, т. е. речь носителей языка, незнакомых с литературно-книжной традицией; 2) диалекты. Именно здесь происходит наиболее активное (по сравнению с литературным языком) развитие акцентных инноваций и тенденций, ср. *звоня́т* и прост. *звонят, поплы́ли* и прост. *поплыли, инструме́нт* и прост. *инструмент, верба́* и диал. *верба, весело́* и диал. *весело* (*Девки гуля́ют — и мне весело́*). Видимо, следует согласиться с А. В. Суперанской [1966: 12—13] в том, что просторечное ударение — «это и есть реализация акцентологических тенденций языка, а не намеренная или ненамеренная порча его».

Некоторые из таких просторечных и диалектных слов *постепенно проникают в литературные тексты*: Хотел бы я нектар прохладный Черпать из Стиксовой реки (К. Прутков); Нежно под трепетом ангельских крыш Звонят кресты безымянных могил (С. Есенин); Расцветали яблони и груши, Поплыли туманы над рекой (М. Исаковский). В художественной литературе диалектная и просторечная лексика активно используется в целях стилизации. Вот как А. Т. Твардовский изображает речь плотника: Посмотреть — и то отрадно: Завалившая пила Так-то ладно, так-то складно У него в руках прошла. Обернулась — и готово. — На-ко, дед, бери, смотри. Будет резать лучше новой, зря инструмент не кори.

Этот процесс медленно, но верно приводит к появлению в литературном языке **вариантов ударения**: *творог* и *творог* (этот акцентный вариант ещё в словаре Д. Н. Ушакова был зафиксирован как областной, теперь даётся без помет), *мирит* и *мирит*, *доит* и *доит* (подобно форме *звонит* в настоящее время, формы *доит* и *мирит* в 30-е годы XX в. считались просторечными; словарь Д. Н. Ушакова их не даёт: как видим, основные тенденции, имеющие место в русской акцентологической системе, можно описать, «только опираясь на исторический диахронический анализ» [Хазагеров 1973: 137]). В результате «русское литературное ударение... представляет собой в некоторых случаях картину очень сложную» [Воронцова 1959: 117].

Усилению того или иного варианта ударения служат:

1) частотность использования: побеждает то употребление, которое «принимает массовый характер» [Суперанская 1966: 14; Байкин 1958: 14];

2) традиция, отраженная в словарях, грамматиках, учебниках, классической литературе; особо отметим «направленность общественного внимания на некоторые слова» — такие, к примеру, как *звонит*, *документ*, *доцент* [Горбачевич 1978: 127]; ошибки в подобных словах «компрометируют речь тех, кто их допускает», «сигнализируют о низкой общей и языковой культуре» [Еськова 1994: 425]. Сравним судьбу двух нелитературных

акцентных вариантов: *включит* и *звонит*. Если первый зачастую остаётся в нашей речи незамеченным и даже иногда (возможно, несколько преждевременно) характеризуется как разговорный [Введенская 2003: 39], то второй, как правило, вызывает протест. Вспомним стихотворение Льва Ошанина:

Я номер набрал,	И вдруг я слышу:
И ошибся звонком —	«Куда вы звоните!?»
Голос женский совсем незнаком.	И сразу, как будто град в окно,
Но так глубок,	Как будто меня обокрали в кино.
Необычен, личен —	— Ах, девушка, извините —
Казалось,	Не звоните, а звоните! —
Всю жизнь мечтал о таком.	А она в ответ: «Не всё ли равно».
Он тих, но вот-вот зазвучит,	Ей всё равно. Ушла. Откололась.
Только троньте...	А мне теперь забывать её голос.

Заметим (вслед за С. И. Ожеговым, А. В. Суперанской и др.), что слова книжные, не освоенные разговорной речью, находятся под сильным воздействием норм и традиций литературного языка, в отличие от слов, широко употребительных в народной речи, ср. *Бальзак* — *Бальзака*, но: *рюкзак* — *рюкзака*; *эпатаж* — *эпатажа*, но: *этаж* — *этажа*. Чем более слова «усвоены» народом, тем легче они подвергаются переходу ударения [Грот 1899: 328] (и, следовательно, тем меньше у таких слов омонимичных или омофоничных форм).

Ослаблению позиций акцентного варианта (и в конечном счёте его уходу из языка) способствуют: 1) акцентная *о б о с о б л е н н о с т ь*, не обусловленная грамматически, ср. *изба*, *избы*, *избе*, *избой*, в *избе*, вин. п. *избу* и уходящ. *избу* (с ударением на корне, в отличие от других форм ед. ч.): *Постой же, я тебя исправлю: Изволь-ка в **избу**, марш, за птицами ходить* (А. С. Грибоедов); 2) наличие *о м о н и м и ч н ы х* форм: повел. *пои́те* = изъяв. *пои́те* (менее перспективный вариант, поскольку омонимичен форме повел.).

Ушедшие из языка варианты ударения пополняют ряды устарелых слов и их отдельных форм. В 1906 г. В. И. Чер-

нышёв [1970: 87—88] писал: «Литературное ударение не отличается совершенной устойчивостью. Мы говорим: *христианин* и *христианин*, *кладбище* и *кладбище*, *девица* и *девица*, *изобретение* и *изобретение*, *весну* и *весну*, *семью* и *семью*, *озёра* и *озера*, *временный* и *временной*, *густый* и *густой*, *счастлив* и *счастлив*, *взаимы* и *взаимы*, *по утру* и *по утру*, *высоко* и *высоко*, *далёко* и *далеко*, *даришь* и *даришь*, *куришь* и *куришь*, *вертишь* и *вертишь*, *катишь* и *катишь*, *крутишь* и *крутишь* и т. п.». *Семью*, *козу*, *даришь*, *делишь* — все эти формы (в силу указанных выше причин) ушли из языка, другие постепенно уходят (*вертит*, *варит*), оставаясь, впрочем, в старинных текстах: *Очков с полдюжины себе она достала*; *Вертит Очками так и сяк* (И. А. Крылов. Мартышка и очки).

Временное сосуществование акцентных вариантов — более или менее равноправных (*доит* и *доит*, *поит* и *поит*) и неравноправных (устар. *варит* и совр. *варит*, лит. *звонит* и нелит. *звонит*), — с одной стороны, осложняет языковую систему, с другой — «содействует плавному преобразованию литературной нормы», «обеспечивает менее резкий и болезненный переход от старой нормы к новой» [Горбачевич 1978: 88]. Если же в языке все-таки сохраняются два акцентных варианта одного слова, «то они стремятся дифференцироваться» [Аванесов 1958: 18]: 1) семантически, ср. *временный* — ‘непостоянный, ограниченный во времени’ (*в. работа*, *в. правительство*) и *временной* — ‘связанный со временем как философской категорией’ (*в. зависимость*, *в. связь*); *косит* (траву) и *косит* (на один глаз), *чинит* (часы, машину) и *чинит* (произвол, суд и расправу); 2) стилистически, ср. *девица* и нар.-поэт. *девица*, *ретивое* и нар.-поэт. *ретивое* (сердце).

Семантически противопоставленные акцентные варианты считаются разными словами, стилистически противопоставленные — одним словом. Заметим, что в литературном языке варианты ударения в основном противостоят «по временной шкале (устарелое, устаревающее, новое). Стилистая же их маркирован-

ность не отличается ни регулярностью, ни контрастностью» [Воронцова 1979: 286; Горбачевич 1975 а: 22—23].

Итак, слово может иметь следующие *типы акцентных вариантов*: 1) более или менее равноправные (*доит* и *доит*, *творог* и *творог*); 2) неравноправные: а) устаревшие (*варит* — устар. *варит*); б) стилистически отмеченные (*девица* — нар.-поэт. *девица*); в) просторечные (*звонит* — не-прав. *звонит*), в том числе принадлежащие профессиональному просторечию (*профессонализмы*), ср. *ширицы* — мед. *ширицы*, *шасси* — у летчиков: *шасси*: как известно, «в профессиональных сферах наблюдаются довольно последовательные отступления от литературного ударения» [Воронцова, Дерябина 1986: 96]; г) диалектные: *верба* — юж.-рус. *верба*.

Как определить место ударения в русском слове? Иногда удаётся сформулировать **правило постановки ударения**. Здесь нужна наблюдательность. Сравним следующие формы прилагательных: *длинна* — *длиннее*, *мила* — *милее*, *верна* — *вернее*, но: *удобна* — *удобнее*, *вежлива* — *вежливее*, *красива* — *красивее*. Вывод: «ударению на окончании в женском роде соответствует ударение на суффиксе в форме сравнительной степени» [Еськова 1994: 435].

К сожалению, «сформулировать чёткие правила движения ударения при образовании разных форм слова... нельзя. <...> Поэтому во всех случаях сомнения **следует обращаться к словарям**» [Аванесов 1958: 31]. Однако рекомендации словарей относительно ударения в одном и том же слове могут противоречить друг другу. Так, одни словари рекомендуют произносить *тефтели* [Словарь ... 1957—1961, Словарь ... 1948—1965, Ожегов 1973], другие — *тефтели* [Агеенко, Зарва 1984], третьи дают два варианта: 1) соответствующий старой норме [Толковый словарь 1935—1940] — *тефтели*; 2) доминирующий в современной разговорной речи (и потому иногда снабжаемой пометой «разговорное» [Ожегов 1991, Ожегов и Шведова 1994]) — *тефтели* [Орфоэпический словарь 1983, Словарь ... 1981—1984, Большой толковый словарь 1998, Есь-

кова 1994]. Случаев подобного разнобоя предостаточно, поэтому все факты следует *перепроверять по разным источникам*: «Немалый недостаток в изучающих русский язык — преклонение перед тем или другим источником. Часто любители языка, люди весьма много знающие, имеют какое-то фанатическое доверие к тому или другому авторитету. Если, например, в академическом словаре показано такое, а не иное ударение, то поклонник этого источника не принимает уже к сведению ни фактов, ни убеждений, что спорное слово допускает и другое ударение»: *творог* (а не *творог*!), *тефтели* (а не *тефтели*!). «Между тем каждое из этих произношений так распространено в современном нам литературном языке, что нет никаких оснований отказываться от одного... произношения в пользу другого» [Чернышёв 1970: 103].

Как определить правильное ударение, если словаря под рукой нет? Назовём *три универсальных приёма*.

1. В заимствованных словах ударение обычно «соответствует ударению языков, из которых определённое слово поступило в русский» [Булаховский 1956: 8]. Так, в заимствованиях из французского ударение падает на последний слог: *партер*, *диспансер*, *шофёр*, *планёр*, *гравёр*, *коклюи*, *фетиши*, *жалюзи*, *сабо*. В тюркских заимствованиях ударен также последний слог: *барыш*, *армяк*, *башилык*, *арбуз*, в японских — предпоследний: *Хиросима*, *Нагасаки*, *Акутагава*. Однако требование ставить ударение по правилам языка-источника невыполнимо, поскольку «нельзя знать все языки» [Суперанская 1968: 23].

2. Одинаковое ударение часто имеют слова с одинаковыми концовками, что даёт возможность использовать в постановке ударений *закон аналогии*: *каучук* — потому что *бамбук*, *чубук*, *акведук*, *гайдук*, *сундук*, *бурундук*, *каблук*, *барсук* и др. слова с ударной финалью *-ук* (наблюдение Л. А. Булаховского). Подобные аналогии бывают «настолько очевидны, что мы с правильным ударением читаем даже неизвестное нам слово» [Суперанская 1968: 27]: *Она слушала снисходительно его иеремиады* (И. Гочаров). *Иеремиада* ('горькая жалоба') — потому что есть

олимпиада, спартакиада, Илиада, Гаврилиада и др. русские с ударной концовкой *-и́ада*.

3. Третий способ — определить старшую норму, действующую в данной микросистеме, и в дальнейшей речевой практике ориентироваться на неё. Так, для глаголов на *-ить* старшей нормой является флексийное ударение, поэтому в случае сомнений следует использовать именно его: *включи́т*, а не *включит*, *пересели́т*, а не *переселит*. «Ударение, как и другие языковые особенности, прочно запоминается, если изучающий воспринимает его как закономерное явление», — справедливо считает Г. А. Шелото [1962: 4].

Рекомендуемая литература

Основная

Воронцова В. Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 2000 (или изд. 1996 г.).

Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978 (гл. 4. Нормы ударения. С. 85—133).

Чернышёв В. И. Русское ударение // Избр. тр.: в 2 т. Т. 1. М., 1970.

Дополнительная

Аванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке. М., 1958.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII—XX вв. М., 1979.

Борунова С. Н. Фрагмент комментария к «Орфоэпическому словарю русского языка». Побочное ударение // Вопросы культуры речи. М., 2007.

Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980 (разделы, написанные М. С. Сухановой).

Суперанская А. В. Ударение в заимствованных словах в совр. рус. языке. М., 1968.

Словари

Горбачевич К. С. Современный орфоэпический словарь русского языка. Все трудности произношения и ударения. М., 2009.

Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 2008 (Приложение 2. Об ударении).

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. 9-е изд. М., 2001 (или др. издания).

Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М., 2010.

ЗАДАНИЯ

1. Определить разницу: *ко́сит* / *коси́т* (траву, рот, на один глаз, луг, глазами, косой), *наря́дит* / *наряди́т* (ёлку, подводит за лесом, невесту⁸⁵), *чи́нит* / *чини́т* (машину, производ, суд и расправу, часы), *зато́чит* / *заточи́т* (в темницу, карандаш, в монастырь), *освети́т* / *освети́т* (комнату, проблему), *восхи́тит* / *восхи́тит*: «Его пение восхитило меня», но: «Пушкин! Он и в лесах не укроется; Лира выдаст его громким пением. И от смертных восхитит бессмертного Аполлон на Олимпе торжествующий» (А. Дельвиг); *ва́лит* / *вали́т* (деревья, народ на стадион), *па́рит* / *пари́т* (соседа в бане, орёл в небе).

Определить разницу в значении глаголов: 1. Яркий свет фар слепит глаза. 2. Слепим снежную бабу. 3. Солнышко серп нагревает, Солнышко очи слепит (Н. А. Некрасов). 4. Эти сигареты не курятся. 5. Вдали курятся сопки.

Определить, всегда ли единицы одного словообразовательного гнезда имеют одинаковое ударение, ср. *долби́ть* и *вдолби́ть*, *укуси́ть* и *вкуси́ть*. **Подумайте, почему в одних случаях происходит переакцентовка, а в других — нет:** а) в пределах одного словообразовательного гнезда: *вкуси́ть*, *укуси́ть*; *возбуди́ть*⁸⁶, *пробуди́ть*, *разбуди́ть*; *вручи́ть*, *поручи́ть*; *да́рить*, *ода́рить*; *дели́ть*, *раздели́ть*, *подраздели́ть*; *кури́ть*, *кури́ться*⁸⁷; *пои́ть*, *упои́ть*; *погру́жить*, *погру́житься* (в воспоминания); *почи́нить*, *причини́ть*; *поклони́ться*, *преклони́ть*; *прводи́ть*, *препрводи́ть*; б) в пределах одного этимологического гнезда: *загороди́ть*, *заградить*; *огороди́ть*, *оградить*; в) в пределах слов

одной тематической группы: *чернить, очернить, белишь, обелишь; горчить, сладить, солить*⁸⁸.

Определить социальную группу, в среде которой могла произойти переакцентовка: *бурить, глушить, долбить, подписывать, прививать, разрыхлить, разгородить*.

Образовать причастия: а) страдательные прошедшего времени: *уценить, напоить, заглушить, пробурить*; б) действительные настоящего времени: *ценить, сверлить, манить, курить, шевелить*. Получает ли акцентная вариативность глаголов на *-ить* отражение в письменной форме речи?⁸⁹

Определить и пояснить акцентологические особенности причастий по сравнению с производящими глаголами: 1) страдательных прошедшего времени: *взбесит — взбешённый* и *неправ. взбешенный*, *отворит — отворенный* и *отворённый*, *вскормит — вскормленный* и устар. *вскормлённый*, *похоронит — похороненный* и устар. *похоронённый*, *явит — явленный* (в контекстах: «явленная икона», «явленные мощи»)⁹⁰, *неправ. явленный*; 2) действительных настоящего времени: *хоронит — хоронящий*, *бесит — бесящий* и *бесящий*, *бесится — бесящийся* и *неправ. бесящийся*, *катит — катящий*, *варит — варящий* и *варящий*, *курит — курящий*, *солит — солящий*⁹¹.

Найдите те формы и слова, производные от глагола *учить*, сохраняющие архаичное ударение⁹².

Проанализируйте данные фразы с учётом открытой вами закономерности в акцентологии причастий. 1. Позади большого дома был старый сад, уже одичавший, заглушенный бурьяном и кустарником (А. П. Чехов). 2. Надеюсь, вы о нём слышали: Он отпущен со мной пожить (В. Л. Пушкин). 3. К перу от карт? и к картам от пера? И положенный час приливам и отливам? (А. С. Грибоедов). 4. Ради Бога, трубку дай! Ставь бутылки перед нами, Всех наездников сзывай С закрученными усами! (Д. В. Давыдов). 5. Здесь вижу седого старца, преклонившего колена перед распятием и молящегося о скором разрешении земных оков своих (Н. М. Карамзин).

Определить причину переноса ударения на корень. Для этого следует составить и внимательно проанализировать акцентную парадигму одного из глаголов на *-ить* (например, *звонить*)⁹³. Является ли такой перенос прогрессивным явлением с точки зрения совершенствования языковой системы?

Определить более перспективные варианты в равноправных парах типа *до́ит — дои́т, по́ит — пои́т, со́лит — соли́т, кру́жит — кружи́т, кро́шит — кроши́т*. Указать варианты: 1) соответствующие старшей норме; 2) соответствующие младшей норме.

Определить, какое ударение (флексийное или корневое) в микросистеме глаголов на *-ить* соответствует старшей норме, а какое — младшей: *мани́т, мани́т, вари́т, вари́т, це́нит, це́нит*.

Определить контексты, в которых продолжают жить устаревшие акцентные варианты: 1. Туда мани́т перстами алыми недостижимая заря (Блок). 2. Я хоть и не учёный, а котелок у меня вари́т (Паустовский). 3. Вот ваши сёстры как хотят, А ведь ворон ни жарят, ни вари́т (И. А. Крылов). 4. Вагон для ку́рящих. 5. Сопки ку́рятся. 6. Манящий взгля́д⁹⁴.

Определить время переноса ударения в парадигме выделенных глаголов. Можно ли считать переакцентовку моментальным явлением? 1. *Кати́т* по-прежнему телега; Под вечер мы привыкли к ней И дремля едем до ночлега — А время гонит лошадей (А. С. Пушкин). 2. Прощай, свободная стихия! В последний раз передо мной Ты *кати́шь* волны голубые И блещешь гордою красой (А. С. Пушкин, 1799 — 1837). 3. Луна *катится* в зимних облаках, Как щит варяжский или сыр голландский (М. Ю. Лермонтов, 1814 — 1841). 4. Оглянуться не успела, Как зима *кати́т* в глаза (И. А. Крылов, 1769 — 1844). 5. Гляди-тко нас, как мы махнем! Не бойсь, минуты не потратим, И возик свой мы не свезем, а *скати́м*! (И. А. Крылов). 6. Я мало таковых видал Побед, коль долго я блистал, Коль долго круг веков *кати́тся* (М. В. Ломоносов). 7. Позвольте, батюшка, *кружится* голова; Я от испуги дух перевозжу едва (А. С. Грибо-

едов). 8. Я рощу насажу, она *оку́жит* дом, Пустыню оживит, даст пищу размышленью (Д. В. Давыдов). 9. Ах, как *кру́жится* голова! Как голова *кру́жится*! (Эстр. песня в исполнении К. И. Шульженко, середина XX в.). 10. Он ставит честь превыше всех честей, Он клевете мстит славою своей И *де́лится* бессмертием с богами (А. Дельвиг). 11. Кто добр, тому избытки в тягость, Коль он их с ближним не *де́лит* (И. А. Крылов).

Подумайте, есть ли стилистическое различие между акцентными вариантами *манит* и *манит*: 1. Его сюда калачом не заманишь. 2. Устал под латами герой, Его манит ручья прохлада (Пушкин). Что можно сказать о людях, которые в своей речи используют акцентные варианты: *манит*? *долбит*? *кру́жится*? *звонит*? *заключит договор*?

Где следует ставить ударение в глаголах на *-ить* в случае колебаний? Сформулируйте правило⁹⁵.

Образовать от следующих глаголов форму 3-го л. ед. ч. Образец: 1) *уделить* — *уде́лит* (флексийное ударение), 2) *купить* — *ку́пит* (корневое ударение). С помощью словарей охарактеризовать акцентные варианты с точки зрения нормы: *бодриться*, *взбесить*, *взвалить*, *вклиниться*, *волочить*⁹⁶, *воротить*, *воскресить*, *впериться*, *вскормить*, *дарить*, *доить*, *дурить*, *заглушить*, *заключить*, *закоптить*, *закрепить*, *заманить*, *заморить*, *заострить*, *заслонить*, *засмолить*, *засорить*, *затворить*, *защемить*, *звонить*, *знобить*, *золотить*, *искривить*, *искриться*, *катить*, *клониться*, *кормить*, *крениться*, *крепить*, *крошить*, *кружить*, *ложиться*, *молиться*, *морить*, *мутить*, *обагрить*, *облегчить*, *ободрить*, *отворить*, *переселить*, *перестрочить*, *повторить*, *подарить*⁹⁷, *подбодрить*, *подпоить*, *подселить*, *подсолить*, *поить*, *покрошить*, *положить*, *поместить*, *потушить*, *поселить*, *предположить*, *приклеить*, *приручить*, *прислонить*, *присовокупить*, *раздолбить*, *разлучить*, *расселить*, *расшевелить*, *расщепить*, *родить*, *синить*, *солить*, *трубить*, *тушить*, *углубить*, *уделить*, *улестить*, *усугубить*, *ущемить*, *хоронить*, *шевелить*. Определите, какая из двух групп увеличивается.

Прокомментировать возможные акцентные варианты глаголов на *-ить*. 1. У нас свет иногда дури́т, — сказал Акимов. — Ветер провода замыка́ет (Ю. Бондарев). 2. Льву сме́х, но ваш Кома́р не шути́т: То с ты́лу, то в глаза́, то в уши́ Льву́ он труби́т! (И. А. Крылов). 3. Яков Луки́ч думал, что Половце́в, услы́шав о случи́вшемся, взбеси́тся, да́ст волю́ кулака́м (М. А. Шолохов). 4. То оби́дно, Проко́фьевна, что она́ брата́ мути́т, со все́й роднё́й его́ ссори́т (А. Островский, Грех да беда́ на кого́ не живё́т). 5. Какту́с, как то́лько засоря́тся его́ поры́, гибне́т (В. Инбер). 6. Рыба́к высматрива́ет спя́щую, прижа́вшуюся ко́льду шу́ку, глу́шит её́ обухом (Григорович). 7. Корову́ вот купи́ли, дои́тся хоро́шо (Караваева). 8. Счастли́в, кто на́ чреде́ труди́тся знамени́той (И. А. Крылов). 9. Именно́ здесь́ проти́вник и вкли́нится в на́шу оборо́ну. 10. Тепе́рь порядки́ новые́, А он дури́т по ста́рому: Сенцо́ сухим-сухохо́нько — Веле́л пересу́шить! (Н. А. Некрасов). 11. В уха́х у неё́ сту́чало и всё́ ещё́ ей́ каза́лось, что до́ктор долби́т её́ свое́й шля́пой по́ голо́ве (А. П. Чехов). 12. Увы́, Татья́на увяда́ет, Бледне́ет, гасне́т и молчи́т! Ни́что её́ не занима́ет, Её́ ду́ши не шевели́т (А. С. Пушкин). 13. В нау́ки он впе́рит ум, алчу́щий познаний (А. С. Грибоедов). 14. В пого́не за нефтью́ люди́ бу́рят сква́жины́ свы́ше четырёх́ киломе́тров глужи́ной (Ферсман). 15. Мо́лится, крести́тся, пото́м покло́нится и уйдё́т. 16. Бума́гу э́ту присовоку́пят к де́лу. 17. Ве́дь э́так вы́ когда-нибу́дь умо́рите нас со́ сме́ху (А. Н. Островский). 18. По́да́рок вручи́т, а де́ло пору́чит. 19. Э́ти расхо́ды мы́ вклю́чим в сме́ту. 20. Прави́тель уйдё́т в сво́ю горни́цу, и та́м затвори́тся, и си́дит оди́н (В. М. Гаршин). 21. Пло́хо, ко́гда звоня́т раньше́ вре́мени (Кочетов). 22. Его́ молодые́ серые́ глаза́ искря́тся весе́лой насмешко́й (А. И. Куприн). 23. В са́ду зе́лёном бле́ск и те́ни, На со́лнце искри́тся ро́са (И. Никитин). 24. Во́н ба́ба кати́т бочоно́к по́ двору́ (И. А. Гончаров). 25. Люде́й охотне́е все́го́ селя́т по́ до́линам ре́к и око́ло доро́г (Чехов). 26. И сне́г лу́га и ле́с зве́здчатый́ обели́т (А. Дельви́г). 27. Э́та сте́на за́слонит́ нас от со́лнца. 28. Кто́ промелькне́т, отвори́т де́рзь, Прое́здом, случи́аем, из чу́жа, из да́ле́ка (А. С. Грибоедов). 29. Тро́па в ле́су ча́сто кру́-

жит и делает мелкие извилины (Арсеньев). 30. На бледном небе ястреб кружит, Чертя за кругом плавный круг (А. Блок). 31. Навозну кучу разрывая, Петух нашёл Жемчужное Зерно И говорит: «Куда оно? Какая вещь пустая! Не глупо ль, что его высоко так ценят? (И. А. Крылов). 32. Изредка ветер сгоняет в степь чёрные тучи, они поят землю дождём (М. Горький). 33. Воздух, полный тёплой влаги, Зелень свежую поит (Ф. И. Тютчев). 34. Не ты под секирой ковыль обagriшь И жаркою кровью мой прах напоишь! (А. С. Пушкин). 35. И наши дети нас не повторят, Мы в них себя совсем иных увидим (Рыленков). 36. Благородные чувства ещё шевелятся в душе моей (А. Островский). 37. Супруг её, в ямском кафтане, С предлинной чёрной бородой, Наташу подхватив, тащится За маскерадною толпой (В. Л. Пушкин). 38. Смотрите на часы, взгляните-ка в окно: Валит народ по улицам давно (А. С. Грибоедов). 39. Пока зерно соберёт нужную ему влагу, пока взойдёт, его заглушит сорная трава (Гарин-Михайловский). 40. Когда ж постранствуешь, воротись-ся домой, И дым Отечества нам сладок и приятен! (А. С. Грибоедов). 41. Никто там ни садит, ни сеет; А если б посмотрел, что там растёт и зреет! (И. А. Крылов). 42. Ножи на кухне так и стучат... крошат зелень (И. А. Гончаров. Обломов). 43. Лев голову крутит, Лев гривую трясёт (И. А. Крылов). 44. К российской силе так стремятся, Кругом объехав, тьмы татар; Скрывает небо конской пар! Что ж в том? стремглав без душ валяется (М. В. Ломоносов). 45. Улыбкою радость И счастье дарит; Но счастья сладость Лилеты бежит (А. И. Полежаев). 46. Интересно, что он мне подарит? 47. Скажет слово — рублём подарит (Н. А. Некрасов).

2. Образовать от следующих имён существительных формы: 1) род. ед.; 2) им. мн.; 3) дат. мн.; определить старшую норму и сформулировать правило постановки ударения в таких формах: *сестра*⁹⁸, *пора*⁹⁹, *гора*¹⁰⁰, *просфора*¹⁰¹, *кобура*¹⁰², *тура*¹⁰³, *лиса*¹⁰⁴, *оса*, *роса*¹⁰⁵, *полоса*¹⁰⁶, *краса*¹⁰⁷; *простыня*¹⁰⁸, *шестерня*¹⁰⁹, *клешня*; *труба*, *судьба*¹¹⁰, *раба*¹¹¹, *мольба*; *гроза*, *слеза*, *мурза*, *мирза*; *заря*¹¹², *ноздря*; *ворожея*, *судья*, *семья*, *свинья*, *струя*, *ла-*

дья, скамья¹¹³, бадья, ладья, поадья, колея; слуга, серьга¹¹⁴, дуга, кочерга, пустельга; беда, борода, вода, звезда; дыра, вдова, глава, голова, тетива; вода, узда, скирда, среда, слобода, борозда, бразда; госпожа; зима, чалма; тила, ветла, пчела, метла, похва-ла, юла, мулла; река, рука, строка, щека, клюка, башка, кишка, чека; цена, спина, старшина, длина, стена, сторона, борода, казна; верста, кислота, сирота, широта, мечта; сноха, блоха, доха; праща.

О п р е д е л и т ь группы носителей языка, в среде которых: 1) слова *кобура*, *шестерня*, *клешня* более частотны; 2) наблюдается переакцентовка в этих словах¹¹⁵. Почему переакцентовка напрямую связана с частотностью слова¹¹⁶? Шахматный термин *тура* явно связан с вполне определённой профессиональной группой носителей языка. Почему же акцентный вариант *ту́ры* снабжается пометой «неправ.», а не «прост. проф.»?

О п р е д е л и т ь общие семантические и акцентологические особенности выделенных слов: 1. В трудах куска недоела, Ночей недосыпала И я ж за то под гнев подпала; А все по *клеветам*. Ну, сам подумай ты: Кто ж будет в мире прав, коль слушать *клеветы*? (И. А. Крылов). 2. Высоким долгом, не корыстью, Он в эти движим был часы — У Ангары своею кистью Перехватить её *красы* (А. Т. Твардовский). 3. Мой друг! Куда, в какие воды Тебе послать святой привет Любви и братства и свободы: Туда ль, где дышит новый свет С своими древними *красами*? (П. П. Ершов). 4. Младой певец, дорогою прекрасной Тебе идти к парнасским *высотам* (А. Дельвиг). 5. Душа и просится, и рвётся В те неземные *высоты*, Откуда голос твой несётся, Туда, откуда манишь ты (К. Р.). 6. Иль предан лёгкому раздумью и *мечтам*, Гуляю наобум по долам и горам (Н. М. Языков). 5. Услышьте мои *мольбы*! 7. Как часто, видел я, она сидела там С улыбкой, без слезы роптанья на реснице, Как восседит Терпенье на гробнице И улыбается *бедам* (А. Дельвиг). 8. Унылым тоном И со стоном *Хвалы* покойнице поют (Д. В. Давыдов)¹¹⁷.

К а к о й вариант ударения и почему предпочтителен: 1. Досуг мне разбирать *вины* твои, щенок! (И. А. Крылов). 6. Господь

их порочное племя В оные дни покарал за великие, тяжкие *вины* (К. Р.)¹¹⁸.

Прочитайте зачин повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» с учётом акцентологических норм конца XVIII — начала XIX в.:

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели — куда глаза глядят — по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты.

Почему в редких словах и узуально мёртвых формах пе-реакцентовка не наблюдается? Определите категории таких слов и форм¹¹⁹.

Судя по наличию корневого ударения в форме им. мн., слово *просфора* освоено и потому не должно принадлежать к числу редких слов. Чем в таком случае можно объяснить тот факт, что в настоящее время многие носители языка, во-первых, не знают его значения, во-вторых, используют его с неправильным ударением?

Пояснить причины появления неправильных ударений в указанных формах имён существительных второго склонения с ударной флексией¹²⁰.

Н. А. Еськова [1994: 432] отмечает: «Из стихов поэтов XIX в. нам известно ударение форм мн. ч. *скалы́, скала́м, скала́ми; струи́, струя́м, струя́ми; толпы́, толпа́м, толпа́ми* и мн. др.»: И дух свой к тем *странам* впери, Где всходит день по тёмной ночи (М. В. Ломоносов); Известно, что Слоны в диковинку у нас, Так за Слоном *толпы* зевак ходили (И. А. Крылов); Мне ль сердце юное к взаимности склонить? Увы, не в *седи́нах* сердца обворожаешь! (Д. В. Давыдов); Где в тучах прячутся *скалы́*, Где люди вольны, как орлы (М. Ю. Лермонтов). Подумайте, почему флексийное ударение в таких формах сменилось корневым¹²¹. Назвать трёхсложные имена существительные, в которых при образовании форм им. множ. ударение пе-

реносится: 1) на один слог назад, 2) на два слога. Какая группа больше? П о я с н и т ь причину внутрикорневой перакцентровки *сирѳоты* → прост. *сѳроты*. П о я с н и т ь разницу: *гряды* / *гряды* (полить г., г. облаков, г. в огороде, горные г.).

П р о к о м м е н т и р о в а т ь возможные акцентные варианты. 1. Своим сестрам я подарил цветы. 2. Всем сестрам по серьгам (Поговорка). 3. Он подошёл к горам, на которых гремели цепи спускаемых и поднимаемых салазок (Л. Толстой). 4. К чему их вывозить на балы, на пиры? Учили б их варить кутью, печь просвиры (А. И. Полежаев). 5. Губернаторше за обедней в соборе подносилась просвира (И. А. Гончаров). 6. Просвирия — это женщина, выпекающая просфоры. 7. В левой руке старушка держала заздравную просфору, завёрнутую в платок (Д. Н. Мамин-Сибиряк). 8. Пора подумать о просфорах. 9. В конце концов я убедил его уложить в кобуры запасную смену шёлкового белья (Игнатъев). 10. Пистолеты лежат в кобурах. 11. Возьмите пять кобур. 12. Да, правда: не свои беды — для вас забавы (А. С. Грибоедов). 13. Весь день любовался красами природы. 14. Среди корней, рогами расставив страшные клешни, проворно пробирався боком большой старый краб (В. Катаев). 15. В глубоких колеях стоит вода (А. И. Куприн). 16. Желал бы зятя он с звездами, да с чинами, А при звездах не все богаты, между нами (А. С. Грибоедов). 17. Стоят старухи, опершись на клюки. 18. Растасканные брёвна уже не горели, но сильно дымили; студент, работая кишкой, направлял струю то на эти брёвна, то на мужиков (А. П. Чехов). 19. У нас судьбы разные. 20. Какими судьбами? 21. Судьбы Божии неисповедимы. 22. Лепид, Октавий, Марк Аврелий Судьбы завтра изрекут: Иль самовластие на троне, Или свободный Рим и Брут (А. И. Полежаев). 23. О рок! Проникнуть можно ли судеб твоих причину? (Д. В. Давыдов). 24. Кругом, — насколько хватал глаз, — зелёный необъятный простор, дрожащие струи марева (М. А. Шолохов). 25. Ужель иссякнули всех радостей струи? (В. А. Жуковский). 26. В парке стоят деревянные скамьи. 27. Встречаемся мы по средам. 28. По расчищенному месту побежали изгороди, стали скирды и стога

(В. Г. Короленко). 29. На юг — вдоль реки — тянутся лесопильные заводы и слободы (А. Н. Толстой). 30. Многие дети после войны остались сиротами. 31. По сторонам сидели гости и дети (Чехов). 32. Этот дед жил на покое при двух своих снохах (сыновей его убили в гражданскую войну) (А. Н. Толстой). 33. Вам, людям молодым, другого нету дела, Как замечать девичьи красоты (А. С. Грибоедов). 34. Длины радиоволн различны. 35. Грузовые машины шли цепью и везли на плотину в стальных бадьях готовый бетон (К. Паустовский). 36. Из окон высунулись чьи-то лохматые б...шки. 37. С вершин заоблачных бесснежного Бешту видел я только в отдалении ледяные главы Казбека и Эльбруса (А. С. Пушкин). 38. По взлётным полосам идут снегоуборочные машины. 39. Лечился, говорят, на кислых он водах (А. С. Грибоедов). 40. К падишаху пришли мирзы и мурзы. 41. На их луках были натянуты тугие тетивы. 42. Конюх принёс узды. 43. На всех муллах были чалмы. 44. Не подходи к свиньям! 45. Иди к свиньям! 46. Они бесстрашно в бой кровавый Несут отважные главы (А. И. Полежаев). 47. На шестерни похожие Идут, идут прохожие (Д. Хармс). 48. Это наши кочерги. 49. В сундуке лежат дохи, под дохами — тулуп. 50. А дамы? — сунься кто, попробуй, овладей; Судьи всему, везде, над ними нет судей (А. С. Грибоедов). 51. А судьи кто? (А. С. Грибоедов). 52. Увидя, что мужик, трудясь над дугами, Их прибыльно сбывает с рук (А дуги гнут с терпением и не вдруг), Медведь задумал жить такими же трудами (И. А. Крылов). 52. Как у тебя с деньгами? 53. Какие радости твой разум восхищают, Иль деньгами тебя без векселя ссужают? (Д. В. Давыдов). 54. Не в деньгах счастье. 55. Проиграв коня и туры, я сдался. 56. Но и в грозах войны, ещё на поле бранном, Когда погас российский стан, Тебя приветствовал с огромнейшим стаканом Кочующий в степях нахальный партизан! (Д. В. Давыдов). 57. Днём ли в те поры я выведу, В очи солнце — ты не хмуришься (А. А. Дельвиг).

3. Образовать форму винительного падежа; с помощью указанных выше словарей охарактеризовать акцентные вариан-

ты с точки зрения нормы: *борода, борозда, борона, доска, заря, изба, коза, кора*¹²², *коса, лоза, нога, нора, полоса, пора, река, семья, сковорода, стина, стена, строка, цена, щека*. Найдите устаревшие акцентные варианты. Где они продолжают жить? Определите старшую норму¹²³. Где следует ставить ударение в формах анализируемого типа, чтобы не ошибаться? Сформулируйте правило¹²⁴.

Определить причину переноса ударения на флексию. Для этого следует составить и проанализировать акцентную парадигму одного из рассмотренных имён существительных¹²⁵. Является ли такой перенос прогрессивным явлением с точки зрения совершенствования языковой системы?

Поставить ударение, определить разницу в значениях: *косу заплетать / точить / обогнуть; русскую зиму / станцию Зиму Иркутской области; свою голову / есаула Голову, городского голову; гору / Ивана Гору, окружающую среду / следующую среду*.

Прокомментировать возможные акцентные варианты.

1. Пожалуйста, не прими этого за допытывание, за допрос; не ставь всякого лыка в строку (И. А. Гончаров). 2. Ты пропустил целую строку. 3. Аркадий живо повернулся к отцу и звонко поцеловал его в щеку (И. С. Тургенев). 4. Тому же Рагозину квартиру сдавал. И цену с него сходную брал. Не грабил (К. Федин). 5. В глуши что делать в эту пору? (А. С. Пушкин). 6. И, неизменные, ликующей весне Пору зимы напоминают (А. Фет). 7. Дан приказ — ему на запад, Ей в другую сторону — Уходили комсомольцы На гражданскую войну (Песня). 8. Ехал грека через реку (Фольклор). 9. Идёт строительство моста через реку. 10. Дронов списывал что-то из записной книжки на узкую полосу бумаги (М. Горький). 11. Старушка пасёт свою козу. 12. А вам-то что смешно, холопые стадо? Самих дерут как сидорову козу, У вас самих увечья не проходят (А. Н. Островский). 13. Быков одну ногу шасси не мог выпустить. Так на одну ногу и сел (Саянов). 14. Зенитчик заплевал сигарку, поправил трех

и полез в снежную нору (К. Паустовский). 15. В тёмную нору забила лисица. Машет крылом осторожная птица (Н. Некрасов). 16. Семён так быстро и умело плёл изгородь, что Анфиса не успевала подносить ему лозу (Бабаевский). 17. Вахтенный на барже начал бить в чугунную доску (М. Горький). 18. Антон припёр как можно плотнее дверь из крылечка в избу (Григоревич). 19. Строители возвели стену. 20. Андрей обрил себе бороду, усы у него отросли и свешивались вниз (М. Горький). 21. Крестьянин ладит борону. 22. Погляди на з...рю! 23. Надувши щёки, трубачи По всем полкам играли з...рю (К. Симонов). 24. Вместо шапки на ходу Он надел сковороду (С. Маршак). 25. Будь плохенький, да если наберется Душ тысячки две родовых, — Тот и жених. Другой хоть прытче будь, надутый всяким чванством, Пускай себе разумником слыви, А в семью не включают (А. С. Грибоедов). 26. Иной, в последни видя зорю, Закрой, кричит, багряной вид (М. В. Ломоносов).

4. Образовать краткую форму ж. р. ед. ч. от следующих двусложных прилагательных: *алый, бойкий, бrenный, верный, глупый, горький, жгучий, нужный, рдяный, свежий, склонный*. Подразделите указанные формы на две группы: 1) книжные, редкие, узуально мёртвые; 2) освоенные живой народной речью. Где следует ставить ударение в таких формах, чтобы не ошибаться? Сформулируйте правило¹²⁶.

Образовать краткую форму мн. ч., определить старшую и младшую нормы: *бойкий, верный, глупый, горький, нужный, свежий*. Где следует ставить ударение в таких формах, чтобы не ошибаться? Сформулируйте правило¹²⁷.

Сравните ударения в кратких формах ср. р. и мн. ч.: *бойкий, немой, бодрый, правый, добрый, лёгкий, тёмный, тёплый*. Где следует ставить ударение в таких формах, чтобы избежать ошибок? Сформулируйте правило¹²⁸.

Чем объяснить сдвиг ударения на флексию в парах типа устар. *вёрны* — соврем. *верны*, устар. *нужны* — соврем. *нужны*, *нужно* — неправ. *нужно́*, *важно* — неправ. *важно́*, *склонна*

(старшая норма) — *склонна́* (младшая норма), *ала́* (старшая норма) — *ала́* (младшая норма) и др.¹²⁹

Образовать краткие формы ж., ср. р. и мн. ч. от следующих прилагательных: *близкий, важный, ветхий, вредный, бледный, бодрый, верный, гадкий, гибкий, глупый, грустный, дешёвый, добрый, долгий, красный, краткий, круглый, крутой, немой, нищий, нужный, правый, пьяный, робкий, свежий, сильный, смелый, солёный*¹³⁰, *чёрный, чистый, ясный*. Проследите акцентную историю кратких форм прилагательного *умный* по нескольким словарям.

Определить разницу: *велики́* / *вели́ки* (его ноги, его дела, ботинки, подвиги), *по́лны* / *полны́* (новых замыслов; не художавы, а п.), *ме́ртво* / *мертво́* («Дитя было м.», «Всё кругом было пусто и м.»), *ме́ртвы* / *мертвы́* («Солдаты были м.», «Леса были м.»).

Прокомментировать возможные акцентные варианты в формах кратких прилагательных. 1. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломою (А. С. Пушкин). 2. Каждый человек обладает многими свойствами, причём наиболее явны, видны невооружённому глазу подчас не основные, а второстепенные качества (А. Дрёмов. О художественном образе). 3. Нам трудности не страшны. 4. Осанка величава, Жеманная тоска искусственной любви не страшны мне (Д. В. Давыдов). 5. Осенью листья на тополях желты, а на клёнах алы. 6. Стихи хороши и нужны только там, где они действительно нужны (М. Исаковский). 7. Сведения эти для нас очень важны. 8. Это правило важно для учащихся. 9. Роза так ала! 10. Все мы бренны в этом мире. 11. Дитя ваше не в меру бойко. 12. Вы слишком бойки на язык, Вы будите в нас страсти! (С. Маршак). 13. Полоса заката вдали была ярка и рдяна. 14. Я увидел невесёлую, хотя пёструю и живую картину; всё было пьяно — всё, начиная с Якова (И. С. Тургенев). 15. Капитанша была пьяна и качалась из стороны в сторону (М. Горький). 16. Улыбка его была робка. 17. Вы правы, сударыня. Это очень, очень большая редкость (В. Ката-

ев). 18. Оставьте предков вы в покое: Им поделом была и честь, А вы, друзья, лишь годны на жаркое (И. А. Крылов). 19. Спички годны к употреблению. 20. Краски ещё свежи. 21. Как хороши, как свежи были розы! (И. С. Тургенев). 22. Как хороши, как свежи будут розы, Моей страной мне брошенные в гроб! (И. Северянин). 23. Рана ещё свежа. 24. Дитя умно не по годам. 25. Зимы наши чрезвычайно долги. 26. Ему неприятна, гадка была моя самоуверенность (Бахметьев). 27. Морские брызги были холодны и сол...ны. 28. Дитя безгласно и немо. 29. Изломы дороги были круты. 30. Странно, что никогда в другое время мысль его не была так гибка и изобретательна, как теперь (А. П. Чехов). 31. Сол...на эта проклятушая работа, а всё ж таки надо взяться (М. Горький). 32. Большинство не всегда право. 33. Жизнь наша бrenна, и бытие наше бrenно. 34. Мне это правило нужно. 35. Прошлое его темно. 36. Печально я гляжу на наше поколенье! Его грядущее иль пусто, иль темно (М. Ю. Лермонтов). 37. Слова его не вполне ясны. 38. И ясны спящие громады Пустынных улиц и светла Адмиралтейская игла (А. С. Пушкин). 39. Сырьё здесь не очень-то дешево. 40. Товары дешевы. 41. Лианы гибки. 42. Петербург ему сол...н достался: В наводнение жену потерял, Целый век по квартирам таскался И четырнадцать раз погорал (Н. Некрасов). 43. Рабы немые. 44. Крыши и заборы были ветхи. 45. Беседка была совсем ветха. Деревянные её колонки поседели, заросли лишаями (К. Паустовский). 46. Волнение на море очень сильно. 47. Она не была склонна принять его предложение. 48. Ты право, пьяное чудовище! Я знаю: истина в вине (А. Блок. Незнакомка). 49. Все тихо, мертво: все плачет В природе час успокоенья... (А. И. Полежаев). 50. Не нужны надписи для камня моего, Пишите просто здесь: он был, и нет его! (К. Н. Батюшков). 51. Как бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость (Н. В. Гоголь). 52. Дома новы, но предрассудки стары (А. С. Грибоедов). 53. Хотел бы очень я Сам посудить, твое услышав пенье, Велико ль подлинно твое уменье? (И. А. Крылов). 54. Мы всегда склонны идеализировать тех, кого любим (С. Н. Сергеев-Ценский). 55. Мы не воль-

ны в своих решениях. 56. Он жаждет сечи и молвы, А там что будет — вольны боги! (Д. В. Давыдов). 57. Тем и важно хорошее произведение искусства, что основное его содержание во всей полноте может быть выражено только им (Л. Н. Толстой). 58. Его движения веселы, бойки (И. С. Тургенев). 59. Друг, не страшись. Погляди: Гроз не бояться цветы, Чуя, как эти дожди Нужны для их красоты (К. Р.).

5. Образовать от следующих имён существительных прилагательные с суффиксом *-ов/-ев*, сформулировать правило постановки ударения для данной адъективной микросистемы: *ива, лепесток, снег, бронза, лёд, корень, торт, барсук, сторож, спирт, лифт, клинок*¹³¹.

Образовать прилагательные с суффиксом *-ов/-ев*; поставить ударение, используя правило Хартмана: *бомба, борщ, бочка, вал, вереск, ветер, вишня, гротеск, грош, двор, игла, килограмм, кирза, кремьнь, лозунг, мальчик, мачта, минус, много веков, мост, тики, плюс, просмотр, слива, станок, суп, сиг, текст, ход, цена*. Результаты проверьте по нескольким словарям.

Чем объяснить смягчение производящей основы в прилагательном *голевой* < *гол* (вм. предполагаемого *головой*)?¹³²

Определить причину неправильных ударений: 1) *крёмневый, сливóвый, стáнковый*¹³³, 2) *тигровый* (вм. *тигрóвый*), *кедрóвый* (вм. *кедрóвый*), *мёновы́й* (вм. *менóвой*), *басовóй* (вм. *басóвый*), *митинговый* (вм. *митингóвый*), *сигóвый* (вм. *сигóвый*), *портóвой* (вм. *портóвый*)¹³⁴.

Изучите по толковым и др. словарям историю противостояния акцентных вариантов *подрóстковый* и *подросткóвый*. Имеет ли смысл рекомендовать учащимся узуально мёртвый вариант *подрóстковый*?¹³⁵

Определить разницу: *лавро́вый* / *лаврóвый* (лист, роща), *путё́вый* / *путевóй* (лист, работник), *языко́вый* / *языковóй* (система, колбаса), *домо́вый* / *домовóй* (верить в домовых, домовая мышь, книга, кухня, стена, церковь), *мáчтовый* / *мачтовóй*

(лес / увидел впереди рифы), *полевóй* / *пóлевый* (цветы, метод). Как согласуются с правилом Хартмана варианты пары *домóвый* / *домовóй*¹³⁶, *ла́веровый* / *лаврóвый*, *языкóвый* / *языковóй*¹³⁷, *плодóвый* / устар. *плодовóй*¹³⁸, *пудовый* / устар. *пудовой*? Прокомментировать следующие акцентные варианты прилагательных в плане их соответствия с указанным правилом. 1. *Дворовый*, верный пёс Барбос, Который барскую усердно службу нёс, Увидел старую свою знакомку Жужу, кудрявую болонку (И. А. Крылов). 2. Катятся волны голубые, шумят *лавровые* леса (А. Н. Плещеев). 3. Все растения он лобзает, Кроме *лавровых* листов! (Д. Давыдов). 4. Серыми кажутся стены *домовые* (Н. Огарёв). 5. *Домового* ли хоронят, Ведьму ль замуж выдают? (А. С. Пушкин). 6. То труслив, как робкий заяц; То является, томим Чувством жалостно-унылым, То бароном легкокрылым, То маркизом *пудовым* (Д. Давыдов).

6. Образовать от следующих имён существительных форму родительного падежа ед. числа: *во́яж*, *ви́раж*, *эта́ж*, *пасса́ж*, *ко́нъяк*, *ма́нъяк*, *Колча́к*, *Па́стерна́к*, *проста́к*, *прусса́к*, *пруса́к*, *Эми́ль*, *Ша́миль*, *каучу́к*, *Кова́льчу́к*, *И́льин*, *Ха́рбин*, *краковя́к*, *бу́рлак*¹³⁹, *Тре́тьяк*, г. *Турго́як* Челябинской обл. В каких группах слов используется корневое, а в каких — флексийное ударение¹⁴⁰?

Почему одни заимствованные слова сохраняют корневое ударение, другие же приобретают флексийное? Чем пояснить переакцентовку в следующих словах: *блинда́ж* < устар. *блинда́жа*, *рю́зка* < устар. *рю́зка́ка*, *метра́ж* < устар. *метра́жа*, *Спарта́к* < устар. *Спарта́ка*, *гара́ж* < *гара́жа*¹⁴¹?

Когда могла произойти переакцентовка в именах существительных *блиндаж*, *рюкзак*, *метраж*, *гараж*? Составьте **культурологический комментарий** к акцентным изменениям в этих словах¹⁴².

Определить старшую и младшую нормы в анализируемых словоформах, сформулировать правило постановки ударения¹⁴³. Образовать форму ед. род. от следующих слов: *инструк-*

*таж, арбитраж, тоннаж, мираж, марьяж, тренаж, плюмаж, трельяж, грильяж, Бальзак*¹⁴⁴.

Объяснить вариативность ударений в следующих терминах: *аммиака* / проф. *аммиака́*, *дренажа* / проф. *дренажа́*, *массажа* / проф. *массажа́*¹⁴⁵. Подумайте, какие группы носителей русского языка используют в слове *казак* корневое ударение, а какие — флексийное¹⁴⁶.

Прокомментировать ударение в выделенных словах: 1. В дымном поле, на *биваке* У пылающих огней, В благотельном *араке*² Зрю спасителя людей (Д. В. Давыдов). 2. Дрожат *гаражи* автобазы, Нет-нет, как кость, взблеснёт костёл (Б. Пастернак). 3. Не длинный ряд *экипажей*, Не чёрный флёр и не кадилы В толпе придворных и *нажей* За ней теснились до могилы (А. И. Полежаев)¹⁴⁷.

Проанализировать статью: Ожегов С. И. Существительные на *-аж* в русском языке // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. Обратить внимание на: 1) историю появления этих слов в русском языке (с. 73—83); 2) возникновение суффикса *-аж* (с. 85—86); 3) вариативность ударения в словах данного типа (с. 87—91) и закономерности переакцентовки (с. 87, 88, 90 и 91).

7. Определить от следующих глаголов форму прошедшего времени мужского рода: *зажиться, залиться, заняться, запереться, наняться, напиться, начаться, обняться, отняться, подняться, предаться, приняться, противиться, родиться*. Используя словари, определите направление переакцентовки в словоформах данной микросистемы. Сформулируйте правило постановки ударения в таких словоформах¹⁴⁸.

Определить источник неправильных форм типа *начался, принялся*¹⁴⁹.

Определить разницу: *заперся́* / *запёрся* (не признаваясь ни в чём, на ключ, в комнате, на допросе).

² А р а к — крепкий алкогольный напиток.

8. Образовать от следующих глаголов формы прошедшего времени ед. ч. муж. рода, ед. ч. ср. рода и форму мн. ч.: *пробыть, начать, передать, зажить, занять, распродать, прожить, ожить, продать, перепродать, проклясть, убыть, отдать, нажить, отбыть, против, предать, побыть, залить, принять, налить, отнять, перенять, облить, обмереть, умереть, отпереть, понять, преподать, создать*. Результаты проверьте по словарям.

Выявить старшую и младшую нормы¹⁵⁰. Всегда ли акцентное варьирование в таких формах находится в пределах литературной нормы? Где следует ставить ударение в указанных формах, чтобы исключить ошибки?¹⁵¹

Определить разницу: *про́бил / пробíл* (час, стену, борт), *за́тил / затíл* (таблетку водой; Он снова...).

9. Определить особенности ударения в словах *шаг, ряд, час* и *шар*: *земного шара / два шара; около часа / полтора часа, четверть часа; сбиться с шага / четыре шага; из ряда вон выходящий / четыре ряда*¹⁵².

10. Образовать от следующих глаголов: 1) формы прошедшего времени мужского рода; 2) причастия на *-тый*. **Образец**: *проры́ть — проры́л — проры́тый*.

Воспринять, добыть, запеленать, запретить, начать, обмакнуть, перегнуть, пережить, пережить, пригнуть, прожить, проклясть, стугнуть. Результаты обязательно проверьте по словарям. **Сформулировать** правило постановки ударения в таких причастиях, выявить исключения¹⁵³.

Определить разницу: *прокля́тый / про́клятый* (мороз, вопрос, сын — отцом); *ра́звитый / развито́й* (трос, ребёнок, верёвка, личность).

11. Образовать от следующих глаголов форму действительного причастия прошедшего времени. **Образец**: *тяну́ть — тяну́вший*.

*Беречь, замереть, занять, запереть, налить, начать, подпереть, помереть, прибыть, принять, приобрести*¹⁵⁴, умереть. Результаты обязательно проверьте по словарям. **Сформулировать** правило постановки ударения в указанных причастиях, выявить исключения¹⁵⁵.

12. Образовать от следующих глаголов: 1) формы третьего лица множественного числа; 2) причастия на *-щий*. **Образец:** *пасут — пасущий*.

*Губить, дарить, душить, лениться, летить, летиться*¹⁵⁶, мочить, мочь, пилить, служить, терпеть, тонуть, ходить, хотеть, чертить. Результаты обязательно проверьте по словарям. **Сформулировать** правило постановки ударения в таких причастиях, выявить исключения¹⁵⁷.

13. Поставить ударения в следующих словах: *благоприобретение, знамение, изваяние, исповедание, мышление, намерение, обеспечение, обморожение, обнаружение, опошление, помазание, приобретение, сосредоточение, узаконение, упорядочение, упрочение*. Результаты проверьте по словарям.

Определить тенденцию акцентных изменений и источник неправильных ударений в словах данной микросистемы¹⁵⁸.

Определить разницу: *провидение / провидѣние* (оказаться где-либо по воле ...; пророческое, гениальное п.; Храни вас ...), *видение / видѣние* (мимолётное, художественное; приборы ночного...; больного преследуют...), *вѣдение / ведѣние* (в. собрания, хозяйства, дел; находиться в чѣм-либо...), *свѣдение / сведѣние* (Эти с. верны; с. счѣтов с кем-либо), *воздвижѣние / воздвижение* (колонны, креста, памятника).

14. Поставить ударения в следующих словах: *бомбардировать, буксировать, вальсировать, копировать, костюмировать, маркировать, нормировать, премировать, формировать*. Результаты проверьте по словарям.

О п р е д е л и т ь тенденцию акцентных изменений и источник неправильных ударений в словах данной микросистемы¹⁵⁹.

О п р е д е л и т ь разницу: *бронíровать* / *бронировáть* (номер в гостинице, корабль, жилплощадь, поезд, крейсер, железнодорожные билеты).

15. О п р е д е л и т ь разницу: *на д́вери* / *с д́вери*, *в беспреде́льной да́ли* / *из та́кой да́ли*, *в кро́ви* / *до кро́ви*, *на б́рови* / *от пра́вой брови*, *на це́ти* / *с це́ти*, *в те́ни* / *не́т ни ма́лейшей те́ни*, *в глу́хой но́чи* / *до са́мой но́чи*.

П р о к о м м е н т и р о в а т ь ударение в выделенных словах: 1. Так с *це́ти*, стало быть, спу́стили (А. С. Грибоедов). 2. Уста́вши бе́гать е́жедневно По *гря́зи*, по *песку*, по *жесткой* *мостовой*, О́днажды Но́ги о́чень гнев́но Разго́ворили́сь с Го́ловой (Д. В. Давыдов). 3. Мой а́нгел, Бо́га ра́ди О́т *д́вери* да́льше о́тойти (А. С. Грибоедов).

16. С ф о р м у л и р о в а т ь правило постановки ударения в словах следующего структурного типа: *буду́чи*, *сидю́чи*, *еду́чи*, *краду́чись*, *играю́чи*¹⁶⁰.

17. Как известно, закон аналогии при постановке ударения действует прежде всего «в однотипных структурно-семантических группах слов» [Суперанская 1968: 25]. О п р е д е л и т ь словесные ряды, вызывающие колебание ударений в приведённых ниже лексемах.

О б р а з е ц: *до́гмат* / *неправ. догма́т*. Ответ: переакцентовка произошла под влиянием слов типа *комба́т*, *дикта́т*, *нитра́т*, *депута́т*, *комбина́т*¹⁶¹.

Апока́липсис / *неправ. апокали́псис*, *а́стид* / *неправ. асти́д*, *ба́рмен* / *неправ. барме́н*, *газопрово́д* / *неправ. газопро́вод*, *ге́незис* / *неправ. гене́зис*, *ере́тик* / *неправ. ере́тик*, *ката́лог* / *неправ. катáлог*, *киломе́тр* / *неправ. кило́метр*, *коло́сс* / *неправ. ко́лосс*, *ку́хонный* / *неправ. кухо́нный*, *ма́ркетинг* / *неправ. марке́тинг*, *мусоропрово́д* / *неправ. мусоропро́вод*, *питека́нтроп* / *неправ.*

*питекантро́п, пúрпур / неправ. пурпúр, рéгент / неправ. регéнт, фено́мен / допуст. феноме́н, ходата́йство / неправ. ходата́йство*¹⁶².

18. Поставить ударение в словах: *суффикс, конфикс, префикс, интерфикс, постфикс*. Пояснить причину переакцентовки¹⁶³.

19. В. Г. Костомаров в своей книге «Языковой вкус эпохи» [1999: 274] приводит список слов, в которых, по его наблюдениям, чаще всего появляются неправильные ударения. Назовите правильные и неправильные акцентные варианты в этих словах и словоформах; результаты проверьте по словарям: *внесены, возбудить, в яслях, два шага, договор, договоренность, заключен, занял, заняла, идут, квартал, минул год, начать, окутится столицей, передал, премировать, принять, приняла, сформировать, переведен, передано, пережила, позвонит, приговор, проведен, углубить, углубленный, удалось, статуя, феномен, ходатайство, эксперт*. Пополните этот список своими примерами.

20. Поставить основное и побочное ударение в следующих словах: *автовеломотогонки, автотранспорт, артериосклероз, аэрофотосъёмка, бархатистый, благоприобретение, водонепроницаемость, высокообразованный, высокоразвитый, кинематография, кумысолечение, металлолом, морозоустойчивый, незаконнорождённый, проамериканский, профориентация, радиолокация, разнохарактерный, семнадцатитомный, стасорокавосемидневный, североатлантический, слаборазвитый, спецодежда, старославянский, телерепортаж, туннелестроение, ультразвук, электроснабжение*.

21. Подумайте, с какой целью учителя младших классов: 1) сочиняют подобные двустишия: а) *Красивей всех реснички У маленькой лисички*; б) *В волшебный квартал Змей Горыныч прилетал*; в) *Трое маленьких чижей Ободрали весь*

щавель; 2) используют «цветовые» задания: «Слова с ударением на первом слоге подчеркните синим, слова с ударением на втором слоге — зелёным, а слова с ударением на третьем слоге подчеркните чёрным цветом: *алфавит, щавель, звонит, свекла, километр*» [Киселёва 2011: 115].

22. Прочитайте рецензию Н. А. Еськовой на словарь: Зарва М. В. Русское словесное ударение. Словарь. Около 50 000 слов. М., 2001 // Русский язык в научном освещении. 2004. № 7 (1). С. 272—276. Какая особенность в отношении фиксации вариантов определяет специфику словарей, адресованных работникам средств массовой информации?

3. РУССКАЯ МОРФОЛОГИЯ В ОРТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Одним из «слабых мест» русской морфологической системы является довольно значительное количество (по подсчётам К. С. Горбачевича — более 3000 пар) вариантов, различающихся, по Ф. П. Филину [1963: 131], словоизменительными (*бухгалтеры* — *бухгалтерá*) и формообразующими морфемами (*цвести* — *цвесть*, *сказав* — *сказавши*). Такая вариативность «в значительной мере расшатывает понятие грамматической нормы» [Горбачевич 1978: 137].

Особенностью морфологической вариативности является то, что она затрагивает не слово в целом, а лишь отдельные его словоформы. Подчёркивая ограниченность сферы действия морфологической вариантности, А. И. Смирницкий [1954: 22] отмечает: «Естественнее сказать, что *щец* есть вариант словоформы *щей* (которая, следовательно, существует как *щей* / *щец*), чем говорить о двух вариантах слова *щи*, поскольку данная его вариантность в других словоформах не существует». В этом плане вполне логичным представляется определение **морфологических вариантов** как «вариантов словоформ, не отражающихся на заглавной форме слова» [Григорьев 1965: 137] (хотя варьировать иногда может только «заглавная форма», ср. *цвести* и *цвесть*).

Считается, что «морфологические варианты слов... наиболее удобно классифицировать в зависимости от принадлежности варьирующихся единиц к той или иной части речи» [Немченко 1990: 150; Граудина 1980: 144]. Такая форма описания принята в грамматиках, однако при ортологическом анализе, нацеленном на выявление причин появления неправильностей, более целесообразной является **систематизация вариантов в соответствии с причинами их возникновения**, что придаст классификации объяснительную силу.

А. Одной из причин варьирования *является стремление коммуникантов к экономии речевых усилий*, которое «решает судьбу вариантов в пользу более коротких, лаконичных форм» [Граудина 1980: 203]. Проанализируем случаи варьирования, связанные с действием **закона экономии в языке**.

1. Вариативность у глаголов подвижного состояния (термин А. А. Шахматова) типа *блекнуть, сохнуть*, которые «обозначают постепенное усиление какого-либо состояния» [Ильина 1976: 156], наблюдается в формах прошедшего времени; здесь формы с суффиксом *-ну-* «последовательно устранялись в женском, среднем роде, множественном числе» [Горбачевич 1978: 165] и в настоящее время являются архаичными; такие формы находим только в старых текстах: *Ужель иссякнули всех радостей струй?* (В. А. Жуковский. Вечер). В формах мужского рода многие глаголы подвижного состояния, «преимущественно префиксальные» [Смирнов 2010: 284], и сейчас сохраняют вариативность: *прибегнул — прибеж, оглохнул — оглох, угаснул — угас*. Беспрефиксальные же глаголы (*гибнуть, дряхнуть, мякнуть, горкнуть, тускнеть, бухнуть, блекнуть* и др.) употребляются в формах мужского рода только с суффиксом *-ну-*. Причина состоит в том, что: а) некоторые односложные формы бывают двусмысленны: *гас* (ср. *газ*), *пах*, *вял*, *слеп* [Немченко 1999: 25]; б) формы типа **гиб*, **дрях*, **мяк*, **горк* не опознаются как глагольные: без суффикса слово попросту разрушается. Тем не менее формы *зяб*, *сох*, *гас* и др. признаются нормативными; заметим, однако, что при этих формах вполне допустимы и неусечённые варианты типа *зябнул, сохнул, гаснул*.

Как известно, книжно-письменная речь очень консервативна, в силу чего книжные глаголы (*прибегнуть, воздвигнуть* и др.) также сохраняют неусечённые формы с суффиксом *-ну-*: *прибегнул — прибеж, воздвигнул — воздвиг*. Поскольку причастие является «формой книжного языка», то и оно довольно «прочно сохраняет суффиксальный вид основы» [Ильина 1976: 158], ср. *воскреснуть — воскрес*, но: *воскреснувший — воскресший*;

умолкнуть — умолк, но: умолкнувший — умолкший (здесь вариативность продолжает сохраняться).

2. Инфинитивный суффикс *-ти* после звуков *с* и *з* может редуцироваться, что служит источником вариантов типа *цвести* — *цвесть*, *везти* — *везть*, *приобрести* — *приобресть*. В. И. Чернышёв [1970: 549] отмечает, что «в неопределённом наклонении окончание *-ть* вместо ударяемого *-ти́* хотя и не вошло в общее употребление, но допускается лучшими нашими стилистами». Усечённые варианты используются: а) в поэзии, где их появление обусловлено требованиями ритма и рифмы: *Я знаю — город будет, я знаю — саду **цвесть**, когда такие люди в стране советской есть!* (В. Маяковский); *Тружусь день весь: Я по делам гонцом у барина большого; Ну, некогда ни пить, ни есть, Ни даже духу **перевесть*** (И. А. Крылов); б) как средство стилизации разговорной речи и просторечия (ввиду сниженности усечённых форм): *После обеда бабы начали **гресть*** (М. А. Шолохов).

3. В вариативных формах императива *почисти* — *почисть*, *пойди* — *подь*, *положи* — *положь* и др. редуцированные формы являются либо разговорными, либо просторечными, полные — «традиционно литературными» [Граудина 1980: 205], поэтому в случае колебаний следует выбирать именно полные.

4. В вариантных формах императива *готовься* — *готовьсь*, *равняйся* — *равняйсь*, *рассчитайся* — *рассчитайсь* усечённые формы используются в устных командах [Граудина 1980: 206], предполагающих быстроту артикуляции.

5. Характерный для «народной и разговорной речи» (В. И. Чернышёв) деепричастный суффикс *-вши* неблагозвучен, вызывает паразитарные ассоциации. По этим двум причинам формы на *-вши* (*сказавши*, *отдавши*) «встречаются реже параллельных форм на *-в*» [Вавилов 1970: 40], постепенно вытесняются из языка и «теперь уже звучат архаически» [Граудина 1980: 223].

6. Вариативность форм творительного падежа единственного числа *руко́ю* — *руко́й*, *стино́ю* — *стино́й* характерна для

двусложных существительных с ударением на окончании (*рука́, вода́*), т. е. для «слов только определённой акцентно-слоговой характеристики»; неусечённые формы многосложных существительных (*демократи́ю, эскадри́лью*) сейчас «звучат как безнадёжно устаревшие» [Катлинская 1969: 47]. Эта оценка относится также к прилагательным и причастиям: здесь «основной формой для современного языка является форма на *-ой, -ей*; форма на *-ою, -ею* встречается в книжной речи, в поэзии: *И над задумчивою Летой Тростник оживший зазвучал* (А. Ахматова)» [Русская грамматика 1980: 548].

7. Варианты кратких форм мужского рода от прилагательных с концовкой *-енный*: *я́вственен — я́вствен, безна́равственен — безна́равствен*. Учёные (В. И. Чернышёв, Д. Э. Розенталь, Л. П. Катлинская) неоднократно отмечали тот факт, что вариативность (т. е. наличие усечённой и неусечённой форм) наблюдается прежде всего у прилагательных с безударной концовкой *-енный*, ср.: *своевре́менный — своевре́мен и своевре́менен*, но: *совреме́нный — совме́ренен, несомне́нный — несомне́нен*. Упрощение прилагательных с безударной концовкой происходит в результате гаплогогии — устранения одного из одинаковых звукосочетаний, «столкнувшихся» в слове; такое столкновение неблагозвучно и в артикуляционном, и в акустическом отношениях.

Усечённые варианты более благозвучны и удобопроизносимы; отсюда — распространение сферы действия гаплогогии на отдельные единицы с ударной коцовкой *-ённый*, в силу чего прилагательные *дерзнове́нный, сокрове́нный, незабве́нный* (как исключение) образуют два варианта кратких форм: *дерзнове́н и дерзнове́нен, сокрове́н и сокрове́нен, незабве́н и незабве́нен*.

Вариативность форм отсутствует у причастий и, соответственно, отпричастных (отглагольных) прилагательных с безударной концовкой *-енный*; они образуют только усечённую краткую форму: *возвыше́нный — возвыше́н, разме́ренный — разме́рен*.

Рекомендации словарей относительно возможности образования неусечённых форм кратких прилагательных отличаются разноречивым, при этом большинство словарей отказывается в фиксации неусечённым формам (таким, как *естественен*, *медленен*, *тайнственен* и т. д.). Однако факты живой речи заставляют признать языковую реальность большей части таких форм (и, следовательно, регулярность отмеченной выше тенденции, в соответствии с которой от прилагательных с безударной концовкой *-енный* образуются два варианта краткой формы мужского рода): *У Волконских был неестественен и рассеян и засиделся до часу* (Л. Н. Толстой); *Тургенев был медленен, его короткие романы казались длинными* (В. Каверин); *И был он страшен, непонятен, Таинственен, как этот бег Туманной мглы и светлых пятен, Порою озарявших снег* (И. А. Бунин). Оба варианта соответствуют норме, хотя неусечённый вариант менее благозвучен и потому в речи используется реже, чем усечённый.

8. Варианты форм сравнительной степени прилагательных и наречий: *быстрее* — *быстрей*, *красивее* — *красивей*. Суффикс *-ее* нейтрален, его усечённый (апокопированный) вариант «создаёт некоторую сниженность» [Еськова 1964: 242], «установку на разговорность» [Граудина 1980: 198].

Б. Ещё одна причина морфологической вариативности — это **конкуренция двух формальных аналогий**: так, *выздоров[и]ть* (первый словоизменительный класс³) звучит как *готовить* (десятый словоизменительный класс), отсюда не рекомендуемые словарями варианты *выздоровлю*, *выздоровишь* (как *готовлю*, *готовишь*) при литературном *выздоровею*, *выздоровеешь* (ср. *болею*, *болеешь*). Данный процесс приводит: а) к «смешению типов склонения, спряжения и других способов образования грамматических форм» [Горбачевич 1978 а: 190]; б) к уходу одного из конкурирующих морфологических образцов, что в конечном счёте также находится в полном соответствии с законом эко-

³ Нумерация словоизменительных классов глагола дана по Русской грамматике [1980: 647—664].

номии в языке. Разберём основные из случаев такой вариативности.

1. Варианты форм имеют избыливающие глаголы: *машет* — *махает*, *полощет* — *полоскает*, *мурлычет* — *мурлыкает*. Дело в том, что глаголы типа *плакать*, *мурлыкать* (5-й словоизменительный класс) и типа *играть*, *завтракать* (1-й класс) «оканчиваются в формах инфинитива и прошедшего времени на *-ать*, *-ал*. Этим совпадением (т. е. омонимией концовок. — В. М.) обусловлено воздействие глаголов кл. I на парадигмы глаголов кл. V: появляются вариантыные формы» [Русская грамматика 1980: 654], т. е. здесь «возникает своеобразная формообразовательная аналогия» [Смирнов 2010: 285]. Варианты избыливающих глаголов «становятся серьёзными конкурентами» [Горбачевич 1976: 67]. Каков возможный исход этой конкуренции? С одной стороны, варианты типа *махает* более экономны, так как в их парадигме нет «функционально не загруженного чередования фонем» [Горбачевич 1978: 166]. С другой стороны, традиционные формы типа *машет* стилистически нейтральны, формы же типа *махает*, *полоскает*, возникающие по образцу глаголов первого словоизменительного класса, часто бывают либо просторечны, либо разговорны [Граудина 1980: 212]. К. С. Горбачевич [1978: 168] не без основания полагает, что «частота выбора непродуктивного варианта (*брызжу*, *машу*, *полощу*) находится в прямопропорциональной зависимости от общего уровня образования, степени интеллигентности носителя языка (в конечном счёте — от близости к языку книги)», поэтому «пользование старой (непродуктивной) формой служит как бы своеобразным паспортом грамотности».

2. Рассмотрим варианты типа *обусловливать* / *обуславливать*. Сложности при образовании глаголов с суффиксом *-ыва-/ива-* связаны с тем, что ударный звук *ó*, предшествующий данному суффиксу, может сохраняться (*опозóрить* — *опозóривать*), а может чередоваться с ударным *á*; при этом возможны варианты (*сосредóточить* — *сосредотóчивать* и допуст. разг. *сосредотáчивать*). Отсутствие либо наличие чередования ре-

гламентируется двумя правилами [Востоков 1835: 63; Граудина 1980: 218; Ильина 2000: 340].

П р а в и л о № 1: безударному корневому *о* в производящем глаголе соответствует ударное *á* в производном: *проговори́ть* — *проговáривать*. Считается, что «неударное *о* в корне глагола совершенного вида непременно чередуется с ударным *а* в глаголе на *-ывать, -ивать*» [Еськова 1994: 423]; иными словами, «это правило в настоящее время в литературном языке не знает исключений» [Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: 187; Граудина 1980: 218]. Исключение из правила есть: «чередование /о—а/ отсутствует, если в качестве мотивирующих выступают глаголы класса II (с суффиксом *-ова-*. — В. М.): *зашну́ровать* — *зашну́ровывать, пронумерова́ть* — *пронумеро́вывать*» [Русская грамматика 1980: 353, ср. Чернышёв 1970: 556].

П р а в и л о № 2: ударному корневому *ó* в производящем глаголе соответствует ударное *ó* в производном: *упрочи́ть* — *упрóчивать*.

В основе обоих правил лежат фонетические законы русского языка, ср. *упрочи́ть* — *упрóчивать* (в производящем глаголе *о* под ударением звучит как [о], поэтому и в производном глаголе чередования нет, т. е. сохраняется *о*), но: *пригов[А]ри́ть* — *приговáривать*: безударное *о* в производящем глаголе звучит как *а*, поэтому и в производном глаголе также появляется *а*, но уже на правах не аллофона (как в производящем глаголе), а фонемы. В обоих случаях налицо ориентация на звуковую форму производящих глаголов, т. е. на устную речь. Но в отношении глаголов типа *аресто́вывать, зашну́рывать*, составляющих исключение из первого правила, очевидна ориентация на графическую форму производящих глаголов, т. е. на письменную речь. Здесь «письменный язык приостанавливает движение устного к новым формам» [Чернышёв 1970: 65].

Итак, анализируемые глаголы находятся в сфере действия двух правил (и, следовательно, двух норм) формообразования. Вторая из этих норм обнаруживает «известную неустойчивость» (С. П. Обнорский): среди глаголов, сохраняющих *о* перед суф-

фиксом *-ыва-/ива-*, «под несомненным воздействием образований <типа *выка́шивать, погово́ривать*>... начался процесс замены корневого гласного *о* гласным *а*»; в литературном языке это «особенно заметно с конца XVIII в.», данный процесс развивался «постепенно на всём протяжении XIX и XX вв.: перед нами явление живое и для современной стадии литературного языка» [Обнорский 1960: 255]. Две нормы «борются, а следствием их борьбы оказываются... варианты норм» [Головин 1988: 60]. Варианты с корневым *á* на месте *ó* можно подразделить на три группы.

1) Постепенно проникающие в язык, но не признаваемые литературной нормой, т. е. неправильные: это формы несовершенного вида с корневым *á*, образованные от глаголов *обеспоко́ить, смóричить, проворóнить, взъерóшить, опорóчить, подыто́жить, узакóнить, уполномо́чить, приурóчить, размусóлить* и др. Как известно, морфологические новшества «появляются обычно за пределами литературного употребления — в просторечии, в профессиональной речи, в разговорно-бытовой речи и т. д. — и лишь постепенно могут закрепиться в литературном языке» [Ицкович 1968: 48].

2) Принятые литературной нормой на правах допустимых или разговорных: *унавáживать, рассредотáчивать, услáвливаться* и др. Варианты с корневым *á*, принадлежащие этой группе, «хотя и реже встречаются в письменном языке, сейчас уже не могут быть забракованы как несоответствующие современной литературной норме» [Горбачевич 1971: 226].

Формы, приведённые в числе первой и второй групп, «являясь отчасти областными, отчасти разговорными и просторечными, не могут считаться нормальными литературными образованиями»; «главенствующими... в литературном употреблении являются глагольные образования с сохранением корневого гласного *о*» [Обнорский 1960: 256].

3) Закрепившиеся в языке в качестве основных вариантов, принятых литературной нормой; при этом формы с корневым *ó* считаются устарелыми, ср. *заподóзривать* и

устар. *заподóзривать*, *задáбривать* и устар. *задóбривать*, *опорáжнивать* и устар. *опорóжнивать*, *сдáбривать* и устар. *сдóбривать*, *оспáривать* и устар. *оспóривать*: *И не оспóривай глупца* (А. С. Пушкин), *присвáивать* и устар. *присвóивать*, *удостáивать* и устар. *удостóивать*, *успока́ивать* и устар. *успоко́ивать*, *усвáивать* и устар. *усвóивать*, *удвáивать* и устар. *удвóивать*, *дотрáгиваться* и устар. *дотрóгиваться* и др.

К. С. Горбачевич [1978: 163] констатирует, что положение вариантов с корневым *á* на нормативной шкале оценок очень неопределённо. Думается, что такая неопределённость обусловлена тем, что данные варианты входят во все три группы, а значит, могут иметь и ненормативный (просторечный), и нормативный (в том числе разговорный) характер.

Ещё В. И. Чернышёв [1970: 557] отметил, что «формы с *о* преобладали в старом языке; формы с *а* явились позднее, вытеснили старые формы с *о* и теперь господствуют». На протяжении XIX—XX вв. формы с *а* « всё больше распространяются » [Розенталь 1974: 189]. В чём кроется причина такой экспансии? Почему побеждают именно формы с корневым *а*?

Причина состоит в том, что в русском языковом сознании идея имперфектности связывается не только с суффиксом *-ыва-/-ива-*, но и с предшествующим ему чередованием *о/а*, так что можно говорить о морфонологическом характере этой связи [Горбачевич 1978: 152 и 162; Ильина 2000: 339]: ударное *á* и указанный суффикс действуют как единое целое, т. е. как один формант. Так, В. В. Виноградов [1947: 403] назвал чередование *о/а* перед суффиксом *-ыва-/-ива-* «внутренней флексией», сопровождающей этот суффикс.

Б. Н. Головин [1988: 60] высказывает предположение: «Нет никаких данных, которые позволили бы думать, что глаголы с *а* не вытеснят своих “конкурентов”». Этого не произойдёт, поскольку имеются факторы, способствующие сохранению форм с ударным *о*. Дело в том, что любое чередование меняет звуковой облик слова. Отсюда два следствия: а) производная форма перестаёт опознаваться как принадлежащая парадигме производя-

щего глагола: ср. *обестóчивать* и **обестáчивать*, *объегóривать* и **объегáривать*, *обескрóвливать* и **обескрáвливать*, *обезвóживать* и **обезвáживать*; б) производная форма двусмысленна либо вызывает паразитарные ассоциации: ср. формы с *ó* и *á*, образованные от глаголов *отсрочить*, *пришпорить*, *обездолить*, *обессолить*, *переспорить*, *обесплотить*, *подзадорить*, *обезволить*, *обезболить*. Вместе с тем «в современном языке склонность к формам с *a* настолько значительна, что они допускаются и там, где их не следовало бы употреблять, чтобы не смешивать значения слов. Мы говорим, например: *засáливать*, *пересáливать* (от *солить*; смешивается с *сáлить*), *закрáишивать*, *раскрáишивать* (от *крошить*; смешивается с *крáсить*). Старые грамматики для значений “кропать”, “солить” рекомендовали формы *крóпывать*, *крóишивать*, *сóливать*» [Чернышёв 1970: 557]. Примеры такой омонимии приводит и В. В. Виноградов [1960: 14]: «*запáивать* к *запаять* и *запоить*, *спáивать* к *спаять* и *споить*, *стáчивать* к *стачать* и *сточить*, *накапáывать* к *накопать* и *накапать*». Думается, что говорить о перспективах ухода форм с ударным *ó* из языка преждевременно.

3. Варианты типа *заготовлять* — *заготавливать*, *приспособлять* — *приспосабливать*, *осмыслять* — *осмысливать* появились в результате конкурентной борьбы двух формообразующих аффиксов: *-а-* (*-я-*) и *-ыва-* (*-ива-*), именуемых **суффиксами вторичной имперфективации** (ср.: имперфект *готовить* > перфект *заготовить* > «вторичный» имперфект *заготовлять* / *заготавливать*). Наличие дублетов с суффиксами *-а-* (*-я-*) и *-ыва-* (*-ива-*) говорит об «отсутствии чётких различий между этими суффиксами как видовыми формантами» в смысловом плане [Мучник 1971: 115], однако модель формообразования с суффиксом *-ыва-* (*-ива-*) более продуктивна, чем модель с суффиксом *-а-* (*-я-*); в настоящее время происходит «массовое вытеснение форм с суффиксом *-а-* (*-я-*)» — особенно если конкурирующий суффикс *-ыва-* (*-ива-*) предваряется чередованием *o/á* (*одолжить* — *одáлживать*, ср. устар. *одолжáть*), — отмечает К. С. Горбачевич. Дело в том, что формы с суффиксом *-ыва-*

(-ива-) в звуковом отношении противопоставлены формам совершенного вида более резко, чем формы с суффиксом -а- (-я-) [Горбачевич 1978: 160—161]. И. П. Мучник [1971: 115] пишет: «Суффикс *-ива-* охватывает вдвое большее число глагольных основ и всё более распространяет сферу своего употребления, так как он представляет собой яркий и однозначный показатель несовершенности в отличие от *-а-*, который встречается и в ряде глаголов совершенного вида: *разбросáл, раскидáл, отрезáл* и т. д.»; отсюда — случаи омографии типа *отрезáл — отрёзál, рассыпáл — рассы́пал*.

4. В вариантных парах *играя — играючи, жалея — жалеючи* деепричастия с суффиксом *-а-/-я-* стилистически нейтральны, с суффиксом *-учи-/-ючи-* имеют сниженный характер и употребительны в народной речи, а также в стилизации под народную и фольклорную речь: *По тесовым кровелькам **играючи**, Тучки серые **разгоняючи**, Заря алая подымается* (М. Ю. Лермонтов) [Вавилов 1970: 41; Русская грамматика 1980: 672]; *Я умру, любовь **проклинаячи**, Но и в смертный час **воздыхаячи** О тебе, мой друг, моя душечка!* (Д. В. Давыдов. На голос русской песни). Единственная стилистически нейтральная форма с суффиксом *-учи- (-ючи-)* — деепричастие *будучи*.

5. Варианты деепричастий *заметя* (вм. *заметив*), *увидя* (вм. *увидев*), *возлюбя* (вм. *возлюбив*) возникли в результате «смешения временных значений» [Граудина 1980: 221] по схеме: *видя* (настоящее время) + *увидев* (прошедшее) = *увидя* (**контаминированная**, т. е. возникшая в результате смешения двух образцов, форма). Такие формы «воспринимаются в современном языке как несколько сниженные» и устарелые, поскольку «чаще встречаются в языке писателей XIX в.» [Вавилов 1970: 40]: *Не мысля гордый свет забавить, Вниманье дружбы **возлюбя**...* (А. С. Пушкин); *Мартышка, в зеркале **увидя** образ свой...* (И. А. Крылов). Контаминированные формы «закрепились и являются нормативными у деепричастий с возвратной частицей *-сь*: *спохватясь, притаясь* и т. д.» [Граудина 1980: 222], а также в некоторых деепричастиях, образо-

ванных от глаголов с инфинитивом на *-ти*: *приведа, привеза, принеся, войдя*.

Формы данного типа закрепились в некоторых фразеологизмах, где имеют «прочное право на употребление»: *очертя голову, спустя рукава, сложа руки* [Чернышёв 1970: 572]. Устойчивость гибридных вариантов объясняется: а) тем, что они более кратки (ср. *спохватясь* и *спохватившись*); б) смысловой избыточностью суффикса *-в(ии)*, ср. *любя* (настоящее время) — *возлюбя* (прошедшее время, которое может быть противопоставлено настоящему префиксом); в) тем, что суффикс *-в(ии)* вызывает паразитарные ассоциации.

6. Второй предложный (или местный) падеж с ударной флексией *-у (-ю)* выступает «после предлогов *в* и *на* в словосочетаниях, имеющих местное (локативное) значение» [Зализняк 1967: 43—44]: *в шкафу, на свету, на краю*; реже этот падеж сочетается с другими предлогами: *Доктор... возил её [жену] везде за собой при гусарском полку* (Л. Толстой), *Слово о полку Игореве* [Чернышёв 1970: 502]. В местном падеже используются преимущественно односложные существительные «бытового обихода» [Копецкий 1970: 25]. Формы на *-у (-ю)* вполне литературны при отсутствии вариантов (например, *на носу, в боку*), однако при наличии таковых имеют просторечный, в частности профессионально-просторечный оттенок, ср. *в цехе* — *в цеху, в отпуске* — *в отпуску*; старинные, вытесненные из живого употребления формы в этом случае не учитываются, ср.: *На бале, помните, открыли мы вдвоём За ширмами, в одной из комнат посекретней, Был спрятан человек и щёлкал соловьём* (А. С. Грибоедов). Варианты на *-у (-ю)* характерны для «живой народной стихии» [Булаховский 1954: 62], так что в случае колебаний следует предпочесть формы на *-е*, принадлежащие «речи книжной, письменной» [Чернышёв 1970: 503].

7. Второй родительный (лат. *casus partitivus*) с окончанием *-у (-ю)* образуют, как правило, короткие (одно- и двусложные) существительные «с вещественным и собирательным значением» [Станишева 1971: 88]: *мёду, рису, кваску*; обычно

это «слова широкого бытового употребления» [Копецкий 1970: 22]. Второй родительный используется только для выражения различных оттенков количественного значения: килограмм сахара, вытить чаю (ср. вытить немного чаю); в других значениях эта форма встречается лишь в составе фразеологизмов: дать маху, спору нет, умереть со смеху, что есть духу, конца и краю нет [Розенталь 1974: 115]. В современном русском языке «употребление форм на -у ... поддерживается стремлением говорящих различать родительный с количественным значением и родительный неколичественный. Однако... эта основная функция родительного на -у начинает разрушаться», поэтому в живой речи формы на -а часто смешиваются с формами на -у [Домин 1963: 20]: чашка чаю / чашка чая, килограмм сахара / килограмм сахара. Семантическое противопоставление «чая — чаю» в настоящее время «выражено недостаточно чётко» и «не имеет силы грамматического закона» [Граудина 1968: 176]. Формы на -у (-ю), постепенно вытесняемые нейтральными формами на -а (-я), имеют разговорно-бытовую окраску, ср.: Вороне где-то бог послал кусочек сыру (И. А. Крылов). Ещё Л. А. Булаховский отметил: «Чем ближе к нашему времени, тем форм родительного падежа на -у становится меньше. Младшее поколение... оказывает заметное предпочтение формам на -а» [Булаховский 1952: 201]. Довольно прочно удерживается второй родительный, во-первых, в уменьшительных именах с суффиксом -ок (-ёк): медку, кваску, чайку [Чернышёв 1970: 498], во-вторых, в глагольных конструкциях: вытить чаю, кутить мёду [Граудина 1968: 178].

8. В вариантных парах типа *дверьми* — *дверьями* старинное окончание тв. мн. -*ми*, сохранившееся лишь в нескольких словах (*детьми*, *лошадьми*, *людьми*), конкурирует со «сравнительно недавней формой [Дурново 1971: 94] на -*ями*. Постепенно уходящие из языка формы с флексией -*ми* имеют архаичный характер, ср. *желудьями* и: *Котомкой с желудьями сушёными ссудил* (К. Н. Батюшков); новые формы на -*ями* зачастую просторечны (*людьями*) либо находятся на крайней периферии нормы

(*лошадьмі* — допуст. *лошадя́ми*). Поэтому в случае сомнений следует предпочесть старинную (традиционную) форму.

Вытесняемый морфологический образец является источником устаревающих и архаичных вариантов. Полное вытеснение одного из конкурирующих образцов ведёт к убыванию равноправных вариантов «и, в конечном счёте, к упрощению морфологического строя» [Горбачевич 1978а: 164—165], что соответствует закону языковой экономии.

9. Морфологические варианты имён существительных часто возникают при **грамматическом освоении** заимствованного слова. Такое освоение является источником двух типов морфологического варьирования.

1) Варьирование в грамматическом роде — ввиду того, что слово вводится одновременно в два склонения, ср. *манера* и устар. *манер* (например: *на манер чего, таким манером*), *эполет* и устар. *эполета*, *ботинок* и устар. *ботинка*, *мѣтод* и *метѡда*, *перифраз* и *перифраза*, *рельс* и прост. *рельса* (допустимо лишь в составе выражения *бить в рельсу*). Слова, оканчивающиеся на мягкий согласный, могут принадлежать как второму, так и третьему склонению, ср. *конь*, *конѣм* — *ткань*, *тканью*; *король*, *королѣм* — *сталь*, *сталью*, отсюда вариативность в грамматическом роде и склонении заимствованных слов с мягкой консонантной концовкой [Горбачевич 1978: 143; Суперанская 1965: 46 и 49; Чернышёв 1970: 525], ср.: *толью* (вм. *толем*); *тюлью* (вм. *тюлем*).

2) Варьирование в склоняемости заимствованного слова. В русском литературном языке «проявляется настойчивая тенденция к сохранению у некоторых групп заимствованных слов неизменного морфологического состава» [Мучник 1964: 148], т. е. тенденция к неизменяемости, аналитизму. Основной особенностью аналитических единиц является то, что «у них грамматическое значение передаётся... средствами контекста» [Русский язык... 1968: 11]: *моё пальто*, *моим пальто*. Неизменяемые слова можно подразделить на две группы: а) слова, финали которых в звуковом отношении не совпадают с финалями русских слов соответствующего рода: *денди*, *Элен*, *кенгуру*,

пенс[нэ] — такие слова, по своей концовке «не нашедшие себе подобных среди слов русского языка» [Суперанская 1968: 15—16], не изменяются ни при каких условиях «в силу действия морфонологических причин» [Бунамес 2014: 15] ни при каких условиях; б) слова, финали которых «совпадают с элементами, типичными для концов русских слов определённых родов» [Суперанская 1968: 47]: *пальто́* (ср. *се́ло*), *кофе́* (ср. *по́ле*), *бигуди́* (ср. *кудри́*) — такие слова могут изменяться: *новые пальто* — прост. *новые по́льта*, *спать в бигуди* — разг. *спать в бигудях*. В первой половине XIX в. доминировала тенденция к изменению таких слов в склонении; их «приравнивали к русским с такими же и даже только сходными окончаниями» [Булаховский 1954: 81]: *Вечер в Сорренте* (И. С. Тургенев); *На бюре*, выложенном перламутною мозаикой..., лежало множество всякой всячины (Н. В. Гоголь); *Модные духи пахнут алоем* (А. И. Герцен). Таким образом, флексийные варианты аналитических слов типа *бюро*, *пальто*, *алоэ* имеют либо книжно-архаичный, либо просторечный характер, ср. в стилизации: *Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле* (В. Высоцкий).

10. Известно, что «заударный /а/... больше похож на /ы/, чем на /а/» [Бондарко 1981: 124]. В результате заударная флексия *-а* слов женского рода, а также заударные флексии *-о*, *-е* имён существительных среднего рода звучат практически одинаково, что, на наш взгляд, является причиной известного перехода многих «слов среднего рода на *-о* (и, добавим, на *-е*. — В.М.) в женский на *-а*» [Чернышёв 1970: 522]. Факты такого перехода наблюдаем в просторечии и в случаях стилизации последнего в художественной речи: — *Какую ты имеешь полную праву?* (Л. Толстой. Власть тьмы); *Шла сейчас я мимо училищ...* (А. Неверов. Захарова смерть); — *Товарищ Нагульников! Обожди, не подымай оружью* (М. А. Шолохов. Поднятая целина).

Факты перехода имён существительных второго склонения в первое по причине омофонии флексий могут закрепляться в литературном языке. Так, фамилии украинского происхождения на *-ко* и *-енко* в XIX в. «изменялись по парадигмам первого и вто-

рого склонения» [Мучник 1964: 169]: у *Шевченки* / у *Шевченка*, *Шевченкой* / *Шевченком*. Изменение таких фамилий по первому склонению наблюдаем и в современной разговорной речи (обычно с шутливо-пренебрежительным оттенком).

Между первым и вторым склонением колеблются и слова типа *домишко*, *городишко*: им. п. *этот домишко*, р. п. *этого домишка* / *домишки*, д. п. *этому домишку* / *домишке*, тв. п. *этим домишком* / *домишкой* [Зализняк 1967: 148—149]. «Бесспорно, что для р., д. и тв. падежей нормой стали формы женского склонения... Серьёзное языковое препятствие к внедрению форм женского склонения существует лишь для винительного падежа» [Качевская 1969: 58 и 61], ибо «нельзя сказать *Я видел этот домишку*» [Зализняк 1967: 149]. Слова типа *волчище* образуют варианты формы не только в р., д. и тв. падежах, но также и в винительном: им. п. *этот волчище*, р. п. *этого волчища* / *волчищи*, д. п. *этому волчищу* / *волчище*, в. п. *этого волчища* / *волчищу*, тв. п. *этим волчищем* / *волчищей* [Русская грамматика 1980: 486].

11. Б. Н. Головин [1988: 48] отмечает: «Русский человек, даже вполне грамотный, иногда становится в тупик, когда дело доходит до образования формы родительного падежа множественного числа некоторых существительных». Сложности в образовании таких форм отражены в грамматической шутке: «Как правильно: *у рыбей нет зубей*, *у рыбов нет зубов* или *у рыб нет зуб?*» [Еськова 1971: 170]. Сомнения по поводу формы род. множ. от слова *кочерга* воспеты в шуточном «Сонете о кочерге»:

Хочу я разобраться в этом строго,
У смысла много яростных врагов.
Вот кочерга одна, а если много,
Так как сказать: кочерг иль кочергов?
А может, кочергей иль кочерёг? (А. Николаев)

Действительно, как правильно: *носков* или *носок*? [Граудина 1965: 137—146], *туфель*, *туфлей* или *туфлэй*? [Соловьёв 1969: 123—124], *сто грамм* или *граммов*? [Граудина 1964 а: 210—221], *эскадрон гусар* или *гусаров*?

Рассмотрим причины появления указанных сложностей в словоизменении. Давно замечено, что «категория рода в современном русском языке обнаруживается только в ед. числе существительных; употребляющиеся только во множ. числе существительные стоят вне родовых отношений» [Шахматов 2001: 452], поэтому у таких существительных «родовые перегородки между формами склонения разрушены» [Виноградов 1947: 151]. Отсюда варианты форм род. мн. слов группы *pluralia tantum*, порождённые «отсутствием форм ед. ч. (и, следовательно, невозможностью установить тип склонения)» [Горбачевич 1978: 188]: *грабель* — *граблей*, *будней* — *буден*, *воротец* — *воротцев*. У слов, которые имеют форму ед. ч., однако «преимущественно употребляются во мн. ч.» [Горбачевич 1978 а: 164; Граудина 1964: 188—193], также наблюдаются варианты род. мн.: *турок* — *турков*, *помидор* — *помидоров*, *гусар* — *гусаров*, *рентген* — *рентгенов*. Характерна подобная вариативность и для слов, обозначающих парные предметы: *носок* — *носков*, *кед* — *кедов*; здесь также «настойчиво утверждается нулевая форма» род. падежа множ. числа [Граудина 1965: 141], ср. *сапог* — устар. *сапогов*, *чулок* — устар. *чулков*. Л. К. Граудина [1964: 197] отмечает: «У многих из этих слов форма им. ед. оказывается производной от формы род. мн.». Отсюда колебания в грамматическом роде: *спазм* и *спазма*, *ботфорт* и устар. *ботфорта*, *штиблет* и прост. *штиблет*.

В вариативности типа *носок* — *носков* есть как отрицательные, так и положительные стороны. С одной стороны, «нулевые формы и формы на -ов... в языковом сознании говорящих устойчиво “привязаны” к определённым лексемам», «к лексическим группам и отдельным словам» [Воронцова 1976: 133 и 135], т. е. распределение таких вариантов не носит закономерного характера, отсюда невозможность выведения строгих правил. Кроме того, «нулевые словоформы пополняют ряды межпадежных омонимов» [Граудина 1964: 197], что также нельзя признать положительным явлением. С другой стороны, варианты с нулевой флексией «более экономичны» [Горбачевич 1978: 190].

12. Притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин-* в формах родительного и дательного падежей мужского и среднего рода «прежде имели формы с кратким окончанием» [Горбачевич 1978 а: 165], ср. *мамино́го брата* — устар. *мамина брата*, *мамино́му брату* — устар. *мамину брату*. Старинные формы встречаем в текстах XIX — начала XX в.: *Только съезди ты, поклонись гробу матери твоей, да и бабкину гробу кстати* (И. С. Тургенев); *Прибежали к старухину дому* (А. Блок) [Русская грамматика 1980: 555—556].

13. Смешение различных способов образования форм сравнительной степени приводит к возникновению двух разрядов нелитературных форм: 1) на *-ее* вместо *-е* (*громч́ее, мягч́ее, ярч́ее*), причём «в литературном языке... утвердились лишь две такие формы — *бойч́ее* и *ловч́ее*» при вариантах *бойче* и *ловче* [Еськова 1964: 236]; 2) форма на *-ше* вместо форм другого образования: *легше, мягше, дешевле, красивше* [Еськова 1964: 249—250].

В. Источником морфологической вариативности может являться *борьба разных содержательных ассоциаций и аналогий* [Горбачевич 1978 а: 174]. По этой причине варианты грамматического рода и склонения имеют **сложносоставные слова**, ср. *наше кресло-кровать* и *наша кресло-кровать* [Горбачевич 1977: 74]. Родовая принадлежность и склоняемость первого компонента определяются смысловым акцентом [Вартапетова 1971: 100]. Если главным является первый компонент, то он склоняется и определяет родовую принадлежность сложносоставного слова: *около дивана-кровати, на кресле-кровати; наши диван-кровать, новое кресло-кровать*. Если же смысловой акцент приходится на второй компонент, то именно он определяет родовую принадлежность сложносоставного слова, а первый его компонент не склоняется: *под плащ-палаткой, моя плащ-палатка*.

А. В. Суперанская [1965: 188—189] отмечает: «Сказать *на диване-кровати* или *под диваном-кроватью* трудно, громоздко, мешает окончание первого компонента. Употребление таких

слов-сочетаний показывает, что они очень неудобны», прежде всего в артикуляционном отношении. Отсюда рост числа сложносоставных слов с несклоняемым первым компонентом (ср. *вагоне-ресторане* и *в вагон-ресторане*, *на диване-кровати* и *на диван-кровати*).

Г. Причиной морфологической вариантности является «**противоречие между формой и содержанием языковой единицы**» [Горбачевич 1978 а: 163], приводящее к колебаниям в грамматическом роде имён существительных.

1. Родовая принадлежность существительных с суффиксами субъективной оценки «определяется по роду мотивирующего слова»: *холод* (он) > *холодина* (он), *холодище* (он), однако окончания (-а, -е) придают этим словам «черты сходства с существительными среднего и женского рода» [Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: 74—75], отсюда варианты рода типа *такой холодина* / *неправ. такая холодина*, *такойдомище* / *неправ. такоедомище* (примеры противостояния **смыслового** и **формального согласования**).

2. Для **неодушевлённых несклоняемых заимствованных имён существительных с гласной концовкой** характерно варьирование рода, проявляющееся в согласовании (как известно, «наличие рода как грамматической категории признаётся только там, где имеется согласование» [Зализняк 1964: 25]). Причина варьирования состоит в следующем. В соответствии со старинным правилом, «иностранные не склоняющиеся слова на -а, -е, -и, -о, -у, означающие предметы неодушевлённые, употребляются обыкновенно в среднем роде»: *бронзовое бра*, *тёплое кофе*, *новое такси*, *открытое жалюзи*, *крымское бордо*, *вкусное рагу* [Чернышёв 1970: 527], *форменное галифе*, *гладкое шоссе*. В результате «средний род становится складом для заимствованных слов, которые по своему звуковому или морфологическому облику не соответствуют типическим формам русских существительных» [Виноградов 1947: 76]. Одушевлённые же имена данного типа обычно являются дву-

родовыми: *этот* и («при подчеркнутом указании на самку») *эта шимпанзе* [Бунамес 2014: 16, ср. Мучник 1971: 281]. Однако род и число неодушевлённых имён указанной структуры могут определяться и путём соотнесения с ближайшим родовым понятием (*genus proximum*): *Тбилиси ~ город* (м. р.), *кофе ~ напиток* (м. р.): *Поутру бабушка кушала свой кофе* (Мемуары Е. П. Янковой, XVIII в. [Судаков 2013: 87]), *шоссе ~ дорога* (ж. р.): *Шоссе ваша очень гладка, по ней катишься, как по маслу* (Письмо Вяземского И. С. Тургеневу, 1820), *жалюзи ~ шторы* (мн. ч.), *галифе ~ брюки* [Немченко 1986: 43—46], *пенсне ~ очки*: *Тогда Андрей Андреевич пошёл прямо домой, но по дороге упал, потерял французскую булку и сломал свои пенсне* (Д. Хармс). Приведём пример тройного варьирования рода: *фрисби*, неодуш. → ср. р.: *зажигательное фрисби*; ‘легкий пластмассовый диск для игры’ → муж. р.: *фрисби завоевал мир*; ‘игра с таким диском’ → жен. р.: *недорогая фрисби* [Маринова 2012: 318].

3. Ещё А. А. Шахматов [2001: 449] отметил, что «слова *доктор*, *кондуктор*, *студент* остаются словами мужского рода, когда означают женщину, девушку». Существительные мужского рода, которые могут обозначать и женщин, называют **двуродовыми**. С их помощью производится «обозначение лица по тем или иным признакам независимо от пола» — «путём расширения значения у соответствующих существительных мужского рода» [Смирницкий 1955: 28], т. е. путём «перенесения с вида на род» (Аристотель). От двуродовых следует отличать существительные **общего рода**, которые в равной степени могут обозначать и мужчину, и женщину: *круглый (круглая) сирота*, *наш (наша) разиня*. Если двуродовые имена принадлежат первому склонению (*доктор*, *студент*) или являются несклоняемыми (*шимпанзе*, *кенгуру*), то существительные общего рода (*пьяница*, *сирота*) относятся ко второму склонению.

Причины появления двуродовых существительных таковы: а) у многих существительных (*хирург*, *профорг*, *педиатр*) парные женские названия «не появились, так как это сопряжено с

фонетически затруднёнными чередованиями (ср. *хирургжа, профгоржжа*)»; б) слова типа *бухгалтериша, премьерша, врачиха* воспринимаются «обычнее всего как названия жены бухгалтера или врача, либо же как иронические или пренебрежительные названия женщин по этим профессиям» [Мучник 1971: 221—222]. Дериваты же типа *геологиня, металлургесса, критикесса, редактриса*, появившиеся в середине XX в., не удержались в языке ввиду их «безвкусной претенциозности»; таким образом, «система суффиксальных средств существительных оказалась не в состоянии удовлетворить потребность языка в ряде новых женских названий лиц по профессии и специальности» [Мучник 1968: 38 и 31]. Отсюда появление конструкций типа *Врач пришла* с **самостоятельным женским родом глагола**, конкурирующих с конструкциями типа *Врач пришёл* (о женщине). У каждой есть свои как отрицательные, так и положительные стороны. При выборе одной из них мы обычно «чувствуем затруднение: сказать *вышел* про женщину невозможно, но и сочетать слова *товарищ* (а также *врач, директор*. — В. М.) со словом *вышла* тоже неловко» [Пешковский 1938: 192]. Положительной стороной конструкций с самостоятельным женским родом является то, что они позволяют «избежать неточности высказываемой мысли» [Протченко 1961: 121; Ильина 2000: 328], ср. *Статью написала / написал корреспондент Василенко*.

И. П. Мучник [1968: 23] считает, что двуродовые существительные «являются своеобразной инновацией послереволюционной эпохи», предполагая, что одно из первых таких слов — *товарищ*: «Именно это слово, ставшее после революции одним из наиболее распространённых элементов русской лексики, лишённое женской словообразовательной параллели, сыграло... значительную роль в развитии новых форм выражения рода. Это один из редких случаев, когда отдельная лексическая единица играет немаловажную роль в развитии существенного явления грамматического строя языка». Здесь, однако, необходимо отметить, что ещё задолго до революции сложилась «давняя привычка соединять женский род глагола с иностранным нескло-

няемым женским именем (*мадам пришла, Блани пела* и т. д.)» [Пешковский 1938: 192]. В 1930—1940 гг. выражения типа *Врач пришла* квалифицировались как разговорные либо просторечные, однако к началу 1960-х годов подобные конструкции «закрепились и получили признание в письменной речи» [Протченко 1961: 118 и 124].

Если глагол при двуродовых именах обнаруживает «общую тенденцию к смысловому выравниванию», то определения согласуются с двуродовыми именами «по формальному признаку, подчиняясь грамматическому роду имени существительного» [Протченко 1961: 124], отсюда использование **смешанного согласования**: *Пришла наш врач* [Русская грамматика 1980: 468]. Конструкции типа *наша врач* используются довольно редко [Китайгородская 1976: 150] и часто критикуются [Панфилов 1965: 189]; причина, видимо, связана со сложностями в склонении таких словосочетаний, ср. им. п. *наша врач* — р. п.? д. п.? в. п.? Тем не менее конструкции этого типа «стали встречаться не только в устной, но и в письменной речи и, как правило, у людей, владеющих нормами литературного языка» [Мучник 1963: 82].

3. Значительные сложности вызывает склонение аббревиатур инициального типа. В неофициальной речи в этом плане наблюдается разноречие. Некоторые сокращения с консонантной концовкой, как правило, построенные по схеме «согласный + гласный + согласный» и потому «по фонетическому облику напоминающие слова мужского рода, втягиваются в систему склонения» [Граудина 1980: 162]: *письмо из ВАКа, сотрудник МИДа*. Некоторые же сокращения этого типа остаются несклоняемыми: *строительство ГЭС, заявление ООН*. Дело в том, что родовая принадлежность инициальных аббревиатур часто «противоречит их морфологическому облику» [Мучник 1963: 48—49]: *ГЭС* (< *гидроэлектростанция*) — женский род, *ООН* (< *Организация объединённых наций*) — женский род. Если подобного типа «косвенная содержательная мотивация рода» [Горбачевич 1978: 148] (по опорному компоненту производящей единицы),

противоречащая морфологическому облику слова, достаточно сильна и стойко сохраняется, то аббревиатура не склоняется. В официальной речи инициальные аббревиатуры рассмотренного типа не склоняются [Рус. грамматика 1980: 506]: *письмо из ВАК, сотрудник МИД*. Замечено, что такие сокращения «в письменных СМИ употребляются как несклоняемые, в устной речи дикторов, их собеседников — как склоняемые. Но набор падежных форм ограничен: чаще всего это форма предложного падежа», ср.: *На МКАДе идут восстановительные работы, но: Этот участок МКАД будет перекрыт* [Куркина 2013: 6]. Здесь, однако, следует помнить, что, чем прочнее связь сокращения с производящим словосочетанием, тем более просторечный характер такие формы носят, ср.: *Но сам Хрущёв сказал ещё в ООНе, / Что мы покажем кузькину им мать!* (В. Высоцкий).

Д. Причиной морфологического варьирования может являться **«стремление освободиться от омоформ» как источника двусмысленности** [Горбачевич 1978 а: 163 и 1978: 139]. Рассмотрим три случая такого варьирования.

1. С. П. Обнорский [1960: 259], анализируя варианты типа *шофёры* — *шоферá*, отметил, что «в склонении имён существительных остро стоит вопрос об окончании известных рядов существительных мужского рода в именительном падеже множ. числа *-ы* без ударения или *-á* под ударением».

При рассмотрении форм с ударной флексией *-á* не вполне чётко разводятся: а) вопрос об источнике этой флексии (т. е. вопрос о «происхождении именительного падежа мн. ч. на *-á*» [Иванова 1957: 50]; б) вопрос о причинах появления этой флексии у существительных мужского рода.

Известна гипотеза А. И. Соболевского о «заимствовании “чужой” флексии» [Воронцова 1979: 21] у форм существительных среднего рода [Соболевский 1888: 152—154] типа *поля, кружевá, чудесá*; считается, что такое заимствование «теоретически возможно, хотя неясны оставались бы при этом предположении ближайшие причины» этого заимствования [Обнорский

1931: 3]. Думается, что причиной смены флексии в форме им. мн. стало то, что она совпадала в звучании: а) с флексией род. ед. (*шофёры* = *шофёра*), ибо, как было отмечено выше, «заударный /а/ больше похож на /ы/, чем на /а/» (Л. В. Бондарко); б) с флексией вин. ед. (*слёсари* = *слёсарю*), поскольку в соответствии с известным орфоэпическим правилом заударный /у/ совпадает с /и/. Отсюда противопоставление омофоничных форм с помощью «заимствованной» у имён существительных среднего рода флексии -á: 1) род. ед. *шофёра*, *слёсаря* — им. мн. *шоферá*, *слесаря́*; 2) вин. ед. *шофёру*, *слёсарю* — им. мн. *шоферá*, *слесаря́*. Формы на -á/-я́ являются «сравнительно поздним новообразованием общенародного русского языка» [Иванова 1957: 54]; появлялись они в просторечии и оттуда постепенно пробивались в литературный язык, вытесняя книжные формы на -ы (-и). Отдельные формы на -á/-я́ возникли в XV в.; список А. Х. Востокова, составленный в 1830 г., включает 70 таких форм, список В. И. Чернышёва (1915 г.) — 200, список С. П. Обнорского (1930) — 400, список А. С. Фидоровской (1961) — 600 форм на -á/-я́; как видим, варианты с этой флексией «стали особенно продуктивными в советское время» [Домин 1967: 72—73 и 76]. Считается, что распространение форм на -á/-я́ в этот период «связано главным образом с установлением более тесных связей современного литературного языка с профессиональной речью, которая и является <основным> источником этих форм» [Сумкина 1968: 199]. Даже будучи кодифицированы, формы на -á/-я́ при наличии вариантов на -ы (-и) «производят впечатление второсортности, стилистической сниженности» [Горбачевич 1978а: 189], ср. *догово́ры* и *догово́ра*, *корре́кторы* и *корре́ктора*. Вот как оценивает такие варианты Л. В. Щерба [1957: 128]: «Разговорная речь наша стремится к распространению форм мн. ч. на ударенное -á от известных категорий имён мужского рода. В этом нет ничего удивительного и даже нового: на глазах старшего поколения *профессора́*, *учите́ля* сменили более старые формы — *профе́ссыры*, *учи́тели*. Однако нас, стариков, вполне привыкших к *профессора́*, *учите́ля*, *образа́*, шокируют

инженерá, договорá, выборá». Формы на -ы (-и) сохраняются в старинных текстах: Нет, в Петербурге институт Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут: Там упражняются в расколах и в безверьи **Профессоры!!** (А. С. Грибоедов. Горе от ума); Не думай, что везде по-нашему хоромы; Что там за **домы**: В один двоим за нужду влезть (И. А. Крылов. Лжец).

Флексию -á/-я активно принимают «двусложные и трёхсложные слова иностранного происхождения» [Булаховский 1954: 64] «с ударением на первом слоге» [Копецкий 1970: 23; Обнорский 1948: 27]: *ма́стер* — *мастерá*, *те́нор* — *тенорá*, *ку́чер* — *кучерá*, *слéсарь* — *слесаря́* (отсюда переакцентовка: *шофёр* → *шо́фер* — *шоферá*). Заимствованные слова «более свободны от влияния книжных образцов» и потому «полнее отражают тенденции разговорного языка», отсюда активность просторечного морфологического образца типа *слесаря́*, *шоферá* именно в этой лексической группе [Булаховский 1954: 64]. Многосложные слова (типа *библиотекари*) не принимают ударной флексии -á (-я) — вероятно, потому, что произнесение форм типа **библиотекаря́* затруднительно без побочного ударения, применение которого требует дополнительных мускульных усилий, что противоречит закону языковой экономии.

2. Просторечные варианты типа *площа́дя* (вм. *плóщади*), *очередя́* (вм. *óчереди*), *плоскостя́* (вм. *плóскости*) появляются с тем, чтобы противопоставить омонимичные формы род. ед. и им. мн. (ср. нет *óчереди* и большие *óчереди*). Возможно, что замена флексии здесь поддерживается аналогией со случаями типа *слéсари* — *слесаря́*, *шофёры* — *шоферá*.

3. Проанализируем варианты типа в небе над Тушином / над Тушино, аэропорт в Шереметьеве / в Шереметьево. Склоняемые формы с суффиксами -ов-/-ев-, -ин-/-ын- характерны для письменной речи, несклоняемые «встречаются в разговорной речи и спорадически проникают в печать» [Качевская 1966: 120], что «свидетельствует о развитии аналитизма в системе русского языка» [Русский язык... 1962: 52; Ильина 2000: 331]. Считается, что традиция несклонения географических назва-

ний восходит к периоду Великой Отечественной войны, когда «в официальных военных и информационных документах (особенно начиная с 1943 г.) — по мотивам стремления к точности и недвусмысленности — наметилась тенденция не склонять собственные географические названия» [Миртов 1953: 105]. В текстах этого времени читаем: *Отряд достиг Софиевка; Две сильные группировки сосредоточены в районе Боковский; Окружены и уничтожены гарнизоны противника в Рождествено, Большево и Остров*. По указанным мотивам «не склонялись такие фамилии, склонение которых могло повести к двусмыслице и ненужным ассоциациям»: *Танкисты генерала Орёл повернули на северо-запад* (Известия, 1.08.44); *Товарищу Лопата Сергею Ивановичу* (Правда, 17.02.44) [Миртов 1953: 104].

Е. Причиной морфологического варьирования может стать *стремление преодолеть артикуляционное неблагозвучие* — к примеру, скопление согласных: а) с помощью эпентетических гласных /о/, /е/, ср. *русл* — *русел*, *дышл* — *дышел*, устар. *числ* — совр. *чисел*, устар. *сосн* — совр. *сосен* [Горбачевич 1978: 196], *вихрь* — *вихорь*: *И над младенческой постелью Кружился вихорь снеговой* (П. Ершов); б) с помощью флексии, заимствованной у другого морфологического образца: *тигр* — прост. *тигра* («тигра лютая»), *литр* — прост. *литра* [ср.: Горбачевич 1978: 145], род. мн. *гетр* — неправ. *гетров*, род. мн. *бутс* — неправ. *бутсов* (*гетра* и *бутса* — слова женского рода). По этой же причине у слов I склонения появляются «незакономерная флексия -ей» [Еськова 1971: 174], ср. *буква* — *букв*, но: *букля* — *буклей* (вм. неблагозвучной формы **букль*), *чукча* — *чукчей*, *сакля* — *саклей*, *рохля* — *рохлей* [см. Зализняк 1967: 230—231].

Давно замечено, что среди имён существительных мужского рода типа *слесарь*, *шарф*, *вентиль*, *торт* ударную флексию им. множ. -а/-я принимают прежде всего слова с сонорной концовкой. Почему это происходит? В соответствии со *шкалой Б. В. Томашевского*, «наиболее лёгкими являются гласные, затем сонорные, за исключением звука “р”, затем звонкие фри-

кативные “в”, “ж”, “з”, затем глухие фрикативные, затем взрывные и, наконец, аффрикаты и звук “р”» [Томашевский 1996: 89]; к этому добавим, что звук /л/ многие носители языка произносят с трудом, мягкие согласные (ср., напр., [р] и [р’]) гораздо более сложны для произношения, чем твёрдые, а наиболее напряжёнными среди гласных и, следовательно, наиболее сложными в артикуляционном плане являются фонемы /и/, /е/ (см. табл. в: [Богомазов 2001: 25]). Поскольку звукосочетания типа *-ри* (*слесари*), *-ли* (*вентили*) являются сложными в артикуляционном отношении, они подвергаются упрощению путем замены напряжённой флексии /-и/ более открытой и менее напряжённой флексией /-а/: *-ри*, *-ли* → *-ря*, *-ля*, отсюда появление вариантов типа *слесари* / проф. прост. *слесаря*, *вентили* / проф. прост. *вентиля*.

Ж. Запрет на грамматическую форму может быть обусловлен и *рядом обстоятельств*. В качестве примера рассмотрим **недостаточные глаголы**, вызывающие затруднения при образовании некоторых форм ввиду того, что последние: 1) вызывают паразитарные ассоциации на основе близкозвучия и омонимии: *убедить* — **убежу* ~ *убежать*; 2) неблагозвучны: *очутиться* — **очучусь*; 3) двусмысленны: *бужить* — *бужу* ~ *будить*; 4) не опознаются: *дудеть* — **дужу* [Москвин 2015]. Поэтому «значение неупотребляющейся формы может быть выражено описательно»: *победить* — *одержу победу* [Дружинина 1962: 15] или синонимически: *очутиться* — *окажусь*. Как известно, «если говорящий затрудняется в выборе грамматических вариантов, он всегда может построить фразу так, чтобы избежать их» [Граудина 1980: 117]. Под недостаточностью, или дефектностью, парадигмы принято понимать затруднённость образования отдельных её членов (*мечта* — ?*мечт*), с этой точки зрения трудно принять причисление к составу единиц с дефектной парадигмой «слов с избыточными формами», например «существительных, имеющих второй родительный падеж (*чай* — *чая* / *чаю*)» [Дешеулина 2008: 159].

Существует мнение о том, что «в морфологии трудно найти такие факты, которые могли бы стать “символом” какой-то социальной группы» [Шендельс 1970: 43]. В русской морфологии многие нелитературные факты (особенно советского и постсоветского периодов) связаны с профессиональным просторечием (и, следовательно, «символизируют» вполне определённые социальные группы). Ещё П. С. Кузнецов [1959: 53] отметил, что «влияние профессиональных языковых пластов в советское время резко усилилось, что объясняется повышением в эту эпоху удельного веса профессионально-производственной речи как в литературе, так и в быту». Именно поэтому в сфере терминологии «выраженную приуроченность к профессиональной речи обнаруживают многие новообразования им. падежа мн. ч. на -á (-я)»: *крейсера́, клапана́, мичмана́, раи́тиля́, венти́ля* [Горбачевич 1978 а: 167; Даниленко 1971: 61], формы предложного падежа типа *в цеху́, в отпу́ску*, «нулевые формы у единиц измерения» *5 ампер, 220 вольт, 10 ватт* [Граудина 1964: 220]. Распространение таких форм обусловлено «участием в строительстве современного русского литературного языка тех социальных групп, которые более или менее свободно относятся к литературной норме» [Мучник, Граудина 1968: 66].

Как известно, в сферу действия норм литературного языка не попадают просторечие и диалекты. Именно эти две подсистемы национального языка являются «кузницей» морфологических инноваций.

Рекомендуемая литература

Основная

Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978 (Гл. 6. Нормы в морфологии. С. 161—192).

Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка: Грамматика и варианты. М., 1980 (разделы гл. 4: «Имя существительное», «Прилагательное», «Глаголы»).

Чернышёв В. И. Правильность и чистота русской речи // Избр. тр.: в 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 443—641.

Дополнительная

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954.

Горбачевич К. С. Вариативность слова и языковая норма. Л.; 1978 (гл. V. Морфологические варианты слова. С. 137—202).

Граудина Л. К. О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Ильина Н. Е. Глагольные варианты с чередованием *-ну/-нуль* суффикса в основе // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Качевская Г. А. Нужно ли склонять географические названия типа *Роцино, Шувалово*? // Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.-Л., 1966.

Москвин В. П. Недостаточные глаголы: к уточнению понятия // Russian Linguistics. Vol. 39. 2015. № 2.

Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.

Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

Словари

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Стилистический словарь вариантов. М., 2001.

Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 2008.

Ефремова Т. Ф., Костомаров В. Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. М., 2006.

ЗАДАНИЯ

1. Образовать краткие формы мужского рода от следующих прилагательных: *безжизненный, бесчувственный, кощунственный, мгновенный, мертвенный, надменный, неприязнен-*

ный, нетленный, обыкновенный, ответственный, почтенный, проникновенный, родственный, свойственный, суверенный, художественный.

Малый академический словарь даёт лишь одну краткую форму мужского рода от прилагательных *могущественный, явственный* и др. (*могуществен, явствен* и т. д.), а «Краткий словарь трудностей русского языка» Н. А. Еськовой фиксирует две формы: *могуществен* и *могущественен, явствен* и *явственен*. Чья точка зрения представляется вам более обоснованной?

Образовать варианты краткой формы от прилагательного *таинственный*. Подумайте, чем обусловлен выбор неусечённых форм в следующих контекстах: 1. *И был он страшен, непонятен, Таинственен, как этот бег Туманной мглы и светлых пятен, порою озарявших снег* (И. А. Бунин). 2. *Был этот час таинственен и славен* (Н. Асеев)¹⁶⁴.

Образовать варианты краткой формы от прилагательных *современный, своевременный* и *временный*. Почему последнее не подчиняется правилу В. И. Чернышёва?¹⁶⁵

Определить причину появления вариантов *дерзновенен* — *дерзновён, сокровённен* — *сокровён, забывённен* — *забвён* и *самозабвённен* — *самозабвён*¹⁶⁶.

Выписать словоформы, вступающие в противоречие с правилом образования кратких форм от прилагательных с концевкой *-енный*.

1. *Никогда не одёргивайте абажур с лампы! Абажур священен!* (М. А. Булгаков). 2. *Я понял, что дом, где обитаете вы, священ* (А. С. Пушкин). 3. *Он не одиночка, он — частица всех, он могуществен!* (В. Тендряков). 4. *Могущественен, благороден и красив лесной товар* (К. Федин). 5. *Неандерталец в полной мере тождественен современному человеку* (Православное слово). 6. *Он был прост и естествен в речах* (К. Паустовский). 7. *Левин не мог быть естественен и спокоен в его присутствии* (Л. Толстой). 8. *Федот был положительно красноречив, почти вдохновенен, когда рассказывал о своих страданиях* (С. Г. Скиталец). 9. *Благословен и день забот, Благословен*

и тьмы приход! (А. С. Пушкин). 10. Дельвиг в полезном медлен, а в шалостях скор (Ю. Тынянов). 11. Подъём медленен и труден (А. Н. Толстой). 12. Восторг преждевремен (В. Тендряков). 13. Агностицизм так же туп и безжизненен, как и грубый рационализм (А. Ф. Лосев). 14. Выбирайте тех, кто честен, мужествен перед начальством (А. И. Солженицын). 15. Блажен, кто смолоду был молод (А. С. Пушкин).

Подумайте, почему от следующих слов образуется только один вариант краткой формы — усечённый: *отмеренный, размеренный, презренный, пониженный, возвышенный, брошенный, купленный, растленный*¹⁶⁷.

В пособии Б. Н. Головина «Как говорить правильно. Заметки о культуре речи» (М., 1988. С. 51—52) находим следующие рекомендации: 1) «Если краткая форма прилагательного женского рода имеет *ни*, то в краткой форме прилагательного мужского рода должно быть на конце сочетание *-нен* (*дерзновенна* — *дерзновенен*, *непреклонна* — *непреклонен*, *пустынна* — *пустынен* и т. п.); 2) относительно прилагательных типа *возвышенный, размеренный, растленный, неожиданный* и др.: «Такие слова склонны к двоякому образованию краткой формы мужского рода: *возвышен* (как причастие) и *возвышенен* (как прилагательное), *неожидан* и *неожиданен*, *размерен* и *размеренен*».

Можно ли использовать правило Б. Н. Головина? Определим сферу действия правила В. И. Чернышёва. Подумайте, почему в современной прикладной лингвистике это правило не используется¹⁶⁸.

Малый академический словарь даёт лишь одну краткую форму мужского рода от прилагательных *благословенный* и *смиренный* и др. (*благословен*, *смирен*), а «Краткий словарь трудностей русского языка» Н. А. Еськовой допускает две формы: *благословен* и *благословенен*, *смирен* и *смирнен*. Чья точка зрения представляется вам более обоснованной?¹⁶⁹

Выпишите из предтекста прилагательные с отпричастным прошлым. Докажите их отглагольный характер. Обратите: *благословен* (< *благословить*).

Проанализировать статью: Москвин В. П. *Явствен или явственен?* // Русская речь. 2003. № 2. Обратить внимание на: 1) причины возникновения редуцированных форм (с. 36); 2) лексикографическую интерпретацию неусечённых форм (36—37); 3) причины редкого употребления таких форм (37) и перспективы их использования в живой речи (39); 4) исключения из правила (39—40); 5) этапы грамматического освоения отрицательных («отглагольных») прилагательных адъективной морфологической микросистемой (40—41).

2. Образовать формы единственного числа женского рода и множественного числа от следующих прилагательных: *черепаший, патриарший, росомаший, княжий, монарший, лисий, охотничий, волчий, заячий, отчий, человеческий, фазаний, крокодилий, орлий*¹⁷⁰.

Указать причины появления следующих вариантов форм прилагательных *княжий* и *досужий*: 1. *Все их громко величают И царевича венчают Княжесей шапкой, и главой Возглашают над собой* (А. С. Пушкин). 2. *На княжьем дворе слушал [русский человек] сказания вещего Бояна* (А. Н. Толстой)¹⁷¹. 3. *Может быть, это был только анекдот, выдуманный досужей фантазией* (А. С. Новиков-Прибой). 4. *Я употребил часть своего досужьего времени на составление этого руководства* (Р. Орбинский. Руководство для преподавателей грамотности. Одесса, 1861. С. 111)¹⁷².

3. Образовать простую (синтетическую) форму сравнительной степени от прилагательных с основой на заднеязычный согласный: *бойкий*¹⁷³, *гулкий*¹⁷⁴, *дерзкий*¹⁷⁵, *жалкий*¹⁷⁶, *колкий*¹⁷⁷, *ловкий*¹⁷⁸, *мерзкий*¹⁷⁹, *мылкий*¹⁸⁰, *пылкий*¹⁸¹, *робкий*¹⁸², *броский, веский, вязкий, едкий, ёмкий, жестокий, жуткий, звонкий, знобкий, зыбкий, зябкий, клейкий, короткий, краткий, кроткий, липкий, ломкий, маркий, меткий, резкий, стойкий, терпкий, тряский, тугой, тяжкий, хваткий, хлёсткий, хлипкий, хрусткий, цепкий, шаткий, юркий; гадкий, гладкий, жидкий*¹⁸³, *слад-*

кий¹⁸⁴. Охарактеризовать варианты указанных форм с точки зрения литературной нормы¹⁸⁵. Пояснить разницу: *горше / горче* (рябина г. крыжовника, моя судьба г. твоей).

4. Образовать от следующих глаголов форму первого лица единственного числа; в случае затруднений пояснить причины либо отсутствия такой формы, либо неудобств, связанных с её использованием, и выразить соответствующее значение описательно или с помощью синонимов; назвать просторечные варианты: *оцутить*¹⁸⁶, *мутить*¹⁸⁷, *бузить*¹⁸⁸, *дудеть*¹⁸⁹, *пылесосить*¹⁹⁰, *висеть*¹⁹¹, *победить*¹⁹², *убедить*, *оцутиться*, *икодить*, *дерзить*, *затмить*, *окрыситься*, *угнездиться*, *принудить*, *простереть*, *сбрентить*, *бутузить*, *контузить*, *чудить*, *весить*, *умилосердить*, *обезопасить*, *бдеть*.

У к а з а т ь глаголы, которые свободно образуют форму первого лица ед. ч. и, соответственно, не являются глаголами недостаточного спряжения.

В. И. Чернышёв пишет: «Впрочем, в случае нужды возможно сказать: *оцутюсь*» (Чернышёв В. И. Правильность и чистота русской речи. СПб., 1914. С. 292), А. Х. Востоков рекомендует как вполне возможную форму *обезопасю* (Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831. С. 119). П о ч е м у подобные формы всё-таки не используются в литературной речи?¹⁹³

К недостаточным глаголам специалисты относят и те глаголы, от которых нельзя образовать форму первого и второго лица как ед., так и множ. числа по семантическим причинам: *закипеть*, *усыхать*, *ржаветь*. Имеет ли такое понимание недостаточных глаголов отношение к ортологии?¹⁹⁴

5. Проанализировать выделенные формы, определить старшую норму для избылиующих глаголов. 1. Не *черплем* чашей непокорной В вине разврат, огонь и шум (А. С. Пушкин). 2. Когда народ *стенет*, всяк час беда, напасть, Пернатые, зная, злодейств терпеть не станут боле! (Д. В. Давыдов). 3. С холоду *ёжится*, с голоду *ичется* (Старинная поговорка). 4. И образы

скользят, Я чувствую, я *внемлю*, Но не могу в себе их задержать (М. Волошин). 5. Над нами не *каплет* (Фразеологизм). 6. Роняет Лунину на бале, *Подъемлет* трепетных сирот (А. С. Пушкин). 7. И громко *взывает*, *подъемля* топор (А. К. Толстой). 8. И *страждут* озими от бешеной забавы (А. С. Пушкин).

Образовать форму третьего лица ед. числа настоящего времени: *алкать*, *блистать*¹⁹⁵, *внимать*¹⁹⁶, *глодать*¹⁹⁷, *жаждать*, *икать*¹⁹⁸, *капать*, *клеветать*, *кликать*, *колебать*, *колыхать*¹⁹⁹, *кранать*²⁰⁰, *кудахтать*²⁰¹, *курлыкать*, *махать*²⁰², *метаться*, *мурлыкать*, *мяукать*²⁰³, *прыскать*²⁰⁴, *поднимать*²⁰⁵, *плескаться*, *полоскать*, *рыскать*, *стенать*, *стонать*, *страдать*²⁰⁶, *трепать*²⁰⁷, *тыкаться*, *хлестать*, *хныкать*, *хромать*²⁰⁸, *чёрпать*²⁰⁹, *щипать*²¹⁰. Сформулировать правило использования избылиующих глаголов²¹¹.

Прокомментировать следующие формы избылиующих глаголов с точки зрения принадлежности к первому (типа *играть*) и пятому (*ждать*) словоизменительным классам: *жажду* (прост. *жажду*), *жаждущий*, *жаждая*, *жажди* и *жаждай*; *стону* (устар. *стонаю*), *стонуций*, *стоная*, *стони*²¹².

Пояснить причину возникновения неправильных и просторечных форм типа *искает*, *кудахтает* (вм. *ищет*, *кудахчет*)²¹³.

Пояснить разницу: *мечет* / *метаёт* (гранаты, швы, копье, икру, заяц м. петли), *тычет* / *тыкает* (зонтиком, пальцем, старшим), *брызжет* / *брызгает* (водой на кого-либо, мясо вином, слюной в ярости, одеколон на платок), *двигает* / *движет* (науку, мебель, пальцами; им д. тщеславие), *двигается* / *движется* (время, войска к границе, пальцы, Луна вокруг Земли).

В 1948 г. Е. С. Истрина писала: «Для слова *капать* в значении ‘ронять капли на что-н.’, ‘лить каплями’ употребительны продуктивные образования на *-аю*, *-аешь...*: *смотри, ты капашь себе на платье; не капай на скатерть*. Но тот же глагол в значении ‘испускать по капле влагу’, ‘протекать’ сохраняет традиционные образования...: *крыша каплет, потолок каплет, с дерева каплет*» (Истрина Е. С. Нормы рус. лит. языка и культура

речи. М.; Л., 1948. С. 10). Как могут быть охарактеризованы эти формы в настоящее время?

Сравните данные четырёх словарей: 1) «Капать, каплю, каплет и капаю, капает, *пов.* капли и капай, *прич. действ. наст.* каплющий и капающий, *деесп.* капля и капая ◇ над нами не каплет (*нет причин торопиться*) □ Падать каплями | Вода каплет (*и капают*) из крана» (Еськова Н. А. Крат. словарь трудностей рус. языка. М., 1994. С. 131; Резниченко И. Л. Словарь ударений рус. языка. М., 2010. С. 411); 2) «Капать, -аю, -аешь и (устар.) -плю, -плешь; *несов.* 1. (1-е и 2-е л. не употр.). Падать каплями. *Капают слёзы. Дождь каплет*» (Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь рус. языка. М., 1994. С. 259; Соловьёв Н. В. Словарь правильной рус. речи. М., 2008. С. 277). Чьи рекомендации более адекватно отражают современный узус?

6. Образовать от следующих глаголов форму прошедшего времени мужского рода: *погаснуть*²¹⁴, *сохнуть*²¹⁵, *ниспровергнуть*²¹⁶, *волгнуть*²¹⁷, *слепнуть*²¹⁸, *блекнуть*, *поблекнуть*, *брюзгнуть*, *обрюзгнуть*, *глохнуть*, *заглохнуть*, *задохнуться*, *меркнуть*, *виснуть*, *померкнуть*, *тускнеть*, *вянуть*, *прибегнуть*, *пахнуть*, *зябнуть*, *вязнуть*, *мёрзнуть*, *киснуть*, *разверзнуть*, *чахнуть*, *гибнуть*, *грузнуть*, *расторгнуть*, *гаснуть*.

Можно ли считать неусечённые варианты *умолкнул*²¹⁹, *замёрзнул*²²⁰, *увязнул* ошибочными, если современные словари их не дают?

Использование суффикса -ну- «характерно для глаголов без приставок, ср.: *блекнул, брюзнул, глохнул, меркнул*, но: *поблек, обрюзг, оглох, померю*» [Аванесов, Сидоров 1945: 182]. Чем можно объяснить это явление?

Рассмотрение глаголов подвижного состояния приводит С. П. Обнорского [1960: 263] к следующему утверждению: «Определённо нормировать употребление одних и других форм <таких глаголов> не представляется возможным иначе, как путём их рассмотрения в словарном порядке», т. е. в виде списка, требующего запоминания. Прав ли учёный? Попробуйте

сформулировать правило использования глаголов подвижного состояния²²¹.

7. Образовать глагольные формы несовершенного вида с суффиксом *-ыва-/-ива-*; при наличии альтернативы свой выбор пояснить: *обесточить*²²², *пришпорить*²²³, *обезболить*²²⁴, *наморщить*, *унавозить*, *захлопнуть*, *обезводить*, *обеспокоить*, *подпоить*, *разрознить*²²⁵, *объегорить*, *отсрочить*, *озаботить*, *подытожить*, *отфутболить*, *упрочить*, *опозорить*, *опошлить*, *засолить*²²⁶, *приохотить*, *проворонить*, *захлопнуть*, *обеспокоить*, *растревожить*, *взъерошить*, *опорочить*, *узаконить*, *защипать*, *рассупонить*, *пропесочить*, *всклокочить*, *рассорить*, *уполномочить*, *застопорить*, *рассредоточить*, *размусолить*, *откупорить*, *обусловить*²²⁷, *подзадорить*, *огорошить*, *условиться*, *сосредоточить*, *приурочить*, *распатронить*, *урезонить*, *заподозрить*, *задобрить*, *оспорить*, *обескровить*, *облапошить*, *обессолить*, *переспорить*, *обезволить*, *облагородить*²²⁸, *выхлопотать*, *разровнять*.

8. Образовать форму повелительного наклонения; при наличии альтернативы свой выбор из двух возможных форм пояснить: *подоить*²²⁹, *наклеить*²³⁰, *портить*²³¹, *почистить*²³², *прикончить*²³³, *положить*, *закупорить*, *погодить*, *показать*. Запомнить: *положи!* (не *положь*). В каком фразеологизме допустима вторая форма?²³⁴

Сформулировать правило образования формы императива от глаголов с префиксом *вы-*: *вести*, *вывести*, *морозить*, *выморозить*, *бросить*, *выбросить*, *сыпать*, *высыпать*, *выкрасить*, *вырезать*, *выплавить*, *вылезти*, *выставить*, *выгладить*, *выдвинуть*, *выжарить*, *выкинуть*, *высунуть*²³⁵.

9. Пояснить функции усечённых форм инфинитива.

1. Я знаю: город будет, я знаю: саду цвести (В. Маяковский)²³⁶.
2. После обеда бабы начали грести (М. Шолохов)²³⁷.
3. Это вам не лапти плести (Поговорка)²³⁸.
4. Я не пойму, какою силой Су-

мел потрясть он шар земной (С. Есенин). 5. Сегодня старухе не принесть молока из деревни (М. Пришвин). 6. Ноздрёв велел ещё принесть какую-то особенную бутылку (Н. В. Гоголь). 7. Не смею моего сужденья произнести (А. С. Грибоедов).

10. В поэме «Орлеанская дева» В. А. Жуковский использует следующие формы именительного падежа множ. числа от слова *войско*: 1) *Везде мои разбиты вóйска, я Парламентом отвергнут*; 2) *Вóйска Со всех сторон сошлись под Орлеан. Поясните, чем вызвано обилие форм им. падежа множ. числа от слова войско*: 1) совр. *войска́*, 2) устар. *вóйска* и *вóйсكى*²³⁹.

Подумайте, чем вызвана переакцентовка в форме им. множ. *срёдства* — прост. *средствá*.

11. Образовать формы: 1) род. падежа ед. числа; 2) им. падежа множ. числа: *аэропорт, бал, бант, бинт, борт, бухгалтер, вексель, вентиль, ветер, взвод*²⁴⁰, *винт*²⁴¹, *вор, герб, гостиница, гроб*²⁴², *гуляш, гусь, дизель, директор, диспетчер, договор, жезл, зонт*²⁴³, *инженер, китель, клапан, конус, кран, месяц, обилаг*²⁴⁴, *плинтус, порт*²⁴⁵, *пресс, профессор*²⁴⁶, *сазан, склад, слесарь, созыв*²⁴⁷, *сторож*²⁴⁸, *том*²⁴⁹, *торг, торт*²⁵⁰, *трюфель, флот, фронт*²⁵¹, *холм*²⁵², *чёлн, шарф*²⁵³, *шафер*²⁵⁴, *шнур, шофёр, шприц*²⁵⁵, *штурм, шурф*²⁵⁶.

Назвать форму им. множ. для каждого члена следующих пар вариантов: *договóрами* — *договорáми*; *лэкторов* — *лектóров*; *о бухгалтeрах* — *о бухгалтeрáх*; *инженéрам* — *инженeрáм*; *шофёров* — *шофeрóв*.

Какова причина: 1) распространения форм им. падежа множ. числа на *-á/-я* (*тóрты* — неправ. *торта́*, устар. *то́мы* — совр. *томá*); 2) переакцентовки *тóрты* — неправ. *торты́*, устар. *фрóнты* — совр. *фронты́*?²⁵⁷ Можно ли считать данную тенденцию развития языковой системы прогрессивным явлением? Каковы отношения этой тенденции с литературной нормой²⁵⁸?

Сравните: 1) *вóлосы* — разг. *волосá*: Бледны, как смерть, и дыбом *волоса*! (А. С. Грибоедов); 2) *вóлосы* — поэт. *власы́*:

Эрот, сей бог богов Веселых шалунов Любимец и любитель, Мой грозный повелитель До серебряных *власов* (Д. Давыдов). Какие слова склонны к формам на -á/-я и переакцентовке²⁵⁹?

По думай те, почему переакцентовка со сменой флексии (ср. *профессора́* и устар. *профѣссоры*) реже затрагивает имена существительные с основой на *з, к, х* типа *пирог, полк, конюх*²⁶⁰ и чаще — имена с сонорной концовкой²⁶¹?

В ы я в и т ь подсистемы национального языка, являющиеся источником распространения указанных форм и переакцентовки²⁶².

По я с н и т ь разницу: *тона́* / *то́ны* (низкие, высокие, светлые, тёмные), *года́* / *го́ды* (мои, двадцатые), *меха́* / *мехи́* (для вина, соболя), *адреса́* / *а́дресы* (приветственные, а. приятелей), *хлеба́* / *хле́бы*, *ордена́* / *о́рдены* (рыцарские, о. на груди), *цеха́* / *це́хи* (мартеновские, средневековые, ц. башмачников), *счёта́* / *сче́та* (платить по с., считать на с.), *кондуктора́* / *конду́кторы*, *соболя́* / *со́боли* (дама в соболях, с. прыгают), *пропуска́* / *про́пуски*, *кре́ндели* / *кренде́ля* (выписывать, выпекать), *учи́тели* / *учите́ля*: школьные у.; *Художник оставил себе в ... одного божественного Рафаэля* (Н. В. Гоголь. Портрет)²⁶³, *ро́ды* / *ро́ды* / *рода́* (р. оружия, дворянские р., р. и виды растений, р. у женщины, р. войск).

Пр о ко м м е н т и р о в а т ь возможные акцентные варианты и формы выделенных имён существительных. 1. — Вот спасибо, братцы, — говорил Козлевич, держа в руке тяжёлую кружку. — Совсем было погиб. Охмурили меня *кседзы* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой телёнок)²⁶⁴. 2. Ну, разумеется к тому б И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он *балы*; Вот, например, полковник Скалозуб: И золотой мешок, и метит в генералы (А. С. Грибоедов). 3. Ей подавай нелепейшую шляпу с перьями, *бантами* и шпильками (А. Аверченко). 4. О *плуты!* — Слон кричит. — Какое преступление! (И. А. Крылов). 5. Её один удел печальный: *Года* бесчувственно провеств И в край, для горестных не дальный, Под глас молитвы погребальной, Одни молитвы перенесть (А. Дельвиг).

12. Образовать форму род. падежа множ. числа от следующих имён существительных: *валенки*²⁶⁵, *сапоги*²⁶⁶, *сапогискориходы*²⁶⁷, *эполеты*²⁶⁸, *носки*, *чулки*, *синий чулок*, *шаровары*, *шальвары*, *панталоны*, *кальсоны*, *гетры*, *колготки*, *рейтузы*, *шорты*, *манжеты*, *штиблеты*, *сандалеты*, *мокасины*, *кеды*, *боты*, *бутсы*, *клипсы*, *рельсы*. Результаты проверить по словарям.

Какова основная тенденция в образовании форм родительного падежа множественного числа от наименований парных предметов?²⁶⁹

В словарях наблюдаем разноречие в рекомендациях относительно форм род. падежа множ. числа от указанных наименований. Так, «Краткий словарь трудностей рус. языка» Н. А. Есько-вой (М., 1994) и «Толковый словарь рус. языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1994) фиксируют формы *носок* и *носков* как равноправные; «Большой толковый словарь рус. языка» (СПб., 1998) и МАС-2 дают только форму *носков*; в «Толковом словаре рус. языка» под ред. Д. Н. Ушакова форма *носок* характеризуется как нейтральная, а форма *носков* — как разговорная, в словаре «Грамматическая правильность рус. речи» Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской (М., 1976) — наоборот: форма *носков* характеризуется как нейтральная, а форма *носок* — как разговорная; в «Словаре правильной рус. речи» Н. В. Соловьёва (М., 2008. С. 402) форма *носок* не рекомендуется. Какую форму (*носок* или *носков*? *чулок* или *чулков*? *санда-лет* или *сандалетов*?) следует выбирать в случае колебаний?²⁷⁰

Почему род. множ. от *гольф* будет *гольфов*, а усечённая форма *гольф* считается неправильной?²⁷¹

13. Образовать формы род. падежа множ. числа от следующих имён сущ. второго склонения с основой на мягкий согласный и шипящие; сформулировать правила образования таких форм: *головня*, *кухня*²⁷², *кузня*, *бáржа*, *баржá*, *сакля*²⁷³, *западня*, *рохля*, *подворотня*, *земля*²⁷⁴, *долбня*, *Петя*, *конюшня*, *пашня*, *кегля*, *праща*, *чаща*, *сабля*, *Галя*, *деревня*, *букля*, *Костя*,

лю́тня, бу́ря, чу́кча, я́блоня, пу́стыня, кле́шняя, Же́ня, ве́черня, бойня́, мотня́, ква́шня, часо́вня, Са́ша, ра́джа, во́жжа, при́тча, нозо́ря, ба́рышня, кро́вля, пе́тля, петля́, О́ля, мя́мля, будни́, мага́раджа, голу́бяшня, скворе́чня, ва́фля, моле́льня, про́стыня, я́блоня, лы́жня, боя́рышня, тро́йня, чере́шня, пяте́рня, ня́ня, гото́вальня. Ука́зать слова, которые в форме род. множ. сохраняют мягкую концовку и в которых после этой концовки пишется мягкий знак²⁷⁵.

По́яснить причину неправильного произношения и написания: *ба́рышен, *боя́рышен²⁷⁶.

По́яснить, почему от слов *приго́ршня*, *сво́дня*, *ца́пля* образуется две формы род. множ.: *приго́ршен* и *приго́ршней*, *сво́ден* и *сво́дней*, *ца́пель* и *ца́плей*²⁷⁷. Прокомментировать форму род. множ.: *Шумели у схода́н* (А. Н. Толстой. Ибикус). При подготовке ответа использовать словари²⁷⁸.

По́ясните вариативность следующих форм в пределах одного текста: *В стране далекой, Питомец бу́рей и снегов, Блуждать я буду одинокой В глуши подоблачных лесов* (П. П. Ершов. Прощание с Петербургом); ниже, однако, читаем: *Под шумом бу́рь грозы военной, По гласу мощному Петра, В лесах страны иноплеменной Воздвиглась русская гора*.

Известно, что в первой половине XIX в. род. падеж множества мягкого женского склонения наравне с нулевой флексией «допускал параллельно окончание -ей» [Булаховский 1954: 70]: лю́тня — лю́тен / устар. лю́тней; бу́ря — бу́рь / устар. бу́рей: *Я слышал треск громов и бу́рей завыванье* (Д. Веневитинов); пу́стыня — пу́стынь / устар. пу́стыней: *В глуши лесной, средь муромских пу́стыней, Встречал лихих Полканов и Добрыней* (А. С. Пушкин); са́бля — са́бель / устар. са́блей: *Туда, мой конь, где са́блей стук* (К. Рылеев). По́чему в этих словах безударное окончание -ей было утеряно?²⁷⁹

По́ясните причину появления незакономерных вариантов формы род. множ. *те́тей* (при ожидаемой форме *те́ть*), *дя́дей* (при ожидаемой форме *дя́дь*), устар. *бу́рей* (вместо ожидаемой формы *бу́рь*), устар. *пу́стыней* (вместо ожидаемой формы *пу́стынь*) и др.²⁸⁰.

В современной речи часто используется неправильная форма *до́ль* вместо литературной формы *доле́й*. По я с н и т е причину этого явления.

Прокомментировать морфологические варианты *ста́вен* / *ста́вней* с учётом исходной формы²⁸¹.

По я с н и т е причину перехода следующих имён существительных из второго склонения в третье: *просто́ня* > разг. (чистая) *про́стынь*, *я́блоня* > диал. (цветущая) *я́блонь*²⁸².

Найди те черты разносклоняемости в парадигме слова *просто́ня*²⁸³.

Прокомментировать морфологические варианты род. множ. *са́жен* и *сажéней* с учётом взаимодействия форм второго и третьего склонений в анализируемой микросистеме имён существительных²⁸⁴.

По я с н и т е причину появления неправильного акцентного варианта им. множ. *ше́стерни* (вм. лит. *шестерни́*)²⁸⁵.

Нелитературный акцентный вариант род. множ. *просто́нь* ориентируется на форму им. множ. *про́стыни*. На какие формы ориентируется литературный акцентный вариант *просто́нь*?²⁸⁶

Прокомментировать варианты род. множ. *межéй* / *меж*, *просто́ней* / неправ. *просто́нь* с учётом акцентного варьирования в парадигмах этих слов. Найти подобные случаи в приведённом выше перечне²⁸⁷.

В словарях и справочниках наблюдаем разноречие в рекомендациях относительно форм род. падежа множ. числа от указанных наименований. Здесь находим варианты: *свеча́* — *свечéй* / *свеч* (*игра не стои́т свеч*), *просто́ня* — *просто́ней* / *просто́нь*, *со́ня* — *сонéй* / *сонéй*, *тихо́ня* — *тихо́нь* / *тихо́ней*, *ходу́ли* — *ходу́ль* / *ходу́лей*, *дво́ня* — *дво́ен* / *дво́йней*, *огло́бля* — *огло́бель* / *огло́блей*, *тётя* — *тётéй* / *тётéй*, *дядя* — *дядё* / *дядéй*, *при́тча* — *при́тч* / *при́тчей*, *при́горшня* — *при́горшен* / *при́горшней*, *я́сли* — *я́слей* / *я́сель*, *Воло́дя* — *Воло́дей* / *Воло́дь*, *Пётя* — *Пётéй* / *Петь*²⁸⁸. Определите сильные (перспективные), слабые и равноправные варианты; свои решения аргументируйте. Определите разницу: *шестерён* / *шестернёй*

(пять чугуновых ш., скачет пять ш.); *пустынь / пустыней* (орошение п., настоятели Оптиной и Светозёрской п.).

14. Образовать форму род. падежа множ. числа; сформулировать правило образования такой формы: *попынь, сватья*²⁸⁹, *олады, статья, попада, дуэнья, бадья, келья, скамья, колдунья, судья*. Показать причину возникновения вариантов *судей* и *судей*, выявить источник перекрестков²⁹⁰.

15. Образовать форму родительного падежа множ. числа от следующих этнонимов: *башкиры*²⁹¹, *буряты*²⁹², *туркмены*²⁹³, *турки*²⁹⁴, *варяги*²⁹⁵, *авары*²⁹⁶, *хорваты, алеуты, арнауты, черкесы*²⁹⁷, *цыгане*.

Подумайте, почему этноним *цыгане* имеет два варианта формы род. множ.: усеченный (*цыган*) и неусеченный (устар. *цыганов*)²⁹⁸.

Почему этнонимы *славяне, армяне* и некот. др. имеют только один вариант формы род. множ. — усеченный (*славян, армян*)²⁹⁹?

Почему этнонимы на -н-: *грузины, осетины, аланы, румыны, абазыны* и др. имеют только один вариант формы род. множ. — усеченный? Попробуйте выявить источник аналогии³⁰⁰.

В монографии известного историка академика Б. Д. Грекова «Киевская Русь» читаем: *Олег собрал полчища из ильменских славян, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, хорват*. Правильно — *хорватов*. По аналогии с какими этнонимами образована усеченная форма род. множ.³⁰¹?

В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970. С. 382) находим следующее правило: «Названия людей по национальности... образуют форму родительного падежа <множественного числа> с нулевой флексией». Можно ли считать это правило точным?

В словаре «Грамматическая правильность русской речи» Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской (М., 1976.

С. 126—128) приведены следующие усечённые формы род. множ.: *алеуты* — *алеут*, *бедуины* — *бедуин*, *арнауты* — *арнаут*, *черкесы* — *черкес*, отсутствующие в других словарях и справочниках. Чем можно объяснить этот факт³⁰²?

16. Образовать формы род. падежа множ. числа: *черта*, *мачта*, *мечта*, *кишкá*, *швея*, *кабарга*, *балда*, *княжна*, *раба*, *егоза*, *колея*, *башка*³⁰³. Что делать в случае затруднений при образовании форм данного типа?³⁰⁴

В рассказе М. Зощенко «Кочерга» читаем:

Шагая по комнате, директор диктовал: «Имея шесть печей при наличии одной кочерги, немисливо предохранить служащих от несчастных случаев. А посему в срочном порядке прошу выделить подателю сего требования пять коче...» Но тут директор осёкся. Он перестал диктовать и, почесавши затылок, сказал машинистке:

— Что за чёрт. Не помню, как пишется — пять коче... Три кочерги — ясно. Четыре кочерги — тоже понятно. А пять? Пять — чего?

О т в е т ь т е на вопрос директора³⁰⁵.

17. В просторечии распространены такие неправильные формы разносклоняемых имён существительных среднего рода, как *сколько время*, *нет время* и др., иногда проникающие даже в речь мастеров слова: *То к темю их прижмёт, То их на хвост нанижет* (И. А. Крылов), *Мой Сашка меж друзей своих не знал Другого имя* (М. Ю. Лермонтов), *В его кудрях волнистых Не выгянет до время седина* (М. Ю. Лермонтов), *Из пламя и света Рождённое слово* (М. Ю. Лермонтов). Поясните причину возникновения таких форм³⁰⁶.

Проанализировать падежные парадигмы слов *ребёнок* и прост. *дитё*. Выявить слабые и сильные стороны этих конкурирующих единиц, пояснить причину возникновения просторечного варианта, найти источник аналогии³⁰⁷.

18. Определить род следующих слов: *авеню*, *ампула*, *атташе*, *БАМ*, *бандероль*, *боа*³⁰⁸, *бра*, *ВАК*, *визави*³⁰⁹, *врач*³¹⁰, *вуваль*³¹¹, *галифе*, *ГОСТ*, *гран-при*, *гуашь*³¹², *ГЭС*, *жалюзи*³¹³, *ЖЭК*, *жюри*, *злюка*, *иваси*³¹⁴, *инкогнито*³¹⁵, *какао*, *кенгуру*³¹⁶, *колибри*, *кольраби*³¹⁷, *конферансье*, *кофе*, *крупье*, *кюре*³¹⁸, *Кюри*, *кюри*, *лебедь*³¹⁹, *леди*, *мацони*³²⁰, *мачете*³²¹, *медресе*³²², *месяе*, *МИД*, *Миссисипи*, *мозоль*³²³, *Мюллер*, *НИИ*, *ноу-хау*, *НЭП*, *ООН*, *пенальти*³²⁴, *пони*, *портье*, *протезе*³²⁵, *псалтырь*³²⁶, *пьяница*, *рагу*, *разиня*, *рантье*, *рояль*³²⁷, *саями*, *Сан-Франциско*, *сирокко*³²⁸, *сирота*, *табель*³²⁹, *тату*, *Тбилиси*, *тихоня*, *толь*³³⁰, *тополь*³³¹, *торнадо*³³², *тюль*³³³, *цеце*, *цунами*, *шампунь*³³⁴, *шимпанзе*.

Поясните причину родового варьирования в микросистеме имён существительных с мягкой концовкой³³⁵.

19. Образовать форму именительного падежа единственного числа, определить род следующих имён существительных: *абрикосы*, *банкноты*, *ботфорты*, *боты*, *жирафы*, *залы*, *кеды*, *клавиши*, *клипсы*, *лангусты*, *макаки*³³⁶, *мангусты*, *перифразы*, *плацкарты*, *рельсы*, *штилеты*, *тапки*³³⁷, *сандалеты*, *сандали*, *сандалии*, *спазмы*, *ставни*, *тапочки*, *туфли*, *чинары*.

20. Образовать форму творительного падежа множественного числа: *жёлудь*³³⁸, *зверь*³³⁹, *гость*³⁴⁰, *люди*³⁴¹, *дверь*³⁴², *кость*³⁴³, *плети*³⁴⁴, *сеть*, *дочь*³⁴⁵.

21. Образовать форму творительного падежа ед. числа: *Седов*, *Саратов*, *Киев*, *Сормово*, *Бородино*, *город Пушкин*, *поэт Пушкин*³⁴⁶, *Луи Ельмслев*, *Рудольф Вирхов*³⁴⁷, *Ганс Бюлов*, *Карл Брюллов*³⁴⁸, *Михаил Калинин*, *город Калинин*, *Иван Чаплин*, *Чарли Чаплин*, *мистер Питкин*, *Карл фон Визин*, *Денис Иванович Фонвизин*, *город Львов*, *архитектор Львов*.

Произвести морфемный анализ следующих слов: *Седов*, *(Рудольф) Вирхов*, *(Чарли) Чаплин*, *(Иван) Чаплин* (ср. диал. *чапля* ‘цапля’). Как правильнее: семья *Чаплинов* или *Чаплиных*?

семейство *Дарвинов* или *Дарвиных*? дети супругов *Вирховов* или *Вирховых*?

22. Образовать слова с суффиксом *-ишк-*. Возможные варианты охарактеризовать с точки зрения нормы. Сформулировать правило, регулирующее выбор вариантов окончаний в таких словах: *город*³⁴⁹, *заяц*³⁵⁰, *двор*³⁵¹, *завод*³⁵², *ёрик*³⁵³, *пароход*³⁵⁴, *сын*³⁵⁵, *ум*³⁵⁶, *парень*³⁵⁷.

Поясните причину появления неправильных морфологических вариантов типа *заводишка*, *зайчишко*³⁵⁸.

Выявить не вполне приемлемые с точки зрения литературной нормы морфологические варианты. 1. *Чичиков продал тут же ветхий дворишка с ничтожной землицей за тысячу рублей* (Н. В. Гоголь). 2. *Пока до этого городишка добрались — душу вытрясло* (В. Тендряков). 3. *Но, боже мой, какая тоска на улицах этого городишки!* (К. Федин). 4. [*Пищик:*] — *Позвольте пригласить вас... на вальсишку* (А. П. Чехов)³⁵⁹. 5. *Няндорск!.. Никогда прежде не засорял он памяти полупочтенным этим городишкой* (Л. Леонов). 6. *Заморосил противнейший дождишко* (А. П. Чехов).

В словарях в рекомендациях относительно склонения слова *городишко* наблюдаем разноречие: «Городишко, -а (городишка, -и — неправ.), *мн.* -и, -шек, *м.*» (Толковый словарь рус. языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994); «Городишко, *род.* городишка, *дат.* городишку, *тв.* городишком и допуст. *род.* городишки, *дат.* городишке, *тв.* городишкой, *мн.* городишки, городишек, *м.*» (Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей рус. языка. М., 1994); «Городишко, -шка, *дат.* -шку, *тв.* -шком, *м.* и *нов.* городишка, -шки, *дат.* -шке, *тв.* -шкой, *м.*» (Соловьёв Н. В. Словарь правильной рус. речи. М., 2008. С. 277); «Городишко, -а, *м.*» (Большой толковый словарь рус. языка. СПб., 1998).

Какое из лексикографических решений представляется вам более приемлемым? Приведите аргументы «за» и «против».

23. Указать разницу в смысле: *Дело хранится в шкафу / Всё дело в шкафе; В этом шкафу что-то есть / В этом шкафе что-то есть; Что вы нашли в этом шкафу? / Что вы нашли в этом шкафе?*³⁶⁰

Образовать формы предложного падежа с предлогами *и* или *на*: 1) *нос Иванова*, «Нос» Н. В. Гоголя; *тысяча девятьсот семнадцатый год*, «Восемнадцатый год» А. Н. Толстого; *наш лес*, «Лес» А. Н. Островского; *вишнёвый сад*, «Вишнёвый сад» А. П. Чехова³⁶¹; 2) *край*, *передний край*, *Краснодарский край*, *горный край*; *быт*, *домашний быт*; *яр*, *Бабий яр*; *сад*, *город-сад*; *бал*, *бал-маскарад*.

Образовать формы на *-е* и на *-у/-ю*, охарактеризовать эти формы стилистически: *бал*³⁶², *город*³⁶³, *дом*³⁶⁴, *дуб*³⁶⁵, *отпуск*³⁶⁶, *снег*³⁶⁷, *терем*³⁶⁸, *уголок*³⁶⁹, *холод*³⁷⁰, *цех*³⁷¹, *шкаф*³⁷².

Привести устойчивые выражения, в которых сохраняются формы на *-у*, образованные от слов *вес*, *вид*, *долг*, *корм*, *мир*, *сок*, *счёт*, *шаг*, *глаз*³⁷³.

Указать разницу в смысле, составить словосочетания с приведёнными предложно-падежными формами: *на дому*, *на доме*; *в кругу*, *в круге*; *в миру*, *в мире*; *в мозгу*, *в мозге*; *в соку*, *в соке*; *в строю*, *в строе*; *на счету*, *на счёте*; *во хмелю*, *в хмеле*; *на корню*, *на корне*.

Прокомментировать выделенные словоформы: 1. В тёмном *лесе* в ночь ненастную Ты найдешь тропу *заглохшую* (А. Дельвиг). 2. Роняет Лунину на *бале*, Подъе́млет *трепетных сирот* (А. С. Пушкин). 3. Уж оттепельный меркнет *день*. Уж синяя на *снеге* *тень* (А. Белый). 4. Златая *цепь* на *дубе* *том* (А. С. Пушкин). 5. На *дубу* не моё, а в кулаке моё (Старинная поговорка). 6. И ваши слёзы в *одиночку*, И речи в *уголку* *вдвоём* (А. С. Пушкин). 7. А хозяйшкой она В *терему* *меж тем одна* (А. С. Пушкин. Сказка о мёртвой царевне). 8. Иной бы рад был запереть жену в *тереме* (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого). 9. Ещё до зелени полей Весны певица в *крае* *здешнем* *Пленяет* *песнию своей* (А. Дельвиг). 10. В *дому* *сластей и вин*, *чего ни пожелай* (И. А. Крылов. Откупщик и сапожник).

24. Определить причины возникновения следующих вариантов: шофёры — шофера, почисти — почисть, пришла наша врач — пришла наш врач — пришёл наш врач, в цехе — в цеху, бойче — бойчее, красивее — красивей, заметив — заметя, цвести — цвесть, чёрный кофе — чёрное кофе, письмо из ВАК — письмо из ВАКа, медлен — медленен, русл — русел, сапог — сапогов.

25. Образовать вариантные формы настоящего времени от следующих глаголов, охарактеризовать их с точки зрения нормы: а) жечь, печь, беречь, стеречь, волочь³⁷⁴; б) ездить, лазить, елозить³⁷⁵.

4. ЯЗЫКОВЫЕ ВАРИАНТЫ

Понятие варианта (ср. *по́ит* и *пой́т*, *кре́йсеры* и *крейсе́ра*) тесно связано с представлением о правильности речи, а также о «допустимых отклонениях от образца» [Веселитский 1967: 33], а потому считается важнейшей категорией литературной нормы и основным предметом ортологической — дисциплины, изучающей правильность речи [Ахманова, Бельчиков, Веселитский 1960: 35; именно в этой статье был предложен данный термин]. Некоторые специалисты предлагают выделить изучение вариантности языковых средств в особое направление лингвистики — вариантологию [Немченко 1990: 3].

В современной лингвистике термин *варианты* определяется по-разному [см., например: Солнцев 1984: 33; Шведова 1983: 239—240]:

1. Как ряд функционально противопоставленных единиц, объединяющихся в определённую более широкую абстрактную категорию (инвариант). Так, ряд алломорфов объединяется в морфему, ряд аллографов — в графему, ряд аллофонов — в фонему и т. д. К примеру, аллофоны [А] и [у] в словах *в[А]да́* и *в[о]ды́* объединяются в одну фонему /о/. Такие варианты называются **алло-эмическими**; они, как известно, невзаимозаменяемы.

2. Как ряд функционально равноправных единиц, ср., например, звуки [А] и [о] в произносительных вариантах *и[А]э́т* и *и[о]э́т*. Только такие варианты следует считать **ортологическими**. Как известно, ортологические варианты взаимозаменяемы (т. е. «не обусловлены позицией» [Головина 1983: 60]) и не поддаются объединению в инварианты, отсюда определение их как «коррелятов с взаимной субституцией» [Ельмслев 1960: 33].

Проблема ортологической вариантности традиционно «принадлежит к числу важнейших (и, добавим, сложней-

ших. — В. М.) проблем лингвистического анализа» [Кодухов 1961: 176]. Очень непростой задачей, в частности, является непротиворечивое определение понятия вариантности, а также разведение вариантов и синонимов внутри более широкой категории **параллельных средств речи** [Граудина 1980: 102]. Рассмотрим параметры, по которым варианты либо сближаются с синонимами, либо отличаются от них. Только установив чёткую границу между этими близлежащими явлениями, можно дать определение понятию «языковой вариант».

1. *Языковые варианты всегда абсолютно равнозначны* [Филин 1963: 130; Семенюк 1970: 568], что, по мнению некоторых учёных, «создаёт демаркационную линию между вариантностью и синонимией» [Москальская 1967: 57]. Такой подход, однако, не даёт возможности противопоставить варианты и абсолютные синонимы, поскольку при определении вариантов как «разных способов выражения одного содержания» [Веселитский 1967: 31] размывается и становится неопределённой граница между вариантностью и абсолютной синонимией (лексической дублетностью), ибо для абсолютных синонимов (*бегемот* и *гиппопотам*, *кавалерия* и *конница*) также характерно «тождество концептуального значения» [Горбачевич 1978: 18].

2. В отличие от абсолютных синонимов, используемых в функции замещения, *варианты тождественны в функциональном отношении* и поэтому считаются регулярно взаимозаменяемыми [Граудина 1997: 62; Граудина 1980: 108], ср.: *свидание* / *свиданье друзей*, *свидание* / *свиданье с родными*. Заметим, однако, что в двух случаях варианты не могут быть взаимозаменяемыми.

Во-первых, в поэтической речи замена вариантом, отличающимся по количеству слогов или местом ударения, может разрушить ритмическую структуру стиха; здесь критерий взаимозаменяемости не срабатывает: *Что значит смерть? За сладкий миг свиданья Безропотно отдам я жизнь* (А. С. Пушкин. Каменный гость). Известно, что выбор вариантов в поэтической

речи «связан с требованиями рифмы и ритма» [Рогожникова 1967: 154].

Во-вторых, некоторые ограничения на взаимозаменяемость вариантов накладывает их стилистическая окраска, ср. *деловое свидание* / **свиданье* («неполногласные формы заметно тяготеют к стихотворным и разговорным контекстам» [Веселитский 1967: 35] и потому в контекстах официальных, официально-деловых неприемлемы). Остановимся подробнее на **стилистическом параметре противостояния** языковых вариантов.

Ещё В. В. Виноградов [1944: 41] отметил, что «лексическим вариантам слова обычно бывают свойственны разные экспрессивные и стилистические оттенки» (ср. нейтр. *кладбище* и поэт. *кладбище*); это обстоятельство **сближает вариантность и стилистическую синонимию**. В настоящее время общепринятой является точка зрения, в соответствии с которой «различаться оценочно-эмоционально-экспрессивными моментами могут как разные слова, так и варианты одного слова» [Ахманова 1957: 216]; именно поэтому «стилистическая окраска слова не может играть определяющей роли в решении вопроса, имеем ли мы дело с вариантами одного и того же слова или с разными словами» [Филин 1963: 130; ср.: Кутина, Биржакова 1977: 38; Горбачевич 1978: 18]. Считается, что варьирование представляет собой модификацию формы языковой единицы, её структуры, а «стилистические различия не имеют никакого отношения к элементам структуры единицы» [Иванникова 1977: 141]. Противоположную точку зрения находим в работах В. А. Гречко [1966] и В. А. Капранова [1967], которые предлагают считать стилистически противопоставленные варианты самостоятельными словами (такой подход, возможно, слишком жёстко, критикуется Е. А. Иванниковой).

Компромиссное решение предложено Н. Н. Семенюк [1965: 50], которая различает: 1) **полные** варианты, у которых «и значение и функция совпадают» (ср. *крейсеры* и *крейсера*); 2) **неполные** варианты, различающиеся «экспрессивно-стилистическими оттенками» (ср. *кладбище* и *кладбище*).

3. **Языковые варианты представляют собой модификации формы одного и того же слова.** В этом плане дискуссионным (и до сих пор ждущим решения) «остается вопрос о... квалификации (синонимы или варианты одного слова?) тождественных по значению полногласных и неполногласных форм (*берег* — *брег*) и других русизмов и славянизмов (*ночь* — *нощъ* и т. п.)» [Горбачевич 1978: 18]. Вариантами такие пары единиц считают О. С. Ахманова [1957: 202—203], Ф. П. Филин [1963: 131], Л. К. Граудина [1980: 107]. В словарях синонимов, однако, эти единицы представлены как синонимы, например, *берег* и *трад.-поэт. брег* [Александрова 1993: 22], *голова* и *устар. трад.-поэт. глава* [Словарь синонимов 1977: 105] и т. д. Вполне логичным представляется мнение Р. П. Рогожниковой [1966: 12], которая полагает, что «старославянскую лексику, вошедшую в русский язык целым пластом и имеющую определённые соответствия среди русских слов, следует, по-видимому, рассматривать особо. Старославянские слова не являются вариантами русских слов. Это разные слова». Думается, что между стилистической синонимией и вариантностью в данном случае провести жёсткую границу невозможно. Понятия эти здесь пересекаются. Как нам представляется, единицы типа *брег* — *берег*, *глава* — *голова*, *нощъ* — *ночь* было бы целесообразно считать по форме вариантами, а в функционально-стилистическом отношении (в соответствии со сложившейся лексикографической практикой) — синонимами. Как кажется, только в данном случае можно (вслед за В. А. Гречко, В. А. Капрановым и др.) утверждать, что «отношения между вариантами, имеющими стилистическое различие, представляют собой самые обычные синонимические отношения», поскольку «стилистические различия составляют одну из сторон синонимических отношений слов» [Иванникова 1977: 148].

Совокупность вариантов языковой единицы образует **вариантную пару** (*свидание* — *свиданье*, *кладбище* — *поэт. кладбище*), либо (реже) **вариантный ряд**: *зал* — *устар. зала и зало* [Крысин 1973: 37], ср.: *Затем что он равно скучал Средь модных и старинных зал* (А. С. Пушкин. Евг. Онегин).

В отличие от синонимов, образующих парадигму функционально противопоставленных и потому взаимодополняющих средств (*глаза* — *трад.-поэт. очи* — *нар.-поэт. глазоньки* — *разг. глазищи* — *груб.-прост. бельма*), варианты в пределах ряда или пары абсолютно равнозначны и, как правило, тождественны в функциональном плане, а потому **вступают в конкурентные отношения**. Отличительной особенностью вариантов является их принадлежность к сфере «конкурирующих форм или конструкций» [Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: 3—4]; пренебрежение этим фактом ведёт к отнесению лексических рядов типа *глаза* — *очи* — *зенки*, *лошадь* — *кляча* и др. к числу вариантов [Цупикова 2009: 82], т. е. к неоправданному расширению понятия вариантности.

Обычно в пределах ряда «имеется перевес в сторону одного из вариантов» [Шендельс 1962: 17], который коммуникантам представляется «наиболее удобным и целесообразным для конкретных условий общения» [Валгина 2001: 27]; такой вариант называется **основным, сильным** вариантом, или **доминантой**. Положительной тенденцией языка является избавление от единиц избыточных, не несущих смысловозначительной (информационной) и функциональной нагрузки [Граудина 1980: 65; Филин 1966: 18], т. е. **сокращение вариантных рядов и варьирования в целом**. Такое сокращение происходит «за счёт постепенного поглощения сильными, продуктивными вариантами слабого, непродуктивного»; именно поэтому «варианты слова маркированы, в первую очередь, по временной шкале (уходящие — входящие)» [Горбачевич 1978: 135 и 19; ср.: Ахманова 1957: 202], ср. *зал* — устар. *зала* и *зало*, *скрипеть* — устар. *скрыпеть*: *И мачта гнётся и скрытит* (М. Ю. Лермонтов). Вышедшие из употребления варианты (*зало*, *покал*, *скрыпеть*) именуют **этимологическими** [Рогожникова 1967: 154]. Строго говоря, лексические пары типа *скрыпеть* — *скрыпеть* с точки зрения современного состояния языка нельзя назвать вариантами, поскольку те или иные единицы квалифицируются как варианты только «при их сосуществовании, при их употреблении в одну и ту же эпоху» [Смирницкий

1954: 22]. Вместе с тем архаичные слова и словоформы продолжают свою жизнь в текстах русской классики, используются при исторической стилизации. Поэтому, видимо, есть смысл, во-первых, признать целесообразность понятия «этимологические варианты», во-вторых, рассматривать вариантность в двух измерениях: синхронном и диахронном. Использование некоторыми учёными понятия этимологической (или «временной») вариантности «оправдывается стремлением подчеркнуть важность для изучения языка фактора времени, того обстоятельства, что язык находится в состоянии непрерывного движения и изменения» [Ахманова, Бельчиков, Веселитский 1960: 38].

Ещё один путь устранения вариантности — **семантическая дифференциация вариантов**, в результате которой «вместо одного слова получается два» [Ахманова 1957: 202], ср. *бронировать* (судно) и *бронировать* (билеты, место в гостинице), *острота* (ножа) и *острота* (= остроумное выражение).

Вариантный ряд (пара) приобретает стабильность, если единицы внутри такого ряда (пары) **дифференцируются стилистически** (или, по выражению Д. И. Алексеева [1969: 39], «синонимизируются»): *кладбище* — поэт. *кладбище*, *берег* — trad.-поэт. *брег*; при отсутствии такой дифференциации (ср., например: *поит* — *поит*, *крейсеры* — *крейсера*) вариантный ряд **разрушается** за счёт устранения слабого варианта (поскольку в этом случае вариантность «становится “избыточной”» [Филин 1966: 18]).

Таким образом, «два явления могут сосуществовать, если возникает их смысловая или стилистическая дифференциация» [Ицкович 1968: 48].

Как известно, «обилие вариантов в языке не является свидетельством его совершенства» [Горбачевич 1978: 19]. С этой точки зрения трудно принять мысль о том, что появление вариантов является следствием «тенденции к разнообразию, к экспрессивности, к богатству и многообразию средств выражения» [Пугина 2011: 126]. Повышенная вариантность характерна для периодов нестабильности нормы: а) «для периода формиро-

вания национальных литературных языков» [Копорская 1981: 24]; б) «перестройки литературного языка как системы систем» [Горшков 1981: 237]. Значительное число нестабильных вариантных рядов характерно для XVIII в., когда имело место ««двоевластие»» (русская и церковнославянская стихии) или даже троевластие (значительное западно-европейское воздействие и французский язык как второй, иногда и первый в некоторых кругах высшего общества)» [Филин 1976: 11]. Приведём несколько вариантных пар и рядов этого времени: *олень* — ц.-слав. *елень*, *стыд* — ц.-слав. *студ*; *вакансия* — *ваканция* — *ваканс* — *ваканц*, *ваниль* — *ванилья* — *ванилла* — *ваниля*, *медаль* — *медалла* — *медалля* — *медалия*, *миниатура* — *миниатюра*, *атаковать* — *атакировать*, *декламовать* — *декламировать*, *циркуль* — *циркуль*, *партизан* — *партизон* — *партисан* — *партизант* [Кутина, Биржакова 1977: 42 и 49]. В современной речи вариативность менее значительна благодаря жёсткой установке общества на унификацию национального языка.

В лингвистической традиции принято выделять *три типа языковых вариантов*: фонетические, орфографические и грамматические. Рассмотрим их.

1. Критерием для выделения **фонетических вариантов** будем считать «частичное различие в звуковой стороне слова» [Фортунатов 1956: 132; Граудина 1981: 39; Граудина 1997: 61]: *ноль* — *нуль*, *свидание* — *свиданье*, *поит* — *поит*. Как известно, различие фонем и места ударения обычно служит дифференциации слов (ср. *роль* — *руль*, *замок* — *замок*). При фонетическом варьировании эта функция фонем и ударений утрачивается [Ахманова 1957: 198; Филин 1963: 131]. Принято выделять три подтипа фонетических вариантов:

а) **акцентные варианты**, различающиеся местом ударения: *кладбище* — *кладбище*, *звонит* — прост. *звонит*;

б) **орфоэпические варианты**, различающиеся особенностями произношения отдельных звуков (что обычно не отражается на письме): *це[р]ковь* — уходящ. *це[р']ковь*, *[т'е]мн* — *[тэ]мн*, *но[г]а* — юж.-рус. и прост. *но[γ]а*;

в) **фонематические варианты**, различающиеся, по О. И. Блиновой [1966: 18], либо качеством фонем (*калоша — галоша, матраc — матрац, тоннель — туннель, барышень — неправ. барышен*), либо их количеством (*бивак — бивуак, свидание — свиданье, берег — брег, фортетиано — фортетьяно*). «Случаи, в которых видоизменяется число звуков», к сфере фонетического варьирования отнесла ещё О. С. Ахманова [1957: 197]. Особую позицию занимает Л. К. Граудина, которая варианты, различающиеся количеством звуков (в первую очередь полногласием / неполногласием) — такие, как *берег — брег, золото — злато*, — именуёт лексическими. Возможно, толчком для такого решения явилось то обстоятельство, что, как было отмечено выше, русские и церковнославянские варианты типа *берег* и *брег* (как исключение) считаются отдельными лексическими единицами. В этом случае, однако, неясно: 1) почему в число «лексических вариантов» попали галлицизмы *мадмуазель — мадемуазель, бивуак — бивак*; 2) почему варианты *валериана — валерьяна, фортетиано — фортетьяно*, также различающиеся полногласием / неполногласием (т. е. количеством звуков), причислены Л. К. Граудиной [1997: 62] к «фонематическим вариантам» (а не к лексическим, что, видимо, было бы логичнее).

Фонематическая вариантность активно захватывает имена собственные, ср. *Екатерина — Катерина, Анастасия — Настасья, Гавриил — Гаврил, Сашира* (от *Саши*) — *Шура* [см.: Тихонов, Бояринова, Рыжкова 1995]. В сфере онимов следует различать фонематическую вариантность (как результат языковой экономии, компрессии) и экспрессивную синонимию, возникающую при суффиксальном (*Витя — Витёк, Лида — Лидок*), флексийном (*Лидия — Лида*), суффиксально-флексийном словообразовании (*Александр — Алексашка*), которое при этом, как правило, сопровождается усечением финальной части производящего слова. Заметим, что в специальной литературе синонимия имён собственных, во-первых, «обычно не учитывается исследователями» [Брагина 1986: 16], а во-вторых, не вполне

чётко отделяется от вариантности [см., например: Брагина 1986: 16; Кодухов 1984: 97—98].

Одним из источников просторечных фонематических вариантов следует считать **народную этимологию** — искажение слова, которое заключается в замене какого-либо его фрагмента близкозвучной единицей: *устрицы черноморские* (надпись в ценнике, замеченная А. Блоком), *цыплята в табаке*, *грейп-фрукт* и даже *гриб-фрукт* вм. *грейпфрут* (надписи в ценниках 80-х годов). Такому искажению подвергаются в первую очередь малопонятные (книжные, заимствованные) слова. Примеры народной этимологии «свидетельствуют о стремлении народа так или иначе сроднить поток незнакомых и малознакомых слов с уже известными, пролить на их значение довольно своеобразный свет» [Баранников 1919: 79]. Случаи такого искажения слов (*стинжаск* вм. *тиджаск*, *гульвар* вм. *бульвар*, *плитуар* вм. *тротуар*) характерны для речи малограмотных людей, поэтому активно используются при стилизации простречия: *А те лица, которым курьер нимфозорию сдал, сию же минуту её рассмотрели в самый сильный мелкоскоп и сейчас в публицейские ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветон вышел* (Н. Лесков).

Иногда языковые варианты определяются как «формальные разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождественном значении различаются частичным несовпадением... своего звукового состава» [Граудина 1997: 61; ср.: Цейтлин 1949: 37]. Думается, однако, что «критерий частичного звукового тождества» [Граудина 1980: 107] или «частичного несовпадения звукового состава» класть в основу определения языковых вариантов нецелесообразно, поскольку в этом случае за пределами вариативности оказываются орфографические и грамматические варианты, рассмотренные ниже.

2. Орфографические варианты (термин введён О. С. Ахмановой [1957: 209]) могут быть определены как разновидности написания, т. е. графического оформления, слова, не связанные с его фонетическим варьированием: *Фейсбук* — *Фэйсбук*, *метр*

‘наставник’ — *мэтр*, проект — *проэкт*, Тмутаракань — Тматорокань, донкихот — дон-кихот — Дон-Кихот — Дон Кихот; «Феничка, Лизанька как приближенное к простонародному — вместо нормативного *Фенечка, Лизонька*» [Бешенкова 2012: 81]. Значительное количество орфографических вариантов возникает в результате нерегулярного использования буквы ё. Эта буква, введенная в 1784 г. Академией наук по предложению кн. Е. Р. Дашковой [Чумаков 2010 а: 73], используется, чтобы: а) исключить случаи омографии (ср. *передохнет* и *передохнёт*, *все* и *всё*, *узнает* и *узнаёт*, *небо* и *нёбо*), а значит, и двусмысленные фразы типа *Осел и соловей, Ты единственный осел в этом городе*; б) «предупредить неправильное произношение»: река *Олёкма* (не *Олекма*), *афера* (не *афёра*) [Еськова 1967: 74 и 77; Колесников 1967: 97—98]. В русском языке действует фонетический закон, «согласно которому <е> перед твёрдым согласным под ударением переходит в <о> (ср., например: *тереть*: *полотёр*, *дери*: *зубодёр*, *перо*: *щелкопёр*)» [Гимпелевич 1974: 100]. Переход <е> в <о> даёт множество нелитературных вариантов (*гренадёр*, *совремённый* и др.), число которых сократилось бы при использовании буквы ё.

3. Грамматические варианты различаются аффиксами и подразделяются на три подтипа [Граудина 1980: 110]:

А. Словоизменительные, или морфологические варианты. Они различаются либо флексиями (*крейсера* — *крейсера*), либо формообразующими аффиксами (*закаливать* — *закалять*) [Филин 1963: 131] с «тождественной грамматической функцией» [Граудина 1981: 39]. «Морфологическое варьирование, — отмечает Р. П. Рогожникова [1966: 9—10], — представляет собой видоизменение слова в связи с изменением его частей, имеющих не лексическое, а грамматическое значение. Такими частями слова являются прежде всего окончание (ср. *песня* — *песнь*) и реже суффиксы, когда они имеют не лексическое, а грамматическое значение» [Рогожникова 1966: 65], ср. *ходить* — *хаживать*, *ровный* — *ровнять* (суффиксы *-ива-/-ыва-* и *-а-/-я-* образуют новые лексемы, т. е. имеют лек-

сическое значение и используются в лексической функции), но: *закалить* — *закаливать* и *закалять* (суффиксы *-ива-/-ыва-* и *-а-/-я-* образуют формы несовершенного вида, т. е. имеют грамматическое значение и используются в грамматической функции). Как видим, при установлении границ между морфологическим варьированием и словообразованием «необходимо учитывать... функцию аффиксальных морфем».

Иногда варианты определяются как «видоизменения слова, отличающиеся друг от друга в каком-либо отношении при сохранении тождественного морфемного состава» [Розенталь, Теленкова 1976: 45; ср.: Шанский 1972: 62], «морфологической структуры», «морфологического состава» [Валгина 2001: 29]. Данное определение (и соответственно критерий «морфологического тождества» [Валгина 2001: 30]) нельзя признать вполне точным, поскольку при словоизменительном варьировании морфемный состав слова меняется.

Б. Словообразовательные варианты (учёные, включающие словообразование в состав морфологии, называют такие варианты морфологическими). В широкое понимание такие единицы определяются как варианты слова, различающиеся словообразовательными аффиксами при тождестве корня: *дилетантизм* — *дилетантство*, *волчиха* — *волчица*, *безвкусице* — *безвкусица*, *петуший* — *петушиный* [Ахманова 1969: 71]. При таком подходе принято считать, что «языковой базой, реальной основой, порождающей словообразовательные варианты, является синонимия словообразовательных аффиксов» [Миськевич 1981: 99], не выражающих в этом случае «никакого лексико-семантического различия» [Ахманова 1957: 214—215; Ахманова 1956: 53]. Широкое понимание словообразовательного варьирования находим в работах А. И. Смирницкого (именно этим учёным введён в оборот термин *словообразовательный вариант* [Смирницкий 1956: 42]), О. С. Ахмановой, Л. К. Граудиной [см.: Граудина 1997: 62; Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: 270—325] и др. Широкое понимание словообразовательного варьирования приводит:

1) К тому, что в число словообразовательных вариантов «падают многие паронимы»: *элитный и элитарный, туристский и туристический, командированный и командировочный, планетный и планетарный* [Валгина 2001: 30—31]. Напомним, что одним из параметров определения паронимов является указание на возможность смешения в речи, «путаницы в употреблении» [Тарабрин 1963: 60], например: «паронимы — такие сходные в звуковом отношении, но различающиеся по смыслу слова, которые ошибочно употребляются одно вместо другого» [Колесников 1961: 52; ср. Гвоздев 1965: 59, Вишнякова 1981: 53, Колесников 1995: 31]. Смещение в речи считается «наиболее важным качеством паронимов, оправдывающим самое выделение данного класса слов» [Кузнецова 1976: 38], «исходным импульсом для сопоставительного анализа паронимов» [Бельчиков, Панюшева 1994: 4]. Слова типа *бабочка и бабушка, точно и тошно, казаться и касаться* «не смешиваются, следовательно, не являются паронимами» [Колесников 1995: 34]. Варианты (в узком понимании этого феномена), в отличие от паронимов, семантически абсолютно равнозначны и потому регулярно взаимозаменяемы, т. е. по определению не могут «смешиваться» в речи.

2) К выводу о том, что «в русском языке синонимами могут быть только разнокорневые слова», что подметила ещё Р. П. Рогожникова [1966: 8—9], критикуя концепцию О. С. Ахмановой, т. е. к *отрицанию однокоренной синонимии*, к размыванию границ между понятиями «вариантность» и «дублетность» (ср., например, словарные статьи «Вариант» и «Дублет» в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой [1969: 70—71 и 144—145]).

Так, О. С. Ахманова считает словообразовательными вариантами такие пары слов, как *братец и браток, душечка и душенька*, и, как результат, признаётся в том, что «практически отличать разные слова-синонимы от разных словообразовательных... вариантов одного слова оказывается часто нелегко» [Ахманова 1957: 217 и 215]. В словаре «Грамматическая правильность

русской речи» Л. К. Граудиной и др. как словообразовательные варианты трактуются, к примеру, следующие группы единиц: 1) *накатка* — *накат* — *накатывание*, *омич* — *омчанин* (в этом случае становится неясной граница между словообразовательной вариантностью и однокоренной абсолютной синонимией); 2) *офиц. телевизионное ателье* — разг. *телеателье*, *офиц. партийная организация* — разг. *парторганизация* (здесь, на наш взгляд, размывается граница между вариантностью и стилистической синонимией, источником которой в данном конкретном случае является компрессивное словообразование). С. Г. Бережан [1967: 145] отметил, что в отечественном языкознании «нет чёткого разграничения между вариантами одного слова и однокоренными, но разными словами-синонимами». Думается, что эта констатация и по сей день не потеряла своей актуальности.

Некоторые учёные (К. С. Горбачевич, Е. А. Иванникова, Р. П. Рогожникова, Ф. П. Филин, Н. М. Шанский и др.) отказываются от понятия «словообразовательный вариант» как неопределённого, полагая, что «вариантность ограничивается словоизменительными возможностями слова, но не словообразовательными» [Валгина 2001: 33], т. е. все «однокоренные образования представляют собой отдельные самостоятельные слова, а не варианты» [Иванникова 1977: 146; ср.: Рогожникова 1967: 152; Горбачевич 1979: 38], поскольку: 1) «всякое внедрение нового словообразовательного аффикса (например, интерфиксация: *исполкомский* — *исполкомовский*, *интуристский* — *интуристовский*) создаёт разные слова» [Горбачевич 1975: 61]; 2) словообразовательные аффиксы даже в случае их смыслового равенства (или «десемантизации» [Филин 1963: 132—133]) «при одном и том же корне (*варение* — *варка*, *диалектный* — *диалектальный*, *канонизировать* — *канонизовать*)» всё-таки «не теряют своей словообразовательной функции». По мнению Н. М. Шанского [1972: 63], учёные, выделяющие словообразовательные варианты, не учитывают «тот факт, что тождество слова не может сохраняться, если не сохраняется тождество составляющих его морфем». Специалисты, придерживающиеся

этой точки зрения, определяют варианты как единицы, «различающиеся либо с фонетической стороны, либо словоизменительными и формообразовательными аффиксами (суффиксами, флексиями)» [Горбачевич 1975 б: 9].

В число словообразовательных вариантов в узком смысле этого термина целесообразно включать лексические единицы, которые отличаются друг от друга *вариантами одного и того же аффикса* [ср.: Алексеев 1981: 7], ср.: *актуализовать* — *актуализировать*, *вулканизовать* — *вулканизировать*, *нормализовать* — *нормализировать*⁴. Морфемы *-изова-* и *-изирова-* представляют собой варианты одного и того же словообразовательного суффикса, поскольку они: 1) близки в звуковом отношении (или, по А. Я. Алексееву, «имеют общую материальную основу»), 2) обладают тождественным значением, 3) взаимозаменяемы, т. е. позиционно не противопоставлены (в отличие от алломорфов типа *-ств-/-еств-*: второй используется только после шипящих, первый — после всех остальных звуков, ср. *братство* и *человечество*) [см.: Русская грамматика 1980: 125—127; Немченко 1984: 14—15]. Этому критерию не соответствуют суффиксы *-ец* и *-ок* в словах *братец* и *браток*, *-их-* и *-иц-* в словах *волчиха* и *волчица*, *-изм* и *-ств-* в словах *дилетантизм* и *дилетантство*, трактуемых О. С. Ахмановой как словообразовательные варианты, уже хотя бы потому, что эти суффиксы не являются близкими в звуковом отношении и «генетически не родственны» [Кутина, Биржакова 1977: 38—39]. Видимо, ощущая этот факт, О. С. Ахманова [1957: 228] пишет: «Наиболее резко и определённо (курсив наш. — В.М.) выделяющейся группой морфологических (= словообразовательных. — В.М.) вариантов в области глагола являются пары с суффиксами *-изировать*, *-изовать*, например: *канонизировать*, *канонизовать*, *легализировать*, *легализовать*...». В. Н. Немченко отмечает, что «в специальной литературе при описании словообразовательных

⁴ По подсчётам Е. А. Горобец [2014: 62], таких пар в русском языке насчитывается более 80.

вариантов последние сплошь и рядом иллюстрируются примерами однокоренных образований с тождественным морфемным составом основ, различающихся лишь фонематическими модификациями определённых словообразовательных аффиксов»: *национализовать* — *национализировать* (К. С. Горбачевич, А. И. Смирницкий), *междупланетный* — *межпланетный* (Л. К. Граудина) и др. [Немченко 1990: 93]. Как видим, вопрос о словообразовательном варьировании является спорным; «разные языковеды относят к словообразовательным вариантам совершенно разные явления, разные языковые единицы» [Немченко 1990: 25].

Словоизменительные и словообразовательные варианты иногда называют **структурными** [Ахманова, Бельчиков, Веселитский 1960: 37].

В. Синтаксические варианты обычно определяются как варианты управления (*купить молока / молоко, ждать поезд / поезда*), согласования (*пришло / пришли пять человек, две основные / основных задачи*) и примыкания (*сидеть в кухне / на кухне*), абсолютно равнозначные в смысловом и функциональном отношениях [Шведова 1966: 7]; в противном случае это будет уже не синтаксическое варьирование, а синтаксическая синонимия, ср., например, *план производства молока* (однозначное выражение, характерное для официально-деловой речи) и *план по молоку* (неоднозначная метонимическая свёртка, используемая в разговорной речи). Как кажется, в словаре «Грамматическая правильность русской речи» Л. К. Граудиной и др., откуда мы извлекли приведённые выше примеры, в разделе «Синтаксис» не всегда с достаточной чёткостью разводятся случаи вариантности и синонимии. Следует согласиться с Н. С. Валгиной [2001: 33 и 38] в том, что «говорить о синтаксической вариантности можно крайне осторожно», поскольку в своём большинстве подобного рода параллельные синтаксические конструкции «скорее синонимичны, чем вариантны»: вариантность здесь «часто оказывается мнимой, и она снимается при установлении точного смысла сочетания».

Синтаксическая вариантность в таком понимании представляет собой варьирование морфологической сочетаемости слова, т. е. его сочетаемости с грамматическими формами других слов [ср.: Новый объяснительный словарь синонимов 1997: XIII], что выражается в варьировании предлогов и словоизменительных аффиксов. Здесь подчеркнём, что варьироваться должна падежная или предложно-падежная форма *одного и того же* слова, ср. *прийти из школы* / прост. *со школы*, *быть на маскараде* / устар. *в маскараде*, *сидеть в кухне* / *на кухне*. Лексически связанные формы (ср. *идти на почту* / *в магазин*, *работать на заводе* / *в конторе*) вряд ли целесообразно рассматривать как варианты (некоторые учёные подобные пары соответствий называют **лексически связанными вариантами** [Попова 1968: 9]).

Заметим, что литературная вариантность и литературная синонимия (в том числе и в сфере синтаксиса) составляют предмет стилистики, а не ортологии (см., например, главу «Стилистический синтаксис» в пособии Д. Э. Розенталя [1974: 198—337; ср.: Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: 25—64]). **Ортологически значимыми являются только те варианты, которые связаны с неправильностью формы.** Заметными источниками таких неправильностей в сфере синтаксиса являются: 1) **анаколуф** — согласование частей предложения «не по грамматическим формам, а по смыслу» [Томашевский 1996: 71]: *Ленин на крест плевал, топтал, Бухарин, Троцкий высмеивали — Сталин по-малкивал* (А. И. Солженицын) вм. *плевал на крест, топтал его и высмеивал*; 2) **выравнивание по аналогии**: *прийти со школы* вм. *прийти из школы* (по аналогии с выражениями типа *прийти с почты*, *прийти с базара*): *оплатить за проезд* вм. *оплатить проезд* (по аналогии с выражением *заплатить за проезд*).

Как пример выравнивания по аналогии рассмотрим варианты типа *по пяти рублей* — *по пять рублей*; данные конструкции с так называемым **распределительным значением** обозначают «количество, приходящееся на каждого» [Буторин 1964: 144]. Как известно, с предлогом *по* употребляются в форме винитель-

ного падежа, не образуя вариантов указанного типа, числительные *два, три, четыре*, а также *двести, триста, четыреста*. Все остальные числительные при данном предлоге «до конца XIX в. употреблялись в форме дательного падежа» [Ицкович 1968: 51], ср.: *Уланы справа по шести Вступали в город* (М. Ю. Лермонтов. Тамбовская казначейша); встречаются такие формы и в XX в.: *Я заплатил за штуку по сту рублей* (В. Панова. Метелица). Начиная с середины прошлого столетия «происходит активный процесс вытеснения конструкций с числительными в дательном падеже конструкциями с винительным падежом»: если в 1930-е годы конструкции с вин. падежом считались просторечными, а в 1940-е — разговорными [Буторин 1964: 145 и 149], то сейчас они вполне нейтральны, варианты же с дательным падежом выходят из употребления и устаревают.

Дадим обобщающее определение вариантов: *варианты — это модификации одной и той же языковой единицы, абсолютно тождественные по значению, но различающиеся отдельными элементами оформления*. Таким образом, «решающим моментом для определения вариантов является их тождественность в плане содержания при наличии больших или меньших расхождений в плане формы» [Семенюк 1970: 568].

Возможны и иные — более широкие и более узкие — определения. Как известно, «границы синонимической системы лексики будут сужаться или расширяться в обратной зависимости от того, насколько широким или узким будет понятие варианта» [Иванникова 1977: 139]. Считается, что для современной лингвистики «характерно постепенное сужение понятия “вариантность”, в том числе и понятия “вариант слова”», поскольку «расширенное понимание термина “вариант слова” приводит к поглощению традиционных понятий лингвистики» [Горбачевич 1978: 13 и 4], в частности, понятия однокоренной синонимии. Как нам представляется, основная сложность в разграничении синонимии и вариантности связана с трактовкой аффиксов. В этом плане вариантами следует считать:

1) слова, в которых варьируют: а) словообразовательные аффиксы: *-ова/-ирова-* (*актуализовать* / *актуализировать*); б) словоизменительные аффиксы: *-ою/-ой* (*рукою* / *рукой*);

2) слова, в которых синонимичны: а) словоизменительные аффиксы: *-á/-ы* (*крейсерá* / *крéйсеры*); б) формообразовательные аффиксы: *закаливать* / *закалять*. Слова с синонимичными словообразовательными аффиксами (типа *волчица* и *волчиха*) вариантами считать нельзя.

В отечественной науке о языке отсутствует общепринятое непротиворечивое определение понятия «вариант». Отсюда — два следствия: 1) у нас до сих пор «общепринятой классификации вариантов нет» [Горбачевич 1978: 20]; 2) в учебной литературе «вопросы вариантности освещаются крайне недостаточно или совсем не затрагиваются» [Немченко 1990: 3].

Назовём *параметры общей классификации* языковых вариантов.

1. Варианты могут быть систематизированы по *сферам речевой деятельности*, в которых наблюдается варьирование: а) говорение (фонетические варианты), б) письмо (орфографические варианты), в) словоизменение (морфологические варианты), г) производство новых слов (словообразовательные варианты), д) словесная комбинаторика (синтаксические варианты). *Уровневая классификация* вариантов, предлагаемая некоторыми учёными [Граудина 1997: 61—62; Немченко 1990: 108—109 и др.], вряд ли возможна, поскольку в языке отсутствуют постулируемые некоторыми авторами [см., например: Кузьмина 2008: 280] «орфоэпический», «орфографический», «грамматический», «морфологический», «словообразовательный» и др. уровни (вслед за В. М. Солнцевым принято выделять четыре уровня языковой системы: фонетический, морфемный, лексический и синтаксический).

2. По *степени охвата* вариативностью парадигмы слова выделяют: а) **варианты слов**, если вариантность охватывает всю парадигму словоизменения (ср. *калоша* — *галоша*, *спазм* — *спазма*); б) **варианты форм**, если вариантность охватывает

часть парадигмы: *чая* — *чаю* (варьирует только форма род. падежа), *ветер* — *поэт. ветр* (варьирует только форма именительного падежа ед. ч.) [Рогожникова 1966: 65]. Варианты слов иногда именуют **полными**, варианты форм — **частичными вариантами** [см., например: Немченко 1990: 152—156].

3. По характеру **лексической основы** можно выделить случаи: а) **регулярного** варьирования, «охватывающего значительные лексические группы»; б) **нерегулярного** варьирования — при «лексемной изоляции варианта» [Семенюк 1965: 51 и 54]. В первом случае вариативные отношения охватывают «некоторую группу слов»: *поит* — *поит*, *доит* — *доит*, *звонит* — *звонит* и т. д., во втором — «одно, изолированное слово» [Кутина, Биржакова 1977: 37]: *калоша* — *галоша*, *матрас* — *матрац*. Таким образом, лексическая основа варьирования может иметь единичный, списочный либо открытый характер.

Случаи регулярного варьирования поддаются обобщению, моделированию. **Модель варьирования** может быть активной, продуктивной: *рукою* — *рукой*, *ногою* — *ногой* и др., а может быть неактивной, непродуктивной: *обуславливать* — *обуславливать* (ряд ограничен тремя десятками случаев). Вслед за Р. П. Рогожниковой [1967: 154] можно говорить о продуктивном и непродуктивном варьировании. Заметим, что понятие регулярности по отношению к варьированию следует применять осторожно, ибо, по абсолютно верному замечанию Л. П. Крысина [1973: 48], «явление вариативности локализовано лексически»: вариантность не характеризует в равной мере все единицы того класса слов, в которых она наблюдается, ср.: *рукой* — *рукою*, *ногой* — *ногою*, но: *демократией* — ? *энциклопедией* — ? (здесь вариативность ограничена кругом двух- и трёхсложных слов с ударным окончанием [Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: 133]). Как видим, модели варьирования можно выявить только «на базе детального изучения отдельных групп слов» [Филин 1963: 133].

4. По **степени освоенности** литературным языком выделяют традиционные (общепринятые) варианты (*крейсера* — *крей-*

сера, поит — *поит*) и новые (*слесари* — *слесаря, звонит* — *звонит*).

Рассмотрим *сферы возникновения* вариантов в национальном языке. С. И. Ожегов [1974: 252] указал два основных направления в развитии языковой системы: 1) «пополнение словарного запаса»; 2) «совершенствование грамматических и произносительных норм». Считается, что «новое появляется обычно за пределами литературного употребления» — в просторечии (в том числе — профессиональном) [Ицкович 1968: 48], а также «в кузнице разговорной речи» [Щерба 1957: 116]. Это относится прежде всего к акцентным (ср. лит. *звонит* и прост. *звонит*), морфологическим (лит. *шофёры* — прост. *шофера*) и синтаксическим вариантам (офиц. *план производства молока* — разг. *план по молоку*). Вначале такие новшества «воспринимаются как ошибки» [Матезиус 1967: 380], «“режущие ухо”, вызывающие протест у слушающего» [Истрина 1948: 17] (своего рода «проявление борьбы новых эстетических вкусов со старыми» [Капранов 1967: 141]), но затем «постепенно закрепляются в литературном языке» [Ицкович 1968: 48] (ср. устар. *молит* — совр. *молит*, устар. *профессоры* — совр. *профессора*).

Наша интеллигенция (т. е. основной контингент носителей литературного языка) «в значительной мере состоит из интеллигентов в первом и втором поколениях. Это... способствует уменьшению в литературной речи традиционных вариантов и облегчает распространение и укрепление в ней новых вариативных средств» [Крысин 1973: 48]. В целом этот процесс следует оценить положительно, ибо «литературный язык не может быть оторван от языка народа; из народного языка черпает литературный язык свои силы, оказывая на него своё культурное и объединяющее, подравнивающее влияние. В процессе же их постоянного взаимодействия всплывают и не могут не всплывать изменения и отдельные колебания в литературном языке» [Истрина 1948: 17].

Назовём причины появления вариантов [ср.: Горбачевич 1978: 23—24].

1. Действие закона аналогии, ср. лит. *дитя*, *дитятей* и прост. *дитё*, *дитём* (по аналогии со словами типа *село* — *селом*, *озеро* — *озером*): в подобных случаях имеет место «исторический процесс унификации, приведения к единству» [Истрина 1948: 6—7].

2. Стремление носителей языка избавиться от омонимичных, т. е. двусмысленных, форм, ср. *звоните* — 2-е л. мн. ч. изъяв. (совпадает с повел. *звоните*) и *звоните* (не совпадает).

3. Стремление носителей языка к экономии речевых усилий, ср. *мужественен* и *мужествен*, *рукою* и *рукой*, *килограмм апельсинов* и *кило апельсин*.

В этих трёх случаях варьирование «является следствием языкового развития, наличия в языке одновременно старого и нового качества» [Горбачевич 1971: 20].

4. Функциональное сближение или отождествление разных словоизменительных аффиксов, т. е. «снятие в процессе развития языка определённых грамматических оппозиций» [Семенюк 1965: 52], ср. *чая* — *чаю*, *в цехе* — *в цеху*, ед. ч. *есть* и мн. ч. *суть* в контекстах типа: *Сие не суть угроза, но предупреждение* (М. Горький). Таковы **внутренние** причины появления вариантов.

5. **Внешней** причиной появления вариантов может стать заимствование из других языков, ср. рус. *берег* — ц.-слав. *брег*, *конфета* (итал. *confetto* из лат. *confectum*) — устар. *конфекта* (нем. *Konfekt* из лат. *confectum*).

Как видим, «варьирование формы — это объективное и неизбежное следствие языковой эволюции» [Горбачевич 1978 а: 29], состоящей «в процессе бесконечного использования, отбрасывания, создания различных вариантов в ходе бесконечного варьирования» [Солнцев 1984: 41].

Рекомендуемая литература

Основная

Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978 (гл. I).

Граудина Л. К. Варианты языковые // Русский язык: энциклопедия. М., 1997.

Немченко В. Н. Вариантность языковых единиц: Типология вариантов в современном русском языке. Красноярск, 1990.

Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. М., 1966.

Дополнительная

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957 (ч. 4).

Вариантность как свойство языковой системы. М., 1982.

Ганиев Ж. В. Орфоэпия и вариативность // Русский язык в школе. 2009. № 1.

Иванникова Е. А. К вопросу о взаимоотношении понятия варианта с понятием синонима // Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1972.

Капранов В. А. Фонетическая вариантность слов и синонимия // Лексическая синонимия. М., 1967.

Литературная норма и вариантность. М., 1981.

Филин Ф. П. О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.

Словари

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Стилистический словарь вариантов. М., 2001.

Сводный словарь совр. рус. лексики: в 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. М., 1991.

ЗАДАНИЯ

1. Подобрать к следующим словам: 1) устаревшие варианты; 2) синонимы (если таковые имеются): *дальний*³⁷⁶, *зеркало*³⁷⁷, *кентавр*³⁷⁸, *штатский*³⁷⁹, *проникать*³⁸⁰, *преуспевание*³⁸¹, *запрячь*³⁸², *титъё*³⁸³, *скрипеть*³⁸⁴, *маскарад*³⁸⁵, *штора*³⁸⁶, *золотить*³⁸⁷.

2. Назвать производные слова, в которых сохраняются следующие архаичные варианты: *осемь*, *приобрѣтение*, *дарит*, *вострый*, *паяс*, *белит*, *мозайка*: *Рабы сквозь римские ворота Уже не ввозят мозаик* (А. Блок)³⁸⁸.

3. Подобрать к следующим словам просторечные варианты: *однако, отпустить, пока, пускай, рельс, приволочѣшь, хочешь, споткнуться*³⁸⁹.

4. Подобрать к следующим словам народноэтимологические варианты: *пулóвер, пертурбация, поликлиника, керосин, автомобиль, действующая армия, тротуар, яства, сорокопут, бульвар, перспектива, тиджак, насест*³⁹⁰.

5. Подобрать к следующим словам диалектные варианты: *насквозь, напугать, сегодня, слушать, цапля*³⁹¹.

6. Охарактеризовать следующие варианты с точки зрения нормы: *профёссоры, говорить за что-л. (вм. о чём-л.), включит, в цеху, быть в концерте, сентиментальный, прóлубь, реторика, скучать за кем-л.*³⁹².

7. Подобрать к следующим словам словообразовательные варианты: *полночный, двукратный, национализировать, междоусобица, обить, двубортный, бычий, интуристский, нормализовать, отесать, одинёхонек*³⁹³.

8. Подразделить следующие пары наименований на две группы: 1) однокоренные синонимы; 2) словообразовательные варианты: *лиса — лисица, генерализировать — генерализовать, читальный зал — читалка*³⁹⁴, *специальный корреспондент — спецкор, организационный — организаторский, омич — омчанин, стандартизировать — стандартизовать, слесарничать — слесарить, окрашивание — окраска, туристский — туристический, вверх — наверх, присвоение — присваивание, геройски — по-геройски, синонимический — синонимичный, бычий — бычацкий, хромсодержащий — хромосодержащий*. Некоторые учёные считают пары слов типа *философский — философический* синонимами [Костромина 1961: 13—14]. Насколько приемлема эта точка зрения³⁹⁵?

9. Прокомментировать следующую словарную статью с точки зрения узкого и широкого понимания словообразовательной вариантности: «Морфологические варианты слова (морфологические дублиеты). Варианты слова, различающиеся словообразовательными и словоизменительными аффиксами при тождестве корня: *дилетантизм* — *дилетантство*, *зал* — *зала*, *выскользнуть* — *выскальзывать*, *волчиха* — *волчица*, *безвкусица* — *безвкусица*, *петуший* — *петушинный*» [Ахманова 1969: 71]³⁹⁶.

10. Прокомментировать использование термина *синоним* в следующей фразе: «В борьбе двух синонимов (очень похожих по звучанию) *церковь* и *церковь* победил второй: точно так же в синонимическом единоборстве пары *калоша* — *галоша* победило слово *галоша*» (Русский язык и советское общество: Фонетика современного рус. лит. языка. М., 1968. С. 58).

11. Подразделить противопоставления фонем и ударений в следующих парах наименований на две группы: 1) имеющие смысловозначительную функцию; 2) не имеющие такой функции: *ток* — *док*, *этак* — *эдак*, *бó* [x] — *бó* [к], *калоша* — *галоша*, *шкаф* — *шкан*, *твóрог* — *творóг*, *áтлас* — *атлáс*. Какое из указанных противопоставлений лежит в основе вариантности?

Можно ли считать варианты *из дому* и *из дóма* абсолютно равнозначными? (ср. *из дома напротив* / **из дому напротив*)³⁹⁷.

Определить разницу в употреблении фонематических вариантов *галоша* и *калоша*: производство (*галош* / *калош*); снять, надеть (*галоши* / *калоши*)³⁹⁸, сесть (*в галошу* / *в калошу*)³⁹⁹. Какой из вариантов является устаревающим?

12. Действие какого закона отражают следующие пары вариантов: *биеуак* — *бивак*, *явственен* — *явствен*, *ли* — *ль*, *чтобы* — *чтоб*, *сто граммов* — *сто грамм*, *бильшард* — *бильярд*, *достигнуть* — *достичь*, *мокнул* — *мок*?⁴⁰⁰

13. Сформулировать правило, которому подчиняется фонематическое варьирование частиц *ли, бы и же*: *досталось же ему, отчего же, отчего ж; видишь ли, она ли, она ль; если бы, если б, приехал бы*⁴⁰¹.

14. Назвать причины, регулирующие выбор полных и усечённых фонематических вариантов следующих слов.

1. — *Вот мы тут только решили рассказывать по очереди, чтоб убить время* (Н. Г. Гарин-Михайловский)⁴⁰². 2. *Осетин-извозчик неутомимо погонял лошадей, чтобы успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору* (М. Ю. Лермонтов)⁴⁰³. 3. *Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо* (В. В. Маяковский)⁴⁰⁴. 4. [Борис:] *Надолго ль муж-то уехал?* (А. Н. Островский). 5. *Кто же вас гонит? Судьбы ли решение? Зависть ли тайная, Злоба ль открытая?* (М. Ю. Лермонтов). 6. — *Не принесёшь ли ты поесть?* (И. Гончаров)⁴⁰⁵. 7. *Иван Петрович подскакал к нему, осведомляясь, не ушибся ли он* (А. С. Пушкин).

Определить различие в стилистической окраске полногласного и неполногласного вариантов: *дева Мария, Мария Ивановна, Марья Ивановна*⁴⁰⁶, *Иван да Марья*.

Образовать неполногласные варианты. Пояснить причины, по которым в отдельных случаях их образование становится невозможным: *течение, стремление, инакомыслие*⁴⁰⁷, *печение*⁴⁰⁸, *сидение, бессоюзие*⁴⁰⁹, *оружие*⁴¹⁰, *строение, машиностроение, странствие, тивоварение, воскресение, в течение суток*. В. В. Веселитский [1967: 35] считает соответствия типа *течение — теченье* «регулярными вариантами». Действительно ли эти варианты регулярны?

Проиллюстрировать примерами следующее утверждение: «Проблема вариантов есть проблема культуры речи, где вопрос “как сказать” определяется вопросом “для чего сказать”» [Михайловская 1967: 127].

15. Выявить: 1) фонетические варианты; 2) морфологические варианты; 3) единицы, совмещающие фонетическую и

морфологическую вариативность: *городишка* — *городишко*, *бивак* — *бивуак*, *бескрайний* — *бескрайный*⁴¹¹, *кринка* — *крынка*, *будничный* — *буднишний*, *удалой* — *удалый*, *сосредоточивать* — *сосредотачивать*, *междугородный* — *междугородний*, *жираф* — *жирафа*. У к а з а т ь случаи, когда фонетическое варьирование влечёт за собой варьирование морфологическое.

16. Привести орфографические варианты следующих слов: *ватрушка*, *казак*, *колдобина*, *каравай*, *корнать*, *пескарь*, *риторика*, *кабаре*, *есаул*, *аббревиатура*, *атрибут*, *родина*, *судьба*, *Донкихот*, *Эскулап*, *загс*, *держидерево*⁴¹². Существует мнение, что орфографические варианты «надо искоренять декретом сверху» [Букчина 1981: 224]. Д о л ж н о ли такое искоренение охватить все орфографические варианты без исключения?

17. О п р е д е л и т ь причины варьирования синтаксической сочетаемости, охарактеризовать варианты с точки зрения современной литературной нормы: *некролог об Островском*, *некролог Чернышевскому*, *некролог Даля*⁴¹³.

18. Некоторые учёные считают синтаксическими вариантами следующие единицы: 1) *работает ночами* / *по ночам*, *работает вечерами* / *по вечерам* [Кодухов 1961: 178]; 2) *ехать трамваем* / *на трамвае*, *летать самолётом* / *на самолёте*, поскольку здесь «разные формы слов попадают в одинаковую синтаксическую позицию и, имея эквивалентную семантику, образуют синтаксические варианты» [Ломтев 1962: 14—15]. С о г л а с н ы ли вы с данной точкой зрения? Для ответа подберите такие контексты, в которых указанные единицы окажутся семантически противопоставленными⁴¹⁴.

19. О п р е д е л и т ь типы следующих вариантов: *указать что* — *указать на что*, *реку́* — *рэку*, *ве[р']х* — *ве[р]х*, *вулкан* — *волкан*⁴¹⁵, *тра́кторы* — *тракторá*, *э[н'э]ргия* — *э[нэ]ргия*, *поместится* — *помéстится*, *и[А]ги* — *и[ы']ги*, *чаю* — *чая*,

отзыв о чём — отзыв на что, скрипит — скрытит, бо[г]а — бо[у]а, гаснул — гас, пришло десять человек — пришли десять человек, из дома — из дому, ёлка — елка, лицемерить — лицемерничать⁴¹⁶, бриллиант — брильянт, накапливать — накапливать, родина — Родина, до[жд']и — до[жж']и, тоннель — туннель, [ш]то — [ч]то, стонать — стенать; автозаводской — автозаводский, тракторозаводской — тракторозаводский; стандартизировать — стандартизовать, крейсера — крейсера, Тмутаракань — Тматорокань, комбайнер — комбайнёр.

20. Разделить следующие наименования на две группы: 1) такие, у которых варьирование охватывает всю парадигму, включая исходную форму («полные варианты»); 2) такие, у которых варьирование охватывает лишь часть парадигмы («частичные варианты»): *ноль⁴¹⁷, сектор⁴¹⁸, цех, зима, галоша, голова, ветер, спасение, медленный, спазм, чай, берег, этак, огонь, строгать, сосредоточить, чтобы, капать, искренний, полдень, тоннель, рельс, опёнок, поднимать, зверушка, прогнозировать, дохнуть.*

21. Найти ошибки в следующих фразах, выписанных Н. А. Еськовой из «Литературной газеты» за 2004—2009 гг.: 1. Он отпёр дверь и увидел на пороге вздохмаченного троюродного брата. 2. Принятые в мире расценки не дешёвы. 3. Лица в слёзах счастья. 4. Начисто освободились от пут цензуры и недрёманного государева ока. 5. Двухаршинные осётры. 6. В современном литпроцессе всем сёстрам роздано по серьгам.

Каким образом можно свести ошибки этого типа к минимуму⁴¹⁹?

5. ПОНЯТИЕ НОРМЫ.

ТИПОЛОГИЯ НОРМ И РЕЧЕВЫХ ОШИБОК

Система **норм** представляет собой совокупность общепринятых, или, по Б. В. Томашевскому, «общеобязательных» [Томашевский 1959: 326] правил выбора и употребления языковых средств [ср.: Беликов, Крысин 2001: 39; Петрищева 1967: 34; Бельчиков, 1965: 7]. Считается, что говорить правильно означает соблюдать нормы литературного языка. «Высокая культура речи, — пишет С. И. Ожегов [1974: 287], — это умение правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдают-ся нормы современного литературного языка».

Сфера действия нормы в национальном языке ограничена: 1) **социально** (т. е. охватывает не все социальные слои и группы населения); 2) **территориально** (т. е. охватывает не все территории). Именно поэтому *по отношению к норме национальный язык делится на следующие подсистемы (формы его существования)*: 1. **Литературный язык** — часть национального языка, которая находится в сфере действия норм. 2. **Нелитературные формы**, находящиеся вне сферы действия норм: а) **просторечие** (обычно определяемое как речь малограмотного населения); б) **социальные и профессиональные жаргоны** (уголовный, армейский, компьютерный, школьный и т. д.); в) **территориальные диалекты**.

Правильную речь часто называют литературной, неправильную — нелитературной. В чём состоит назначение литературного языка, какова его необходимость в жизни общества? Вот как отвечает на этот вопрос князь Н. С. Трубецкой: «Настоящий литературный язык является *орудием духовной культуры* и предназначается для разработки, развития и углубления не только изящной литературы, в собственном смысле слова, но

и научной, философской, религиозной и политической мысли. Для этих целей ему приходится иметь *совершенно иной словарь и иной синтаксис*, чем те, которыми довольствуются народные говоры» [Трубецкой 1990:125], а также, добавим, просторечие и жаргоны. Считается, что литературный язык представляет собой *«высшую форму общенародного языка именно потому, что в нем воплощены все... лучшие черты данного языка*. Само название “литературный” применительно к языку указывает на тесную генетическую и органическую связь его с литературой. Литературный язык возникает и развивается прежде всего в письменно-литературной сфере, и здесь он *обрабатывается и совершенствуется* мастерами слова, писателями, учёными» [Веселитский 1967: 30].

Необходимо отметить, что *в научной литературе понятия «норма» и «литературный язык» не всегда чётко и последовательно разводятся*. Дело в том, что норма часто определяется не как система правил (или, по В. В. Веселитскому [1967: 30], «совокупность установлений»), а как «совокупность наиболее устойчивых, традиционных элементов системы языка, исторически отобранных и закреплённых общественной языковой практикой» [Кодухов 1974: 173], как «стабильный и унифицированный... комплекс языковых средств» [Семенов 1975: 48], как «существующие в данное время в данном языковом коллективе и обязательные для всех членов коллектива языковые единицы», в частности «модели словообразования и словоизменения», «модели синтаксических единиц» [Ицкович 1968: 5; Ицкович 1970: 12].

Неясно, чем норма (в таком определении) отличается от литературного языка как системы нормативных единиц (или «элементов», «средств»). Такая трактовка соотношения понятий «норма» и «система» восходит к известному определению уругвайского лингвиста Э. Косериу [1963: 175]: «Система охватывает идеальные формы реализации определенного языка, т. е. технику и эталоны для соответствующей языковой деятельности; норма же включает модели, исторически уже реализованные с помощью этой техники и по этим шаблонам». По справедливости

вому мнению Л. А. Вербицкой [1987: 8], в концепции Э. Косериу «реальные отношения между системой и нормой практически не показаны». Ср. ещё более запутывающее определение В. А. Ицковича [1970: 16]: «Система языка — это система существующих в языке *моделей*, типов». Чем система (в таком определении) отличается от нормы (по Косериу)? Как кажется, терминологическая неопределённость — одна из причин того неприятного обстоятельства, что сущность нормы «до сих пор не поддается ясному описанию и объяснению» [Березин, Головин 1979: 55].

Рассмотрим функции литературной нормы. Важнейшая из них — **унифицирующая**. Ещё Е. С. Истрина [1948: 4], говоря о стремлении литературного языка к «наиболее возможному единству», отметила: «Единообразие и устойчивость в области произношения, грамматического строя, словаря ведут к точности и ясности языка и способствуют его лучшему восприятию». Норма препятствует разрушению литературного языка, сохраняя его единство (а значит, и единство общества) в следующих *трёх измерениях*.

1. **В социальном измерении** для того, чтобы язык был общепонятен, «представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное общество, обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях» [Крысин 2002: 83]. Что происходит, если общество игнорирует это требование? М. Е. Кольцов вспоминает: «У нас до революции разница в классах по языку была ужасающая. Купцы говорили на одном языке, интеллигенты — на другом, так называемое простонародье, т. е. рабочие и крестьяне, — на третьем и на четвёртом. Толком хорошо понять друг друга никто не мог. Да и не добивался» (Кольцов Е. С. Новый язык // Правда, 11.01.1927). В наше время наблюдаем не «разницу в классах», а противостояние, с одной стороны, литературного языка, с другой — просторечия (ср. *кладёт* и *ложит*, *звонит* и *звóнит*) и жаргонов, ср. *миллион* и *лимон*, *тысяча* и *кусок*, *деньги* и *бабки*, *тысяча*

долларов и тонна (штука) баксов. В результате «в узусе нарастает хаос, разброс в употреблении слова, формы, конструкции, звучания» [Лаптева 2002: 346]. Л. К. Граудина [1996: 173] отмечает, что «свобода слова вывела жаргон из подполья»; это обстоятельство во многом определяет облик современных СМИ, а значит, ввиду того, что «основным носителем языковой нормы стали устные СМИ» [Степаненко 2009: 18; ср.: Виноградов 1982: 419—420], и национального языка в целом.

Нельзя не согласиться с Л. А. Вербицкой [2011: 47] в том, что такая свобода слова «инициирует процесс разрушения русского языка, ведёт к разрушению культуры, общественного сознания, нравственности и морали» и что «будущее России в значительной мере зависит от того, удастся ли сохранить национальную культуру, нормативный русский язык и образование».

2. В территориальном измерении. Очень затрудняет взаимопонимание диалектная раздробленность языка. Приведём несколько примеров из северных говоров: *мост* ‘крыльцо или сени’, *изба* ‘комната в доме’, *вышка* ‘жилое помещение на чердаке’, *стая* ‘холодное помещение между хлевом и сенями’ и др. [Русская диалектология 1998: 174—175]. Вывод: слова общепонятны только тогда, когда их значения соответствуют нормам литературного словоупотребления (такие нормы фиксируются в толковых словарях).

Норма способствует «унификации всей речевой практики» [Семенюк 1990: 337], или, выражаясь образно, «стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка» [Беликов, Крысин 2001: 39]. Однако «в результате незавершенности процессов унификации (о чем свидетельствует наличие жаргонов и диалектов. — В. М.)... норма представляется скорее идеальным предельным понятием, чем осуществлённой действительностью», — справедливо полагает В. М. Жирмунский [1969: 21].

Нормы литературного языка представляют собой стандарт [Стеблин-Каменский 1968: 47], единый и обязательный для всех социальных и территориальных групп общества. Именно поэтому норма выступает объектом:

— обучения и распространения: «Норма литературного языка... культивируется в передачах радио и телевидения, в театре, в массовой печати и является предметом и целью обучения родному языку» [Скворцов 1997: 270], прекращение такой деятельности означает «смертный приговор литературному наречию» [Пешковский 1925: 113];

— **кодификации**, заключающейся в подробном описании и записи в грамматиках, учебниках и словарях; таким образом, «отличительной чертой литературного языка является фиксированность его норм» [Ицкович 1968: 6]. К. С. Горбачевич [1978: 33] отмечает: «Представленные в виде своеобразного кодекса (в словаре, грамматике и т. п.) нормы языка чем-то напоминают правовые нормы» и иногда даже предполагают определенные санкции (к примеру, штраф за использование иноязычных слов, введенный во французском парламенте; практиковавшийся в СССР штраф за использование бранных слов в общественных местах и т. д.).

Некоторые учёные считают, что диалекты и даже жаргоны имеют собственные нормы произношения, словоупотребления, словоизменения и т. д., которые, в отличие от литературных норм, «оформляются стихийно» [Горбачевич 1978: 36; Кодухов 1974: 173]; такое понимание нормы именуется **широким**. Так, в широком смысле «можно говорить о норме применительно к территориальному диалекту: например, нормальным для севернорусских диалектов является оканье, а для южнорусских — аканье» [Крысин 2003: 57]. В подобных контекстах слово *норма* используется в нетерминологическом смысле ‘обычай’ (ср. *нормальный* и *привычный*, *обычный*, *узусальный*) и потому сближается с термином *узус* [Крысин 2003: 57]. В этом значении слово *норма* по своему содержанию, конечно же, не равно термину *литературная норма*.

О литературной норме в узком, терминологическом смысле слова нельзя говорить (без подмены либо потери тезиса) применительно к диалектам, просторечию и жаргонам. Это понятие принадлежит литературному языку, поскольку только здесь «ли-

тературная норма *сознательно культивируется*: она фиксируется в словарях и грамматиках, ей обучают в школе, её пропагандируют в книгах, по радио и телевидению... В диалектах, а тем более в просторечии и жаргонах этого нет: имеется *традиция* использования языковых средств, но никто из носителей диалекта не оберегает его от каких-либо влияний, не культивирует сознательно и целенаправленно диалектные образцы речи, речевого общения» [Беликов, Крысин 2001: 41], ср.: «Территориальный диалект, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации, поэтому к ним неприменимо понятие нормы в узком смысле этого термина» [Крысин 2002: 82].

3. *Норма обеспечивает единство литературного языка во времени*, т. е. в темпоральном измерении, и, таким образом, способствует сохранению культурных традиций, поскольку «литературный язык соединяет поколения» [Горбачевич 1978: 26], а это «создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы» [Пешковский 1959: 55]. Современные нормы сложились в пушкинскую эпоху, именно поэтому границы современного литературного языка определяют «от Пушкина до наших дней» (обзор мнений по этому вопросу см. в кн.: Горбачевич 1978: 41—43).

Итак, нормы литературного языка кодифицируются, сохраняются и охраняются государством и потому относительно *стабильны*. Благодаря этому *литературный язык сохраняет единство*: 1) в социальном и территориальном пространстве; 2) во времени. Вместе с тем *литературный язык постоянно развивается*, его номинативно-выразительные ресурсы постоянно пополняются следующими *способами* [ср.: Крысин 2002: 84].

1. За счёт словообразовательных, фразеолообразовательных и иных возможностей самого литературного языка. К примеру, И. Северянин образовал ныне общеизвестное слово *бездарь*, Н. М. Карамзин придумал слово *промышленность*, В. Хлебников — слово *лётчик* и т. п. Стали крылатыми, пополнив русскую

фразеологию, многие выражения из басен И. А. Крылова: *а воз и ныне там*; *а Васька слушает да ест* и т. д. Имена авторов сотен и тысяч других удачных номинативно-выразительных нововведений нам неизвестны.

2. За счёт заимствований: а) внешних (из других языков): *стикер, брокер, маркетинг* и др.; б) внутренних (из просторечия, жаргонов, диалектов, т. е. из нелитературных сфер собственного национального языка): *беспредел, крыша поехала, с приветом, добит* и т. д.

Норма должна иметь предписывающий (прескриптивный) характер, в противном случае она утратит свою эффективность. Между тем начиная с конца XX в. «прескриптивный» подход к языку попадает под град всё усиливающейся критики; всё большее число лингвистов разделяет убеждение, что навязывание языковых стандартов недемократично» [Германова 2010: 145]. В настоящее время специалисты говорят о «смягчении» литературной нормы [Крысин 2008: 14], «о её весьма широких рамках, допускающих значительное варьирование» [Саенко 2012: 80]. Результатом становится жаргонизация языка, падение речевой культуры общества, а также «нежелательный разрыв в преемственности традиций, в целостности культуры» [Костомаров 1999: 2].

По указанным причинам не все новообразования, появляющиеся в национальном языке, должны попадать в литературный язык. Одно из важных свойств литературной нормы — *избирательность* по отношению к появляющимся в речи новшествам, которые в этом случае *оцениваются как достойные либо недостойные пополнить систему литературного языка* (эту функцию нормы называют *селективной*). Таким образом, норма выполняет *две основные функции: унифицирующую и селективную*.

Нормы предполагают «оценочный (аксиологический) подход к языковым фактам» [Горбачевич 1978: 46]: «одним они открывают свободный путь, а другим дают ограниченные возможности действия, третьим решительно преграждают дорогу»

[Гельгардт 1961: 23]. Таким образом, норма «выполняет роль своеобразного языкового фильтра» [Горбачевич 1978: 26]. Языковая норма устанавливается учёным «как акт сознательно принимаемой на себя ответственности» [Еськова 2005: 22], поэтому важным аспектом теории нормы является разработка системы *критериев нормативной оценки* языковых фактов. К настоящему времени известно шесть таких критериев.

1. Соответствие системе языка, т. е. «словарю и грамматике» [Щерба 1974: 26]. Асистемные явления воспринимаются как противоречащие норме. Так, выражение *нажать на курок* ‘нажать на спусковой крючок, выстрелить’ не соответствует месту слова *курок* (‘молоточек, наносящий удар по капсулю’) в парциальной группе «Огнестрельное оружие».

2. Соответствие узусу (лат. *usus* ‘использование’), т. е. общепринятой современной речевой практике. Сформулируем данный критерий проще: «сейчас так говорят все — значит это правильно»: *хочешь* (а не *хотишь*), *выборы* (а не *выборá*) и т. д. Вместе с тем: а) «языковая норма — не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка» [Ожегов 1974: 259], например *недоумённый* (вм. лит. *недоумённый*), *включит* (вм. лит. *включит*); б) число носителей литературного языка в обществе может быть небольшим. В идеале литературный язык должен быть «средством общения наиболее широких общественных кругов» [Истрина 1948: 3], однако трудно принять мысль о том, что норма должна определяться статистикой, т. е. ориентацией на речь большинства носителей языка [Шмелёв 2014: 274; Лазуткина 2012: 49; Успенский 2006]. Прислушаемся к доводам Ф. П. Филина [1966: 20]: «Большая употребительность того или иного варианта далеко не всегда может быть достаточным основанием для того, чтобы считать этот вариант образцовым, единственно правильным. Во времена Пушкина литературным языком владел ничтожный процент населения, подавляющее большинство народа говорило на диалектах... Нормы, которые были установлены и освящены гением Пушкина, дали бы низкие статистиче-

ские показатели (в смысле их распространенности в пушкинское время среди широких слоев населения), а между тем многие из них выжили и являются образцовыми и в настоящее время». Отсюда — следующий критерий.

3. **Авторитетность** носителя языка, «который в своей речи употребляет данный вариант, а не другой» [Мечковская 1996: 36]. Именно поэтому для решения вопросов нормы мы обращаемся «к наиболее авторитетным источникам прошлого и настоящего»; такими **и с т о ч н и к а м и** считаются «произведения художественной литературы, лучшие образцы публицистики и... прессы, материалы научной и деловой речи. Грамматики и словари строятся в основном на данных, собираемых из этих источников, и подтверждаются примерами — цитатами из них» [Истрина 1948: 27]. Считается, что «в настоящее время центр нормообразования переместился в средства массовой информации (телевидение, радио, периодическая печать)» [Валгина 2001: 42].

Как видим, *«опора нормы — лишь некоторая часть узуса»*, ограниченная определенными социальными рамками [ср.: Семенюк 1970: 574—575], поэтому норма иногда определяется как «принятые в общественно-речевой практике (в художественной литературе, в речи образованных людей, в сценической речи, на радио и т. п.) правила произношения, грамматике и словоупотребления» [Ожегов 1974: 287. ср.: Скворцов 1997: 270].

Таким образом, «факт широкой распространенности варианта сам по себе служит лишь важным симптомом, но не доказательством его нормативности» [Горбачевич 1978: 44], поскольку «норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источника» [Истрина 1948: 19].

4. **Соответствие литературной традиции.** По определению Э. Косериу [1963: 175], норма «соответствует не тому [вернее, не только тому. — В. М.], что можно сказать (т. е. системе. — В. М.), а тому, что уже сказано и что по традиции говорится в рассматриваемом обществе». Система позволяет сказать: *«Шли в новых пóльтах, Встретились около депá.* Норма

(точнее, традиция и узус. — В. М.) накладывает ограничения и требует, чтобы формы слов *пальто*, *депо* оставались без изменений» [Головин 1988: 24]. В этом смысле норма может быть определена как «совокупность параметров, характеризующих границы речевых реализаций системы» [Каспранский 1976: 7]. Сохраняя традицию, норма проявляет консервативность: «Коль скоро она стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка, то свойство консервативности ей совершенно необходимо» [Беликов, Крысин 2001: 40]. Поэтому ***и норма, и кодификация часто не совпадают с речевым узусом:***

«Консервативность “языкового идеала” неминуемо создает конфликты между грамматическим, произносительным или лексико-графическим сводом “законодательных установлений” и новыми явлениями, ещё не узаконенными, но уже достаточно прочно укоренившимися в практике литературной речи. Поэтому в кодексах законов употребления литературного языка могут иметь место отдельные предписания и характеристики, настолько устарелые, что с ними почти никто не считается. Часто, несмотря на запреты и преграды, языковые факты могут получить столь широкое признание, что указания на их “неправильность”, “нелитературность” вызывают у многих носителей литературного языка только недоумение» [Гельгардт 1961: 24].

Л. П. Катлинская [1975: 72] пишет: «Нам представляется не вполне оправданным упорство, с каким нормализаторы продолжают считать ошибкой *одеть* на месте *надеть*». Традиция сохраняет привычную сочетаемость этих глаголов (*одеть кого*, но *надеть что*), и именно традиция является здесь решающим фактором, т. е. фактором более важным, нежели бесспорная распространенность [см.: Цейтлин 1963: 114—116; Еськова 2003: 42] не вполне литературных употреблений типа *одел шапку*. В таких случаях было бы «опрямительно целиком опираться лишь на степень употребляемости той или иной языковой формы. Ударение *кв́артал*, например, является весьма распространенным (статистически, возможно, и преобладающим). Однако

литературная норма оберегает традиционный вариант *кварти́л*» [Горбачевич 1971: 32].

Считается, что традиция «составляет сердцевину литературной нормы» [Граудина 1980: 70]. Норма и кодификация часто отстают от узуса и потому носят преимущественно ретроспективный характер: «Включение в норму ненормированных явлений — дело времени, необходимого на преобразование стилистических традиций литературной речи» [Ожегов 1967: 17]. Противостояние узуса и нормы может быть очень длительным: «Так, например, в словаре неправильностей, составленном К. П. Зеленецким ещё в 1885 г., отмечались неправильные ударения: *документы* вместо *документы*, *звонит* вместо *звонит* и др., которые наблюдаются и в наши дни» [Горбачевич 1971: 9].

Узус и традиция — два измерения речевой практики: синхронное (узус: «так сейчас говорят») и диахронное (традиция: «так говорили всегда») [ср.: Филин 1966: 17—18].

5. К о д и ф и ц и р о в а н н о с т ь. Одним из признаков нормативности языкового явления выступает «общественное одобрение и признание... Наиболее эксплицитной и “объективированной” формой такого одобрения является кодификация» [Семенюк 1990: 338], поэтому нормой называют «употребление, рекомендованное грамматикой, словарем, справочником» [Ицкович 1979: 4] и трактуют её как «результат кодификации, как совокупность предписаний, касающихся употребления языковых единиц» [Крысин 2008 а: 189].

Остановимся вкратце на непростом вопросе о кодифицированности функциональных стилей. Наиболее спорным в этом плане является разговорный стиль (или, в иной терминологии, разговорная речь).

Как известно, многие разговорные варианты языковых единиц — типа *зам* (заместитель директора), *декрет* (декретный отпуск), *вступительные* (вступительные экзамены), *Ксан Ксанна* (в полном произносительном стиле: *Александра Александровна*) и проч. — не кодифицированы, т. е. не внесены в словари, справочники и не рекомендуются к употреблению учебниками,

грамматиками, но вместе с тем и не запрещены ни языковыми, ни этическими нормами, а следовательно, имеют нормативный характер. Нормативность в сочетании с некодифицированностью характерна для многих (однако, конечно же, не всех) единиц разговорного стиля; в этом плане данный стиль вполне сопоставим с художественной и публицистической речью.

Некоторые учёные на основании активности и довольно значительного количества некодифицированных единиц делают вывод о том, что разговорная речь *является некодифицированным стилем русского литературного языка*: «Разговорная речь не может быть включена (вернее: втиснута) в систему кодифицированного литературного языка» [Земская 1968: 6]; именно поэтому «русский литературный язык существует в двух основных разновидностях. Одну из них называют кодифицированным литературным языком, другую — разговорным литературным языком» [Земская 1987: 3].

Как уже было отмечено выше, кодификация всегда отстаёт от более «демократичного» узуса. Тем не менее факты разговорной речи регулярно фиксируются авторитетными словарями (вспомним помету «разговорное»), описываются в академических грамматиках и т. д., так что полностью отказывать разговорной речи в кодифицированности нельзя. Думается, что по отношению к функциональным стилям логичнее было бы говорить о большей (для научного и официально-делового) либо меньшей (разговорный стиль, публицистический стиль, художественная речь) *степени кодифицированности* [Москвин 2005: 37—48]. В этом ряду наиболее сложной для описания представляется разговорная речь — «неуловимая, с трудом поддающаяся фиксации и тем более кодификации и нормированию» [Денисов 1993: 166].

6. Коммуникативная целесообразность (необходимость). Рассмотрим с точки зрения данного критерия заимствованные слова *стикер* и *эксцертировать* (например, *примеры из текста*). Первое целесообразно, поскольку короче словосочетания *председатель нижней палаты парламента*, второе же не

имеет никаких преимуществ по сравнению с глаголом *извлекать* и потому нецелесообразно. Акцентные варианты *до́йте, по́йте* в м. до́йте, по́йте обеспечивают чёткое разграничение форм изъявительного и повелительного наклонений и потому сначала победили в узусе, затем стали использоваться авторитетными носителями языка, после чего были кодифицированы.

Таковы критерии нормативности языковых фактов, т. е. их принадлежности к системе литературного языка. **Факторами стабильности** в этой системе выступают традиция и кодификация; **двигателем изменений** является признание коммуникативной целесообразности тех или иных новшеств.

Здесь следует подчеркнуть условный характер понятий «нормативность» и «правильность». «Что значит “правильное”?» — задает вопрос Д. Н. Ушаков. «Никакой наукой нельзя доказать, что писать следует так, а не иначе. <...> Понятие правильности... условно: правильно то, что общепринято» [Ушаков 1995: 155]; выражаясь иначе, «господствующая оценка определяет собой реальную языковую норму» [Петрищева 1967: 37].

Представление о правильности или неправильности тех или иных языковых фактов постепенно могут (прежде всего под влиянием коммуникативной целесообразности и узуса) меняться, а вместе с ними постепенно меняются и нормы: «Объективных критериев для суждения о том, что “правильно”, а что “неправильно”, нет, в языке “всё течет”, так что то, что вчера было “правильным”, сегодня может оказаться “неправильным” и наоборот» [Пешковский 1959: 53]. Именно поэтому принято говорить об **исторической изменчивости норм**: «с т а р ш а я норма» (устар. *манит*, уходящ. *кружит*, *доит*, *поит* и др.) постепенно вытесняется «м л а д ш е й» (*манит*, *кружит*, *доит*, *поит*). **Временное сосуществование этих норм обеспечивает непрерывность литературного языка**, помогает «привыкнуть к новой форме, делает сдвиг нормы менее ощутимым и болезненным», «поддерживает преемственность речевых навыков и избавляет нас от слишком крутых поворотов в истории

языка» [Горбачевич 1978: 29]. Нормы, допускающие вариативность (*манит* и *манит*, *доит* и *доит*), иногда именуются **компромиссными, диспозитивными**; не допускающие (*звонит*, но не *звонит*, *включит*, но не *включит*) — **императивными** [см.: Скворцов 1970: 50].

Ещё учёные Пражской лингвистической школы заметили, что «допустимость исторически обусловленных вариантов... связана с признанием динамического характера норм, с признанием эволюционных процессов, совершающихся в литературном языке. Включение исторически обусловленных вариантов в норму должно рассматриваться как средство снять противоречие между статичной по своей сущности кодификацией и динамикой нормы, как средство отразить внутреннюю динамику нормы. Развитие нормы совершается именно благодаря вариантам, они являются, как правило, переходными формами от одного качества к другому...» [Едличка 1967: 553].

Младшая норма вырастает из просторечия и граничит с просторечием, старшая — с архаизмами. Однако гораздо лучше использовать в своей речи архаизм (устар. *нужны*, *манит*), чем просторечный элемент (*правы*, *звонит*). Старшая норма более надёжна, что даёт нам возможность сформулировать и использовать следующее ортологическое правило, имеющее характер универсалии: **в случае сомнений** (*нужны* или *нужны*? *правы* или *правы*? *манит* или *манит*? *звонит* или *звонит*?) **следует ориентироваться на старшую норму**. Для того чтобы вывести частное правило употребления слов той или иной ортологически значимой микросистемы (например, глаголов на *-ить*), необходимо **определить старшую норму, действующую в данной микросистеме**. Старшая норма, во-первых, фиксируется в словарях: *ма́нит*, устар. *ма́ни́т* (МАС), во-вторых, сохраняется: 1) в устойчивых словосочетаниях, ср. *Хозяйка ва́рит кашу*, но *котелок ва́ри́т*; 2) в старинных стихотворных текстах: *Оглянуться не успела, Как зима катíт в глаза* (И. А. Крылов); 3) в производных единицах: а) словах: *дымок ку́ри́тся*; б) словоформам: *вагон для ку́рящих*. Знание старшей нормы и ориентация

на неё составляют основу языкового чутья и позволяют уйти от бесперспективного заучивания пространных списков кодифицированных единиц, варьирующихся от словаря к словарю, от автора к автору, от одного пособия к другому и постоянно меняющихся.

Как известно, «для того чтобы исправление речевых ошибок имело осмысленный характер, целесообразно проводить анализ ошибок по однородным группам» [Казакова 1973: 17]. Только такой подход даёт возможность «теоретического осмысления и объяснения не только механизмов и причин самой ошибки, но и работы речевого механизма в целом» [Залевская 2009: 6]. Вопрос о *типологии ошибок* логически связан с вопросом о *типологии норм*; первый невозможно решить в отрыве от второго.

Под системой **норм** принято понимать совокупность правил выбора и употребления языковых средств. Как и любое правило, каждая норма имеет: 1) определённый объект регулирования, 2) определённую степень категоричности. С учётом данных двух фактов общую типологию норм представляется целесообразным строить на основании следующих двух критериев.

Первый критерий связан с членением норм по объектам регулирования. Такими объектами традиционно считаются качества речи, в частности: 1. Правильность. Нормы правильной речи именуют **ортологическими**. 2. Точность, однозначность, логичность, уместность, краткость, благозвучие и другие качества, придающие правильной речи силу и выразительность. Связанные с оценкой этих качеств нормы называют **коммуникативными**.

Второй критерий — степень категоричности. По данному критерию нормы можно подразделить на два типа: прескриптивные и рестриктивные.

Прескриптивные нормы имеют предписывающий, обязательный, императивный характер. К этому разряду норм следует отнести два требования:

1. Требование правильности речи, а значит, ортологические нормы. Последние включают: 1) орфографические и пунктуа-

ционные (нормы письменной формы речи); 2) орфоэпические (нормы устной речи, регулирующие произношение и ударение): *но[г]а*, а не *но[у]а*, *красивее*, а не *красивеее*; 3) грамматические, не зависящие от формы речи: а) морфологические (регулируют формообразование): *красивее*, а не *красивше*, *споткнуться*, а не *спотыкнуться* (по аналогии с формой несовершенного вида *спотыкаться*); б) словообразовательные, «регламентирующие сочетаемость морфем в слове» [Хакимова 2013: 82]: *поскользнуться*, а не *подскользнуться*; в) синтаксические (нормы построения фраз, затрагивающие, в частности, управление и согласование). Соответственно, к ортологическим относятся ошибки орфографические, пунктуационные, орфоэпические и грамматические. К ошибкам ортологического типа отнесём также искажения структуры номинативных единиц: а) слов: *инцидент*, а не *инцидент*, *характер*, а не *караактер*, *конфорта*, а не *комфорта*, *флюорография*, а не *флюорография* (вставка, перестановка, замена или изъятие фонем, т. е. **метаплазмы**); *поликлиника*, а не *полуклиника*, *вазелин*, а не *мазелин* (искажение по близкозвучию, вид **народной этимологии**); б) устойчивых словосочетаний: *играть роль*, а не *играть значение* (**контаминация** — смешение частей двух номинативных единиц: *играть роль* + *иметь значение*).

2. Требование точности речи. Нарушение данной нормы состоит в смешении либо неверном выборе номинативных единиц, связанных: а) по смыслу или тематически: *Колизей имеет форму эллипса более 0,5 км в обхвате* (вм. *в окружности*; фраза из книги И. М. Саркисова-Серазини «Под небом Италии», потешившая В. В. Виноградова), *Убило громом* (Разг. речь); б) по близкозвучию, что ведёт к **паронимическим ошибкам**. Паронимы могут быть определены как близкозвучные (*пока суть да дело* вм. *пока суд да дело*), в частности принадлежащие одному словообразовательному (*командированный* и *командировочный*) либо этимологическому гнезду (*аппендицит* и *аппендикс*) слова, подвергающиеся регулярному смешению в речи.

Причиной нарушения требования точности являются непонимание значения номинативной единицы либо невнимательность, прямым следствием — нарушение норм лексической сочетаемости. Ошибки такого рода «особенно опасны тем, что их не всегда легко заметить» [Черемисина 2012: 21].

Целесообразно различать «паронимическое смешение как ошибку и как оговорку», критерием разграничения этих двух явлений следует считать «степень осознанности индивидом неточности своей речи» [Конева 2011: 41], ср.: *Благодарю моих уважаемых компонентов...* [смех в зале] *Ой... Простите! Оппонентов* (Из заключительного слова диссертанта).

Следует также отличать случайное нарушение нормы от нарочитого, а речевую ошибку — от приёма: ещё Квинтилиан указал на то, что «фигура становится ошибкой, если она не преднамеренна, а случайна», и «сколько есть фигур, столько же есть ошибок» [Quintiliani 1854: 111 и 112], ср.: *Злоклю... Ой! Заключение* (проф. Д. Н. Медриш — зачитывая заключение счётной комиссии).

Из замечания Квинтилиана вытекает, что каждому качеству (норме) речи можно поставить в соответствие: а) определённый класс фигур; б) определённый класс речевых ошибок. Возможностью установить такое соответствие определяется языковая реальность качества речи [Москвин 2007: 314]. С этой точки зрения такие качества речи, указанные античными учёными, как живость, напыщенность, ребячливость, сила, сладостность, стремительность, суровость и др., не являются системообразующими по отношению к фигурам и ошибкам, а значит, с точки зрения современной науки о языке иррелевантны.

В силу своей обязательности прескриптивные нормы подвергаются **кодификации**, т. е. фиксации в авторитетных изданиях: в академических грамматиках, в словарях ортологического типа, а также в толковых, фразеологических словарях, в словарях синонимов, антонимов.

Рестриктивные (ограничительные) нормы не обязательны для исполнения, а потому объектом кодификации не являются

ся. Систематизация ошибок по отношению к рестриктивным нормам даёт следующую картину.

1. Нарушением требования разнообразия формы речи является **тавтология**: а) звуковая: *В **президиум** **приглашены** **прокурор** и **представитель** **президента**, в зале **присутствуют** **представители** **пресс**ы* (ТВ); б) морфемная: *Как все женщины, которым не удалось полюбить, она хотела чего-то. Собственно, ей ничего не хотелось, хотя ей казалось, что ей хотелось всего* (И. С. Тургенев); в) лексическая, под которой традиционно подразумевается «того же слова либо выражения повтор» [Quintiliani 1854: 59]: *Министр доложил о состоянии **дел** в министерстве иностранных **дел*** (ТВ); г) синтаксическая, состоящая в однообразии используемых синтаксических конструкций.

2. Нарушает требование эвфонии **неблагозвучие**, источниками которого служат: а) звуковая тавтология: *ищущий [иц]астья*, б) скопление одинаковых или сходных звуков, например согласных: *текст стихотворения*.

3. Нарушением требования логичности речи являются несовместимость смыслов или утверждений, а также композиционная неупорядоченность изложения, возникающие в результате нарушения законов логики: *Отродясь такого не видали, и вот опять!* (В. С. Черномырдин). Частным случаем алогизма является **плеоназм** [греч. *πλεονασμός* ‘излишество’] — паразитарное повторение смысла, смысловое излишество: *памятный сувенир* (определение избыточно, так как *сувенир* означает ‘подарок на память’). Плеоназм есть «одного смысла рядом сходных слов выражение» [Dionysii 1774: 1127], «пустословие» [Eustathii 1826: 35]; он характерен для просторечия, в силу чего используется для создания просторечного колорита: так, в романе В. Крестовского «Петербургские трущобы» городовым был задержан некий *иностранец француз*, без всяких признаков панталон. С учётом данного факта трудно принять мнение, согласно которому плеоназм является «стилистической ошибкой» [Кожина и др. 2010: 164]. Вместе с тем плеоназмы «встречаются даже у людей, хорошо владеющих литературной нормой, как

своего рода обмолвки» [Еськова 1961: 145]: *Вошла в **спинные лопатки** ему горячая пуля* (Н. В. Гоголь).

И тавтология, и плеоназм представляют собой паразитарный повтор, в силу чего их зачастую отождествляют. Чтобы такого отождествления не возникало, под тавтологией следует в соответствии с античной традицией понимать повтор формы, под плеоназмом — повтор смысла. При определённых условиях плеоназм и тавтология могут совмещаться (*рассказчик рассказывал*).

4. Нарушением требования правдоподобия речи, её соответствия реальному положению дел является **фактическая ошибка**. Н. М. Минский пишет в стихотворном переводе: *Вот приближается он к спящей Дездемоне: Ужасен взор его, в **лице кровинки нет**...* «Полно, так ли? — иронизирует А. Блок. — Лицо венецианского мавра — чёрно-коричневое, где же различить, что в нём нет “кровинки”?» Видом фактической ошибки является **анахронизм**, состоящий в «смешении событий, предметов, явлений разных эпох» [Цейтлин 1997: 160]. В пьесе В. Шекспира «Юлий Цезарь» читаем: «Чу! Бьют часы. Пробило три часа». Однако башенные часы с боем были изобретены позже.

К неправдоподобию, абсурду ведёт **катахрёза**, возникающая вследствие невнимания к внутренней форме, т. е. к деривационной истории слова. Известны два типа этой ошибки: а) противоречие между внутренними формами слов: *Он **засытал** меня **потоком** слов* («Засыпать потоком нельзя, можно залить» [Жирмунский 1996: 310]); б) противоречие между внутренней формой одного и смыслом другого слова: ***мясорубка** для **овощей*** (Ценник).

Согласно известному предписанию, «следует различать наряду с речевыми ошибками также неречевые: композиционные, логические и искажение фактов» [Львов 1975: 153]. С этой точки зрения композицию, плеоназм и другие понятия, традиционно относимые к сфере речи, придётся считать неречевыми феноменами, поэтому небезосновательной представляется позиция

специалистов, рассматривающих алогизм и композиционные не-правильности как речевые ошибки [Кузнецова, Филиппова 2011: 74—77]. К числу речевых феноменов принято относить и искажение фактов, принявшее форму неправдоподобия: а) случайного (катахрезу); б) нарочитого (гиперболу, литоту, гротеск и др.).

5. Нарушением требования однозначности речи является **двузначность**: *Привет освободителям города от немецко-фашистских захватчиков!* (Заголовок в газете). Фраза имеет два варианта синтагматического членения и истолкования: а) *Привет / освободителям города от немецко-фашистских захватчиков!* (вариант, соответствующий замыслу); б) *Привет освободителям города / от немецко-фашистских захватчиков!* (паразитарное прочтение).

6. Нарушением требования богатства речи является незнание синонимических средств, а также тропов и фигур, без которых, по мнению оксфордского филолога Томаса Линакра (1460—1524), «речь становится грубой, неотёсанной и инфантильной» [Linacre 1524: 292]. Следствиями бедности являются: а) лексическая и синтаксическая тавтология; б) употребление штампов и слов-паразитов, свидетельствующее о сложностях в подборе номинативных средств.

7. Нарушением требования уместности речи является несоответствие её формы: а) коммуникативной ситуации, б) теме. Так, в вузовской лекции, в отличие от статьи в академическом журнале, ситуативно неуместным будет использование усложнённого синтаксиса и значительного числа иноязычных терминов. Правилу ситуативной уместности подчиняется употребление обценной и бранной лексики, а также прямых именовании, в известных случаях требующих замены эвфемизмами, например *пенсия* вм. *заслуженный отдых*.

Тематически уместное использование номинативно-выразительных ресурсов языка регламентировалось античной теорией трёх стилей: так, высокий («важный») стиль, в отличие от скудного, или «низкого», требует «самых красивых слов» и предназначается для «важных мыслей» [Ciceronis 1828: 264

и 265]. Немало нарушений данного предписания находим в школьных сочинениях: *Счастлив тот, кто и жить торопится, и чувствовать спешит по большому счёту*. Соединение поэтического фразеологизма с разговорным штампом «придаёт речи пародийное звучание» [Рамазанова 2011: 50]. Случаем тематически неуместного использования языковых средств является **канцелярит** — применение ресурсов деловой речи за её пределами: *Болконский храбро сражался на войне согласно желанию отца* (Соч.). Подобные иностилевые вкрапления разрушают **единство стиля**.

8. Нарушение требования чистоты речи [см. обзор мнений в статье: Грехнева 2010: 501—503] заключается в немотивированном использовании нелитературных элементов, в частности:

А. Заимствований из нелитературных форм собственного национального языка: диалектов, жаргонов и просторечия. «Литературная газета» в разные периоды своего существования вела борьбу против засорения русского языка элементами грубого просторечия: «мазила, мура, хахаль, волынить, ломаться ‘капризничать’, погореть ‘потерпеть неудачу’, присобачить, срезать ‘победить в споре, привести сильный аргумент’, шамать», чиновничьего жаргона: «бросать на (картошку), в деле, на участке, незавершенка, переотвлечься, по вопросу, утрясти (вопрос)», диалектной речи: «без усика ‘на прямоту’, не волташишь ‘не суепись’» [Басовская 2011: 13; Басовская 2011 а: 118].

Б. **Сорезимов** — неосвоенных иноязычных заимствований (латинизмов, галлицизмов, германизмов и т. д.). В России «чужебесие» порицалось; хитросплетение разноязычных слов и выражений, характерное для дворянской речи XVIII в., не раз становилось объектом пародирования:

Советница. Не то на уме у отца твоего. Я очень уверена, что он нашу деревню предпочтёт и раю и **Пари**. Словом, он мне **делает** свой **кур**.

Сын. Как! Он мой **риваль**?

(Д. И. Фонвизин. Сатира на дворян, которые, говоря по-русски, заикаются по-французски.)

Как реликт этой смеси «французского с нижегородским» дошло до наших дней выражение *строить куры* [*fair la cour* ‘ухаживать’]: «Как, неужели он и протопопше *строил куры?*» (Н. В. Гоголь). К числу сореизмов относят «элементы звуковой системы, графики, интонации, грамматики, лексики, синтаксиса, даже значения и коннотации» [Dupriez 1991: 332]. Для западной России, в частности Москвы, характерно белорусское «цеканье-дзеканье»: [д^з]e[т^с]и вм. [д]e[т]и [Добродомов 1971: 242—243], для южной — украинское «ү-канье». Пример синтаксического украинизма: *скучать за кем* (ср. укр. *скупити за ким*) вм. *по кому* или *о ком*. Пример семантического украинизма находим в описании кареты, принадлежавшей Коробочке, одной из героинь романа Н. В. Гоголя «Мёртвые души»: «Щёки этого *арбуза*, т. е. дверцы, носившие следы *жёлтой* краски, затворялись очень плохо по причине плохого состояния ручек», ср. укр. *гарбуз* ‘тыква’ и рус. *арбуз*.

9. Нарушение требования ясности речи ведёт к сложностям в её восприятии. Основные причины неясности: 1) длинноты, усложненный синтаксис, путанный порядок слов, отсутствие рубрикации, ситуативно неуместное использование книжной лексики; 2) недостатки формы речи: а) почерка; б) звучания, в частности такое произношение, когда «в словах часть звуков проглатывается, часть съедается, концовки же вовсе не произносятся» [Quintiliani 1854: 214]; 3) чрезмерная краткость, неполнота, что также «не ведёт к ясности речи» [Aristotelis 1833: 193]. Вспомним объявление, составленное героем повести И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев»: *Сд. пр. ком. в уд. в. н. м. од. ин. хол.*

Поскольку ошибки возникают в результате нарушений целого ряда предписаний, сводить их к нарушениям отдельных норм нецелесообразно. С данной точки зрения трудно принять трактовку речевой ошибки как «неудачно выбранного слова, неправильно построенного предложения, искажённой морфологической формы» [Львов 1975: 152], поскольку она ограничивает ошибки нарушениями требования точности, а также синтаксической и морфологической правильности. Более ёмким, а по-

тому более приемлемым представляется понимание **речевой ошибки** как «любого случая отклонения от действующих языковых норм» [Цейтлин 1997: 5].

Некоторые учёные противопоставляют ошибки грамматические, связанные со «строением языка (системой языковых единиц)», и речевые, связанные с «употреблением языковых средств в речи» [Богуславская и др. 1991: 30; Hartung 1984: 270—272]. Однако поскольку грамматические ошибки не принадлежат «строю языка», а возникают в результате реализации языковой системы в речи, их следует рассматривать как вид речевых [ср. Мистюк 2012: 91].

Спорным является понятие **лексической ошибки**. При узком понимании они трактуются как «речевые ошибки, заключающиеся в нарушении точности словоупотребления» [Жаркова, Сороковых 2014: 148]. При более широком понимании к ним относят: а) ортологические ошибки, состоящие в искажении формы слов и фразеологизмов; б) коммуникативные ошибки, состоящие в нарушении требования точности и уместности в использовании лексики и фразеологии, в «употреблении диалектных, просторечных слов», анахронизмов, а также в «неоправданном повторе одного и того же слова» [Львов 2002: 234]. Строго говоря, ни нарушения требований уместности и чистоты речи, ни тавтология не ограничиваются лексикой, т. е. имеют межуровневый характер. Добавление к этому ряду двусмысленности, плеоназма [Мистюк 2013: 115], логических ошибок, «засорения языка заимствованиями» [Райский 2006: 9, 11] и др. приводит к ещё большему и, как кажется, методически неоправданному расширению понятия лексической ошибки. Если же, например вслед за Ю. В. Фоменко [1973: 33] и М. Р. Львовым [2002: 234], отнести к числу лексических ошибок ещё и «словосочинительство» (*рецензист, грузинец*), то это приведёт к отождествлению лексических ошибок со словообразовательными.

Рассмотрим вопрос о понятиях стилистической нормы и стилистической ошибки. Следует, видимо, согласиться с теми

учёными, которые относят «эстетичность (красоту)» к числу «основных качеств хорошей речи», составляющих сущность стилистической нормы [Бондалетов и др. 1989: 37]. В этой связи логично определить **стилистическую ошибку** как нарушение тех норм, соблюдение которых делает речь эстетичной. Ошибки, чаще всего рассматриваемые как стилистические, возникают в случаях, когда нарушаются следующие рестриктивные нормы: 1) требование благозвучия; 2) требование уместности в использовании стилистически окрашенной лексики; 3) требование разнообразия; 4) требование богатства речи; 5) требование её однозначности.

Сложен вопрос о соотношении ошибки и недочёта. Существует трактовка ошибки как «нарушения требований правильности речи», недочёта — как «нарушения рекомендаций, связанных с понятием хорошей речи, т. е. богатой, точной и выразительной» [Богуславская и др. 1991: 30], а также как «погрешности, вызванной неумением пользоваться языковыми средствами» [Соловейчик 1979: 14]. Вряд ли, однако, можно считать «мелкими погрешностями» паронимическую ошибку, плеоназм, катахрезу, использование обценной лексики (т. е. грубое нарушение правила ситуативной уместности), жаргонизмов или диалектизмов (нарушения требования чистоты речи). В этой связи оправданной представляется позиция учёных, например Т. Б. Ивановой [2003], трактующих **недочёт** как понятие, тождественное стилистической ошибке.

Некоторые авторы полагают, что стилистические нормы состоят в отборе языковых средств в зависимости от конкретной ситуации, темы, а также социального статуса отправителя и адресата речи [Сергеева 2002: 375], что стилистические нормы — «это правила наиболее целесообразных в каждой сфере общения реализаций принципов отбора и сочетания языковых средств». С этой точки зрения стилистические ошибки трактуются как «нарушения единства стиля» [Кожина и др. 2010: 154 и 159], т. е. сводятся к нарушениям закона уместности в использо-

вании стилистически окрашенной лексики. Данное определение представляется слишком узким.

Традиционным является отождествление стилистических ошибок с любыми нарушениями рестриктивных норм, ср.: «Типичные, часто встречающиеся в сочинениях речевые ошибки по связи с соответствующими нормами членятся на пять разновидностей: 1) орфографические, 2) пунктуационные, 3) грамматические, 4) словарные и 5) стилистические ошибки» [Черемисин 1973: 34]. Такая трактовка представляется необоснованно широкой.

Ещё более широкое понимание стилистической ошибки характерно для учёных середины и второй половины XX в., ср.: «К стилистическим ошибкам, с одной стороны, относят недочёты, которые связаны с лексикой и грамматикой (неточность словоупотребления, ошибки в употреблении форм существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, нарушение норм согласования и управления, ошибки в предложении и т. д.), а с другой стороны, нарушение норм стилистики (тавтология, плеоназмы, паронимы, речевые штампы и т. д.)» [Шаповалова 1967: 8]; «Речевые ошибки делятся на лексико-стилистические, морфолого-стилистические и синтаксико-стилистические» [Львов 1975: 153]. С этой точки зрения как стилистические трактовались следующие ошибки: 1) ортологические: «По двору *сновают* тени» [Плёткин 1964: 129], «оказать *значение*», «убедился *о том, что*» [Голуб 1997: 129 и 392]; 2) нарушающие требование точности: «Я хочу продолжить семейную *династию*» вм. *традицию*, «врач-*некрóлог*» вм. *наркóлог* (смещение паронимов, сопровождаемое просторечной переакцентовкой) [Голуб 1997: 8 и 56]; 3) нарушающие требование чистоты речи: «Девочка положила ребёнка в *зыбку*» (обл. *зыбка* вм. лит. *колыбель*) [Кожина 1983: 102] и др. Такие трактовки уже тогда являлись объектом критики [см. Шмелёв 1960: 16 и 17]; тем не менее до сих пор «в школьной практике нередко любые речевые ошибки называют стилистическими» [Иванова 2003: 438].

Рекомендуемая литература

Основная

Гельгардт Р. Р. О языковой норме // Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961.

Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978 (гл. 2. Понятие «языковая норма» в современной русистике. С. 36—52).

Крысин Л. П. Современная норма и её кодификация // Рус. язык в школе. 2002. № 1.

Дополнительная

Веселитский В. В. Норма и вариант // Русский язык в школе. 1967. № 5.

Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989.

Горбаневский М. В., Караулов Ю. Н., Шаклеин В. М. Не говори шершавым языком (О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ). М., 1999 (раздел «Типология ошибок»).

Граудина Л. К. Вопросы нормализации рус. языка: Грамматика и варианты. М., 1980.

Истрина Е. С. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.-Л., 1948.

Семенюк Н. Н. Норма // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970.

Скворцов Л. И. Нормы современного русского литературного языка // Русский язык в современном мире. М., 1974.

Филин Ф. П. О языковой норме // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспекте. М., 1976.

ЗАДАНИЯ

1. Определить принадлежность следующих слов разновидностям национального языка, привести литературные варианты: *оттудова*⁴²⁰, *кочет*⁴²¹, *жмурик*⁴²², *сваты́*, *общага*, *прикол*, *бурак*, *видак*, *поговорить за жизнь*, *ейный*, *прибалдеть*, *выбора́*, *втихаря*, *ихний*, *слесаря́*, *мягше*, *баксы*, *чаво?*

2. Проанализировать следующие определения нормы. 1) «Норма — это объективно существующие в данное время в данном языковом коллективе значения слов, их фонетическая структура, модели словообразования и словоизменения и их реальное наполнение, модели синтаксических единиц — и их реальное наполнение [Ицкович 1968: 5]⁴²³. 2) «Языковая норма — это кодифицированные, выбранные, наиболее регулярные реализации языковой системы» [Есаджанян 1975: 48]⁴²⁴. 3) «Всякий язык имеет свои нормы — правила, которым он подчиняется: правила произношения, выбора слов, использования грамматических форм» [Панов 1972: 11]. 4) «Норма — это принятые среди большинства говорящих на русском языке, сознательно поддерживаемые образованными людьми и предписываемые грамматиками и словарями образцовые способы употребления слов, форм слов и отдельных звуков» [Сергеева 2002: 121]. 5) «Под языковой нормой обычно понимают совокупность наиболее устойчивых, освящённых традицией языковых средств и правил их употребления, принятых в данном обществе в данную эпоху» [Крысин 2002: 82]

3. С. И. Ожегов [1955: 5—33] приводит ряд иноязычных слов, употребление которых, по мнению учёного, в современном ему языке «отнюдь не вызывалось насущной потребностью общения».

Определите степень целесообразности данных заимствований. Для этого следует подобрать такие контексты их употребления, в которых невозможно или нежелательно использование русских аналогов; как источник контекстов можно использовать толковые словари. О б р а з е ц: *пальпация* больного / *ощупывание* больного. Заимствование оправдано, поскольку наличие внутренней формы у русского аналога вызывает неуместные ассоциации.

Материал для анализа: *доминировать*⁴²⁵, *апробировать*⁴²⁶, *апеллировать*, *апелляция*⁴²⁷, *акклиматизировать*⁴²⁸, *экипировать*⁴²⁹, *элиминировать*⁴³⁰, *превалировать*, *импозантный*, *акцен-*

тировать, экстравагантный, эксцентричный, адепт, антураж, амигошество, амигошонский.

Подобрать и проанализировать по этой же методике заимствования, которые, на ваш взгляд, засоряют русский язык. Как источник материала можно использовать прессу.

4. Проанализировать следующие номинативные нововведения по следующим параметрам: 1) соответствие системе; 2) соответствие узусу; 3) коммуникативная целесообразность; 4) использование авторитетными носителями языка; 5) соответствие традиции; 6) кодифицированность.

Материал для анализа: 1) *звóнит, вклю́чит, бۇрит*⁴³¹; 2) *Я влюблён, я очарован, Словом, я **огончарован*** (А. С. Пушкин)⁴³²; 3) *Книжные магазины деградируют на глазах. Это сдача позиций ширпотребу и **комкам** в прямом смысле слова* (Книжное обозрение); 4) *хотишь, пекёшь*; 5) *Обращение интересно не столько декларативным текстом, сколько составом «**подписантов**»* (Моск. новости); 6) *электорат, бой-френд, киллер, ноу-хау*;⁴³³ 7) *маркётинг*.

5. Определить слова и словоформы, находящиеся в сфере действия: 1) императивных норм; 2) диспозитивных, «компромиссных» (допускающих варианты) норм: *в цехе*⁴³⁴, *в сквере*⁴³⁵, *звони́т, дои́т, бури́т, флюорография, в отпуске, ра́порт, наркомания, то́рты, ма́ркетинг, ина́че, эпилепсия, оплатить что-л., роди́лся, Бога, будничны́й, согласно договору, кварта́л*.

6. Указать случаи несоответствия нормы (кодификации) и узуса: *ве́рба, щавель, шелкови́ца, вклю́чит, брело́к — брело́ком, выборы, ве́нтили, новорождённый, зна́мение, курица кудахчет, краси́вее, ма́ркетинг, мозаи́чный, осуждённый, че́рпает воду, вода каплет из крана, недоуменно́*.

7. Найдите примеры, подтверждающие историческую изменчивость литературных норм. Для каждого случая ука-

жите нормы (лексико-семантические, орфоэпические, морфологические, синтаксические и др.), которые подверглись изменениям. 1. Пищу принял русский пленный И знаком ей благодарил (М. Ю. Лермонтов)⁴³⁶. 2. Но только с плеч беда долой, То избавителю от нас же часто худо; Все взапуски его ценят; И если он у нас не виноват, Так это чудо! (И. А. Крылов). 3. Судьба свершилась, о мой сын! (А. С. Пушкин)⁴³⁷. 4. Купчина выстроил анбары И в них поклат съестные все товары (И. А. Крылов)⁴³⁸. 5. Везде мои разбиты войска я, Парламентом отвергнут (В. А. Жуковский). 6. Так! Я паду в стране чужой, Далёко родины, изгнанником невинным (Д. В. Давыдов). 7. Дóмы были в один, два и полтора этажа с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов (Н. В. Гоголь). 8. В пустыне в полночь я вставал И пред Тобой, мой Бог, молился; Свой грехи воспоминал И мудрости Твоей дивился... Как правы все твои судьбы! (Ф. Глинка). 9. Затем что он равно зевал Средь модных и старинных зал (А. С. Пушкин). 10. Чичиков увидел, что старухахватила далеко и что необходимо нужно растолковать ей в чём дело (Н. В. Гоголь). 11. Девка немка: говорить не умеет, а всё разумеет (В. И. Даль). 12. Может быть, я имел бы свой кусок хлеба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетов, манжет и прочих вздоров (Д. И. Фонвизин. Бригадир)⁴³⁹. 13. В старину мошеннический промысел не считался зазорным, им занимались наравне с другими ремеслами, и в городах, например в Можайске, были целые улицы, по официальной переписи значившиеся как заселённые мошенниками (занимавшимися шитьём (кожаных) кошельков) (П. Н. Тиханов. Тайный язык нищих). 14. Слова *чувствительность*, *несчастливая любовь* стали шиболетом, лозунгом для входа в общество (А. Бестужев-Марлинский). 15. Да, правда: не свои беды — для вас забавы, Отец родной убейся — всё равно (А. С. Грибоедов). 16. Заснул сильно, крепко, заснул чудным образом, как спят одни только те счастливыцы, которые не ведают ни геморроя, ни блох, ни слишком сильных умственных способностей (Н. В. Гоголь).

17. Тут щекотливый Ярослав Ильич вопросительным взглядом устремился на Мурина (Ф. М. Достоевский)⁴⁴⁰. 18. Жуковский, милый друг! Долг красен платежом: Я прочитал стихи, тобой мне посвященны; Теперь прочти мои, биваком окурены И спрысканны вином! (Д. В. Давыдов). 19. Хвалу и клевету приемли равнодушно, и не оспóривай глупца (А. С. Пушкин). 20. Прости, Петрополь величавый, Невы державный полубог! (П. П. Ершов).

8. Определить тип отклонения от литературной нормы (неправильность, неблагозвучие, двусмысленность, однообразие, неточность, неясность, неуместность, алогизм, неправдоподобие). 1. Видаки фирмы «Toshiba» довольно надёжны (Аргументы и факты)⁴⁴¹. 2. То к темю их прижмёт, То их на хвост нанижет (И. А. Крылов). 3. Ничего не могу одеть! (А. Пугачёва). 4. И шаг твой землю тяготил (В. Я. Брюсов). 5. Это очередной дебютный альбом этой группы (ТВ). 6. Имя — это смысловой предел символично-смыслового становления эйдоса как умозрительной картины апофатической сущности предмета (Из учебника для студентов первого курса). 7. В венце из звезд, нетленная богиня, С задумчивой улыбкой на челе (А. Фет). 8. Здесь он [И. Северянин] много общался с русскими и эстонскими литераторами, в том числе с В. Маяковским и А. Толстым (Из предисловия к сборнику стихотворений И. Северянина). 9. Министр доложил о состоянии дел в министерстве иностранных дел (ТВ). 10. Она не раз спасала товарищей ценой своей жизни (Шк. соч.). 11. А у Ули глаза были большие, тёмно-карие (А. Фадеев). 12. Он облокотился спиной на батарею (Шк. соч.). 13. ООО «Оазис» (Название фирмы). 14. На митинг вышли протестанты (Из речи чиновника)⁴⁴². 15. Пассажиров теплохода решено эвакуировать с вертолётa (Интернет, 31 дек. 2013). 16. Нужны лучшие тренеры, а кто без хороших бабок сейчас будет честно работать? (Огонёк). 17. Лиза была домработницей в доме Фамусова (Шк. соч.). 18. Нормальное развитие нормы обеспечивается равнодействи-

ем сохранности традиции и коммуникативной целесообразности (Из монографии).

9. Указать, исправить и прокомментировать ортологическую ошибку, определить её тип: *произвести анализы текстов⁴⁴³, компроментирует⁴⁴⁴, различать текстовую аллюзию от исторической⁴⁴⁵, лазют по деревьям⁴⁴⁶, со сколько лет⁴⁴⁷, австралийское кенгуру, согласно приказа ректора, уволить в отставку, отзыв на диссертацию, железнодорожная рельса, пара ботинков, нужно изменение, сколько время, у кое-кого, крыть крышу тюлью, к первому сентябрю, реклама чулков, советское КГБ, дебютеры банка, часто ездют, установка жалюзей, оплатить за проезд, быстрее на 10,5 секунд, опротивят мне, представить займ, зрители «Санты-Барбары», 13 августа 1961 года ГДР приступило к возведению стены, Нам с вами нужно будет определиться вот о чём, Читая текст, возникает такое чувство сопереживания..., Большинство возражали, Период времени, о котором вы указываете..., Я извиняюсь, Те, кто знают это правило, вряд ли ошибётся, Решение принято пятидесятью голосами, Страна любила и гордилась поэтом, Ляжьте на пол, Окна закрыты тюлью, Им двигает чувство долга, Медведь — один из самых опасных животных; Вице-премьер был задержан сотрудниками ФСБ в аэропорту сразу по прилёту из Махачкалы в воскресенье.*

10. Подобрать правильные варианты сочетаемости: *одеть / надеть (очки, ребёнка, носки, куклу), подпись / ростись (хохломяская, поставить, доходов и расходов), коммандированные / командировочные (приехали, расходы), аппендикс / аппендицит (острый, удалить, приступ), представить / предоставить (гостя, слово, нового руководителя коллективу, ребёнок самому себе), стать / встать (с колен, на колени), бобр / бобёр (плывёт, крепко пришит), невежа / невежда (полный, невоспитанный, круглый, в физике), оплатить / уплатить (деньги, проезд, за проезд), освоить / усвоить (профессию, новый материал,*

урок, новые истребители), ванна / ванная (комната, принять, зайти в..., выложить плиткой), крёстный / крестный (ход, отец, звание).

Определите значение слова *невежа* в следующем контексте: *Как это, что́ мы ни начнём, Суды ли, общества ль учёны заведём, Едва успеем оглянуться, Как первые **невежи** тут вотрутся?* (И. А. Крылов).

Главным признаком паронимов является их регулярное смешение в речи. Можно ли, например, вслед за О. П. Антипиной [2012: 257—259] считать паронимами пары типа *темнеть / темнить*, *спасательный / спасительный*, *чернеть / чернить*, *кожаный / кожный*, *осудить / обсудить*, *женский / женственный*, *бедный / бедственный*?

11. Подумайте, какие нормы русского языка: 1) накладывают запрет на образование форм первого лица единственного числа от глаголов *убедить* и *победить*⁴⁴⁸; 2) заставили уйти из языка появившийся в 1970-е годы спортивный термин *канонист*⁴⁴⁹; 3) заставили использовать в быту слово *капрон* вместо дублетных терминов *поликапроамид* и *капроамидопласт*⁴⁵⁰.

12. Произнести следующие слова и словоформы в соответствии: а) с младшей; б) старшей нормой: *белит*, *блиндажа*, *бога*, *боюсь*, *варит*, *верны*, *вишневый*, *дотрагиваться*, *конгресс*, *коньяка*, *манит*, *мозаика*, *нужны*, *оспаривать*, *подростковый*, *скрипит*, *стенами*, *таинственный*.

13. Выписать из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» устарелые варианты. Указать нормы, которые подверглись изменениям. Подразделить в соответствии с типом изменившейся нормы на лексико-семантические, орфоэпические, акцентные, морфологические и синтаксические архаизмы и прокомментировать, где это возможно, причины изменений. При поиске орфоэпических архаизмов обращать внимание на ритм и опорные рифмы. Образец: *Да, правда: не свои беды — для*

вас забавы, Отец родной убейся — всё равно. Беды (им. мн.) — акцентный архаизм. Переакцентовка (*свои беды* → *свои беды*) произошла по закону омонимического отталкивания с целью противопоставления ранее совпадавших форм род. ед. и им. мн. (своей *беды* = *свои беды*).

14. Л. П. Крысин [2008: 14—18] полагает, что в связи с «вхождением в публичную жизнь таких групп людей, которые в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами» происходит смягчение литературной нормы и «допущение в литературный речевой оборот таких средств, которые до недавнего времени считались принадлежностью некодифицированных подсистем русского национального языка»: им. множ. *тросА, вызовА, срокА; под светом юпитерОв, великих скульпторОв; крутой* (о решительном и хладнокровном человеке), *тусовка, лимон* (миллион), *кинуть* (обмануть) и др. Можно ли считать такие выражения принадлежащими «литературному речевому обороту»?⁴⁵¹ Своё мнение аргументируйте, для этого оцените данные выражения с точки зрения нормы.

15. Подберите языковые примеры, демонстрирующие правильность следующего утверждения: «Развитие языков вообще складывается прежде всего из изменений, которые вначале с точки зрения действующей нормы воспринимались как ошибки» [Матезиус 1967: 380].

Литература

- Абакумов С. И. Современный русский литературный язык. М., 1942.
- Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972 (1-е изд. 1950).
- Аванесов Р. И. О нормах рус. лит. произношения // Рус. язык в шк. 1961. № 6.
- Аванесов Р. И. Ударение в совр. рус. литературном языке. М., 1958 (1-е изд. 1955).
- Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов Р. И., Сидоров В. И. Очерк грамматики рус. лит. языка. Ч. 1. М., 1945.
- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1993.
- Алексеев А. Я. Относительно вариантности в словообразовании // Языковая норма и вариантность. Днепропетровск, 1981.
- Алексеев Д. И. О понятии вариативности и вариантах слова // Вопросы теории и методики русского языка. Ульяновск, 1969.
- Антипина О. П. Фонологическая типология паронимов современного русского языка // Вестник Башкирского ун-та. 2012. Т. 17. № 1.
- Антонова О. В. О рефлексах старомосковского произношения в современной звучащей речи // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13).
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
- Ахманова О. С. О фонетических и морфологических вариантах слова // Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию: сб. ст. М., 1956.
- Ахманова О. С., Бельчиков Ю. А., Веселитский В. В. К вопросу о «правильности» речи // Вопросы языкознания. 1960. № 2.
- Байкин В. С. Причины колебания ударения в рус. литературном языке. Чита, 1958.
- Баранников А. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Учён. зап. Самар. ун-та. Самара, 1919. Вып. 2.

Барина Г. А. Глава шестая. Судьба слабых членов консонантной системы // Рус. язык и советское общество. Фонетика современного рус. литературного языка. М., 1968.

Басовская Е. Н. Пресса в борьбе за «чистоту языка»: проблема эффективности (на материале «Литературной газеты» 1929—1984 гг.) // Медиаскоп. 2011. № 1.

Басовская Е. Н. Советский лингвистический пуризм: слово и дело (на материале периодики 1920—1930-х гг.) // Вестник Российского гос. гуманитарного ун-та. 2011 а. № 7.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М., 2001.

Бельчиков Ю. А. О нормах лит. речи // Вопросы культуры речи. Вып. 6. 1965.

Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Словарь паронимов совр. рус. языка. М., 1994.

Бережан С. Г. О синонимичности однокоренных слов с разной аффиксальной частью // Лексическая синонимия. М., 1967.

Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.

Бешенкова Е. В. Орфографическая вариативность в узусе, норме и кодификации // Вопросы культуры речи. М., 2012.

Блинова О. И. Лексико-фонетическое варьирование слова в диалектах // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 1. Томск, 1966.

Богомазов Г. М. Современный русский литературный язык: Фонетика. М., 2001.

Богуславская Н. Е., Капинос В. И., Купалова А. Ю. и др. Методика развития речи на уроках русского языка: кн. для учителя / под ред. Т. А. Ладыженской. М., 1991.

Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Бондалетов В. Д., Вартапетова С. С., Кушлина Э. Н., Леонова Н. А. Стилистика русского языка. Л., 1989.

Бондарко Л. В. Ударение // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.

Бондарко Л. В. Фонетич. описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Щербакова Л. П. Об определении места ударения в слове // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 32. 1973. № 2.

Борисенко В. В. Разные типы произношения в устной научной речи // Современная рус. устная научная речь. Т. 1. Общие свойства и фонетич. особенности. Красноярск, 1985.

Борунова С. Н. Фрагмент комментария к «Орфоэпическому словарю русского языка». Побочное ударение // Вопросы культуры речи. М., 2007.

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпич. словарь рус. языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. 9-е изд. М., 2001.

Брагина А. А. Синонимы в литературном языке. М., 1986.

Букчина Б. З. Орфографические варианты // Лит. норма и вариантность. М., 1981.

Булаховский Л. А. Рус. ударение заимствованных слов // Рус. язык в shk. 1956. № 4.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. 1. Киев, 1952.

Бунамес Н. В. Андрогенность языка и проблемы синтагматики категории рода // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 382.

Буторин Д. И. Употребление в распределительном значении количественных числительных с предлогом по // Вопросы культуры речи. М., 1964. Вып. 5.

Вавилов В. А. Литературно-стилистические нормы образования и употребления деепричастий в современном русском языке // Русский язык в школе. 1970. № 6.

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.

Вартапетова С. С. Об образованиях «матч-реванш» и «матч-турнир» // Русский язык в школе. 1971. № 3.

Введенская Л. А. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения. М., 2003.

Вербицкая Л. А. Роль языковой нормы в практике обучения русскому языку // Вестник Моск. гос. гуманитарного ун-та. Филол. науки. 2011. № 1.

Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. М., 2001.

Вербицкая Л. А. Современное русское литературное произношение. Л., 1987.

Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л., 1976.

Вербицкая Л. А., Богданова Н. В., Складневская Г. Н. Давайте говорить правильно! Трудности совр. рус. произношения и ударения: крат. слов.-справ. СПб.; М., 2005.

Вещикова И. А. Лексикографические издания орфоэпического типа в контексте современной языковой ситуации // Вестник Тамб. ун-та. Гуманитарные науки. 2007. № 11.

Вещикова И. А. Орфоэпия: основы теории и прикладные аспекты. М., 2007.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Внешняя форма слова и его национально-культурная семантика // Рус. язык: языковые значения в функц. и эстетич. аспектах. М., 1987.

Веселитский В. В. Норма и вариант // Русский язык в школе. 1967. № 5.

Виноградов В. В. Очерки по истории рус. лит. языка XVII—XIX вв. М., 1982.

Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопр. языкозн. 1960. № 5.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.

Виноградов В. В. О формах слова // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1944. Т. 3. Вып. 1.

Винокур Г. О. Русское сценическое произношение. М., 1948.

Винокур Г. О. О славянизмах в совр. рус. лит. языке // Рус. яз. в shk. 1947. № 4.

Вишнякова О. В. Паронимия как языковое явление // Вопр. языкознания. 1981. № 2.

Воронцова В. Л. Аакцентные варианты профессиональной речи и их лексикографическое отражение // Вопросы культуры речи. М., 2007.

Воронцова В. Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 2000.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII—XX вв. М., 1979.

Воронцова В. Л. Варианты флексий -ов и о в родительном падеже множественного числа существительных мужского рода // Социально-лингвистич. исследования. М., 1976.

Воронцова В. Л. Ещё раз о произношении [ʏс'] // Развитие фонетики рус. языка. М., 1971.

Воронцова В. Л. О произношении слова «мушкетёр» // Русская речь. 1970. № 1.

Воронцова В. Л. О нормах ударения в глаголах на -ить в современном русском литературном языке // Вопросы культуры речи. Вып. 2. М., 1959.

Воронцова В. Л., Дерябина А. С. Ударение в профессиональной речи. Имена прилагательные // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986.

Востоков А. Сокращенная русская грамматика. СПб., 1835.

Ганиев Ж. В. Русский язык: Фонетика и орфоэпия. М., 1990.

Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965.

Гельгардт Р. Р. О языковой норме // Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961.

Германова Н. Н. История нормирования ящыка как раздел истории лингвистич. учений: проблематика и концептуальный аппарат // Вестник Моск. гос. лингвистич. ун-та. 2010. № 603.

Гимпелевич В. С. Лексико-фонетические варианты и толково-исторические словари // Филологические науки. 1974. № 2.

Гимпелевич В. С. Акцентологические наблюдения над прилагательными с суффиксом -ов (-ев) // Рус. язык в школе. 1971. № 1.

Гловинская М. Я. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного рус. языка. Фонологич. подсистемы. М., 1971.

Гловинская М. Я. Глава девятая. Развитие фонетич. системы заимствованных слов // Рус. язык и советское общество. Фонетика современного рус. лит. языка. М., 1968.

Головин Б. Н. Как говорить правильно. Заметки о культуре русской речи. М., 1988.

Головина Э. Д. К типологии языковой вариантности // Вопр. языкознания. 1983. № 2.

Голуб И. Б. Стилистика рус. языка. М., 1997.

Горбачевич К. С. Современный орфоэпический словарь русского языка. Все трудности произношения и ударения. М., 2009.

Горбачевич К. С. Варианты языковые // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.

Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978 (а).

Горбачевич К. С. О нормах употребления сложносоставных слов // Рус. яз. в шк. 1977. № 2.

Горбачевич К. С. О грамматич. аналогии (мучит — мучает) // Рус. речь. 1976. № 4.

Горбачевич К. С. Вариантность слова как лексико-грамматический феномен // Вопросы языкознания. 1975. № 1.

Горбачевич К. С. О фонетических предпосылках некоторых акцентологических изменений в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1975. № 6 (а).

Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1975(б).

Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.

Горобец Е. А. Отражение вариативности глаголов на -изова- и -изирова- в словарях современного русского языка // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12.

Горшков А. И. Вопрос о вариантности норм в связи с пониманием языка как системы систем // Литературная норма и вариантность. М., 1981.

Граудина Л. К. Варианты языковые // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.

Граудина Л. К. О современной концепции отечественной риторики и культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Граудина Л. К. К истории нормализации вариантов в грамматиках (нач. XX в. — 60-е годы) // Литературная норма и вариантность. М., 1981.

Граудина Л. К. Вопросы нормализации рус. языка: Грамматика и варианты. М., 1980.

Граудина Л. К. Глава девятая. Стилистические изменения в морфологии. Противопоставленность форм типа песка — песку // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

Граудина Л. К. Носков или носок? // Вопросы культуры речи. Вып. 6. М., 1965.

Граудина Л. К. О нулевой форме род. мн. у существительных мужского рода // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

Граудина Л. К. Развитие нулевой формы род. мн. у существительных — единиц измерения // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964(а).

Граудина Л. К. К истории неполногласных вариантов в русской поэзии второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Граудина Л. К., Миськевич Г. И. Теория и практика русского красноречия. М., 1989.

Грехнева Г. М. Существует ли чистота как отдельное коммуникативное качество? // Вестник Нижегород. ун-та. 2010. № 4.

Гречко В. А. Однокоренные синонимы и варианты слова // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.-Л., 1966.

Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии (Перспект). М., 1965.

Грот Я. К. О русском ударении вообще и об ударении имён существительных // Грот Я. К. Труды. Т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899.

Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М., 1971.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы её описания. М., 1993.

Дешеулина Л. Н. Дефектность парадигмы как проявление варианности в языке // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 1.

Дионисий Галикарнасский. О сочетании имен // Античные теории языка и стиля. СПб., 1996.

Дмитриев Н. К. Ударение в русских словах тюркского происхождения // Сборник статей по языкознанию. Памяти М. В. Сергиевского. М., 1961.

Добродомов И. Г. [Дз]е[тс]и в Москве // Развитие фонетики совр. рус. лит. языка. М., 1971.

Домин Я. Существительные мужского рода на -а (-я) в именительном падеже множественного числа // Русский язык в школе. 1967. № 6.

Домин Я. К вопросу о вариантных формах падежей имён сущ. // Рус. яз. в shk. 1963. № 5.

Дружинина А. Ф. Глаголы, не имеющие форм 1-го лица ед. числа // Рус. яз. в shk. 1962. № 4.

Дурново Н. Н. О склонении в современном великорус. языке // Вопр. языкозн. 1971. № 4.

Едличка А. О пражской теории лит. языка // Пражский лингвистич. кружок. М., 1967.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. I.

Есаджанян Н. Н. Система, норма, узус в обучении рус. языку в нац. школе // Рус. язык в нац. школе. 1975. № 6.

Еськова Н. А. О морфологич. и морфонологич. соотношениях между флексиями род. падежа множ. числа сущ. в совр. рус. языке // Еськова Н. А. Избр. работы по русистике. М., 2011.

Еськова Н. А. Лингвистический комментарий к «Орфоэпич. словарю рус. языка». М., 2005.

Еськова Н. А. На надоевшую тему о глаголах одеть и надеть // Рус. речь. 2003. № 2.

Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 1994.

Еськова Н. А. О недостаточности действующего правила употребления так называемой буквы ё // Вопросы культуры речи. М., 1967. Вып. 8.

Еськова Н. А. Образование синтетических форм степеней сравнения в современном литературном языке // Развитие грамматики и лексики современного рус. языка. М., 1964.

Еськова Н. А. О некоторых формах сравн. степени // Вопр. культуры речи. М., 1961. Вып. 3.

Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. СПб., 1996.

Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

Залевская А. А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 2008.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

Зализняк А. А. К вопросу о грамматических категориях рода и одушевлённости в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1964. № 4.

Зализняк А. А. «Условное ударение» в рус. словоизменении // Вopr. языкозн. 1964. № 1 (а).

Зарва М. В. Правила произношения // Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений русского языка. М., 1984.

Зарва М. В. Орфоэпия // Современный русский язык. Ч. 1. М., 1979.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистич. анализ и проблемы обучения. М., 1987.

Земская Е. А. Русская разговорная речь (Проспект). М., 1968.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.

Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи. М., 1981.

Златоустова Л. В. Типы эмфатического ударения в русском литературном языке // Учёные записки Казанского университета. 1957. Т. 117. Вып. 2.

Иванникова Е. А. К вопросу о взаимоотношении понятия варианта с понятием синонима // Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1977.

Иванова Т. А. Из истории именного склонения (К вопросу о происхождении им.-вин. падежа мн. ч. м. р. на -а в русском языке // Вопросы языкознания. 1957. № 6.

Иванова Т. Б. Стилистич. ошибка (недочёт) // Стил. энцикл. словарь рус. языка. М., 2003.

Иванова Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы. М., 2004.

Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.

Ильина Н. Е. Рост аналитизма в морфологии // Рус. яз. конца XX столетия. М., 2000.

Ильина Н. Е. Глагольные варианты с чередованием -ну-/нуль суффикса в основе // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Истрина Е. С. Нормы литературного языка и культура речи. М.; Л., 1948.

Ицкович В. А. Норма и её кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

- Ицкович В. А. Языковая норма. М., 1968.
- Казакова К. А. Классификация речевых ошибок // Рус. яз. в shk. 1973. № 5.
- Кайдалова А. И., Калинина И. К. Современная русская орфография. М., 1973.
- Каламова Н. А. О спряжении глагола // Русская речь. 1990. № 4.
- Каленчук М. А., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей рус. произношения. М., 2006.
- Калинин А. В. Диалектизмы в стихотворениях С. Есенина // Вопросы стилистики. М., 1966.
- Капранов В. А. Фонетич. вариантность слов и синонимия // Лексич. синонимия. М., 1967.
- Касаткин Л. Л. Заметки по русской орфоэпии // Проблемы фонетики. М., 2007.
- Касаткин Л. Л. Факторы, определяющие течение фонетического процесса — изменения $C'C' > CC'$ в современном рус. языке // Рус. язык в научном освещении. 2003. № 6 (2).
- Касаткин Л. Л. Фонетика. Орфоэпия // Краткий справочник по совр. рус. языку. М., 1991.
- Касаткин Л. Л. Новая ступень в развитии системы гласных русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
- Каспранский Р. Р. Понятие нормы и явление вариативности в теории реализации // Нормы реализации. Варьирование языковых средств. Горький, 1976.
- Катлинская Л. П. Лит. норма и речевые ошибки // Рус. яз. в нац. shk. 1976. № 6.
- Катлинская Л. П. *Зимой ~ зимою* // Русская речь. 1969. № 3.
- Качевская Г. А. Домишко, амбаришко // Русская речь. 1969. № 1.
- Качевская Г. А. Нужно ли склонять географические названия типа *Роцино, Шувалово?* // Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.-Л., 1966.
- Киселёва О. Б. Формирование акцентологич. и произносительных норм в речи младших школьников // Вестник Моск. гос. гуманитарного ун-та. Филол. науки. 2011. № 4.
- Китайгородская М. В. Вариативность в выражении рода существительных при обозначении женщин по профессии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Коготкова Т. С. Ошибки в произношении иностранных слов // Рус. речь. 1969. № 1.

Кодухов В. И. Рассказы о синонимах. М., 1984.

Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974.

Кодухов В. И. Считаете ли вы необходимым различение вариантов синтаксических единиц? // Филол. науки. 1961. № 4.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1983.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М., 2010.

Колесников Н. П. Словарь паронимов и антонимов. Ростов-на-Дону, 1995.

Колесников Н. П. О смысловозначительной роли буквы ё // Рус. яз. в шк. 1967. № 4.

Колесников Н. П. Паронимия в современном рус. языке // Рус. яз. в шк. 1961. № 3.

Колесов В. В. Именная акцентуация в древнерусском языке: АДД. Л., 1968.

Конева Е. А. Смешение паронимов: ошибка или оговорка // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2011. № 2.

Крушевский И. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.

Копецкий Л. В. Типы склонения рус. сущ. муж. рода // Вопр. языкозн. 1970. № 3.

Копорская Е. С. О некоторых факторах возникновения лексич. вариантности в рус. литературном языке XVIII — начала XIX в. // Литературная норма и вариантность. М., 1981.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.

Костромина Н. В. Синонимия однокоренных прилагательных в рус. лит. языке первых десятилетий XIX в. // Филол. науки. 1961. № 1.

Крысин Л. П. Активные процессы в литературном языке // Совр. рус. язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI вв. М., 2008.

Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М., 2008 (а).

Крысин Л. П. Языковая норма: жёсткость vs. толерантность // Масовая культура на рубеже XX—XXI веков: Человек и его дискурс. М., 2003.

Крысин Л. П. Современная норма и её кодификация // Рус. язык в школе. 2002. № 1.

Крысин Л. П. К социальным различиям в использовании вариантов // Вопросы языкознания. 1973. № 3.

Кузнецов П. С. К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении // Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М., 1965.

Кузнецов П. С. Очерк исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Кузнецова А. В., Филиппова О. В. Логические ошибки в речи учащихся и упражнения по их предупреждению // Вестник Мордовского ун-та. 2011. № 1.

Кузнецова И. Н. О паронимии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Х. Филология. 1976. № 1.

Кузнецова Л. Н. Варианты диалектного произношения в сценической речи // Литературная норма и вариантность. М., 1981.

Кузьмина Р. В. Фонетическая вариативность языковых единиц // Вестник гуманитарного факультета Ивановского гос. химико-технологич. ун-та. 2008. № 3.

Кузьмина С. М. Глава седьмая. Взаимодействие фонетики и грамматики. Процесс замены в возвратной частице твёрдого [с] мягким // Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1968.

Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2011.

Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник-практикум. М., 2001.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 2000.

Куркина Т. С. Сложносокращённые слова в словообразовательной и грамматической системах русского языка // Вестник Моск. гос. обл. гуманитарного ин-та. Серия «Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2013. № 2.

Кутина Л. Л., Биржакова Е. Э. Слово и его варианты // Словарь русского языка XVIII века: Проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.

Лазуткина Е. М. Языковая система — узус — норма (об основных аспектах теории языковой нормы) // Вопросы культуры речи. М., 2012.

Лаптева О. А. Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002.

Лейчик В. М., Скороходова Е. Ю. И смех и грех. Некоторые ошибки абитуриентов в работах по русскому языку и причины их появления // Русская словесность. 2004. № 6.

Логинова И. М. Ритмическая организация русского слова и современная орфоэпия // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2005. № 2.

Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7.

Ломтев Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксич. единиц // Филол. науки. 1962. № 1.

Львов М. Р. Риторика. Культура речи. М., 2002.

Львов М. Р. Речь младших школьников и пути её развития. М., 1975.

Маринова Е. В. Варьирование рода новых иноязычных слов и проблема нормы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ин-та лингвистич. исследований. 2012. Т. VIII. № 3.

Матезиус В. О необходимости стабильности литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996.

Миртов А. В. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны // Вопросы языкознания. 1953. № 4.

Мистюк Т. Л. Типология лексических ошибок студентов нефилологических специальностей в курсе «Русский язык и культура речи» // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5.

Мистюк Т. Л. Термин «речевая ошибка» в современной практике преподавания русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 4.

Миськевич Г. И. Из наблюдений над словообразовательными вариантами // Литературная норма и вариантность. М., 1981.

Михайлова О. А. Кодификация орфоэпических норм в отечественной ортологической лексикографии: к вопросу о различиях // Вопросы культуры речи. М., 2011.

Михайловская Н. Г. К вопросу о категории вариантности (существительные на *-ие/-ье* в языке Б. Пастернака) // Вопросы культуры речи. Вып. 8. М., 1967.

Москальская О. И. Вариантность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка // Норма и социальная дифференциация языка. М., 1967.

Москвин В. П. Недостаточные глаголы: к уточнению понятия // Russian Linguistics. Vol. 39. 2015. № 2.

Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры. Терминологический словарь. М., 2007.

Москвин В. П. Разговорная речь как система // Русская речь. 2005. № 4.

Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.

Мучник И. П. Глава вторая. Формирование особого подкласса существительных общего рода // Рус. яз. и советское общество: Морфология и синтаксис совр. рус. литературного языка. М., 1968.

Мучник И. П. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в совр. рус. лит. языке // Развитие грамматики и лексики в совр. рус. языке. М., 1964.

Мучник И. П. Категория рода и её развитие в современном русском литературном языке // Развитие современного русского языка. М., 1963.

Мучник И. П., Граудина Л. К. Рост элементов аналитизма в современном склонении // Рус. яз. и советское общество: Морфология и синтаксис совр. рус. литературного языка. М., 1968.

Нейман Б. Работа Пушкина над текстом «Капитанской дочки» // Филол. науки. 1961. № 4.

Немченко В. Н. Вариативность глаголов с элементом *-ну-* и без него в современном рус. языке // Вестник Нижегород. ун-та. Серия «Филология». 1999. № 1.

Немченко В. Н. Вариантность языковых единиц. Типология вариантов в современном русском языке. Красноярск, 1990.

Немченко В. Н. *Галифе* — *широкое* или *широкие* // Русская речь. 1986. № 4.

Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997.

Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960.

Обнорский С. П., рец.: Русское литературное ударение и произношение: Опыт словаря-справочника. М., 1955 // Русский язык в школе. 1956. № 5.

Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Л., 1931.

Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

Ожегов С. И. Лексика // Рус. язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1967.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 23-е изд. М., 1991.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 10-е изд. М., 1973.

Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи // Вопр. культуры речи. Вып. 2. М., 1955.

Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. 9-е изд. М., 2001.

Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Первое рассуждение: О буквах и слогах. СПб., 1850.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVII—XX вв. М., 1990.

Панов М. В. О литературном языке // Рус. язык в национальной школе. 1972. № 1.

Панов М. В. Глава первая. Вступление // Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1968.

Панов М. В. Глава вторая. Уменьшение средней информации гласных // Рус. язык и советское общество. Фонетика современного рус. литературного языка. М., 1968 (а).

Панов М. В. Глава третья. Устранение фонетич. «фразеологизмов» // Рус. язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1968 (б).

Панов М. В. Глава восьмая. Стилистические изменения в фонетике // Рус. язык и советское общество: Фонетика современного рус. лит. языка. М., 1968.

Панфилов А. К. Уважаемый товарищ или уважаемая товарищ? // Вопросы культуры речи. Вып. 6. М., 1965.

Пеньковский А. Б. О некоторых закономерностях усвоения орфоэпических норм (г смычное и γ фрикативное) // Вопросы культуры речи. Вып. 8. М., 1967.

Пеньковский А. Б. Лингвистическое обоснование приёмов работы по устранению диалектного фрикативного γ из речи учащихся // Русский язык в школе. 1967. № 3 (а).

Петрищева Е. Ф. К вопросу о критериях нормативности // Вопросы культуры речи. Вып. 8. М., 1967.

Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избр. тр. М., 1959.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.

Пешковский А. М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика: сб. ст. М.-Л., 1925.

Пирогова Н. К. О нормах и колебаниях в ударении // Филол. науки. 1967. № 3.

Плёткин Н. А. Предупреждение стилистич. ошибок на уроках рус. языка. Л., 1964.

Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Попова З. Д. К вопросу о синтаксич. вариантах // Филологические науки. 1968. № 6.

Протченко И. Ф. Формы глагола и прилагательного в сочетании с названиями лиц женского пола // Вопросы культуры речи. М., 1961. Вып. 3.

Прохорова И. О., Колесникова Э. В. «Которых мы должны принять за образцы»: заметки о сценической речи (на материале спектакля МДТ «Дядя Ваня») // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия «Вопросы образования. Языки и специальность». 2010. № 1.

Пугина И. А. Норма и вариативность // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3.

Райский С. И. Работа над речевыми ошибками в изложениях и сочинениях. М., 2006.

Рамазанова Л. Г. Стилистические ошибки в употреблении фразеологизмов // Социогуманитарный вестник. 2011. № 2.

Распопов И. П. Смысловые и стилистические функции логического ударения // Русский язык в школе. 1957. № 4.

Редькин В. А. Ударение // Грамматика современного рус. лит. языка. М., 1970.

Редькин В. А. К акцентологич. закону Хартмана // Слав. и балт. акцентология. М., 1964.

Редькин В. А. Рец. на кн.: Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962 // Вопросы языкознания. 1963. № 3.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1996 (1-е изд. 1947).

Реформатский А. А. «[ʏс']» // Вопросы культуры речи. М., 1966. Вып. 7.

Реформатский А. А. О фоно-морфологической делимитации слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.

Реформатский А. А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Русский язык в национальной школе. 1961. № 6.

Реформатский А. А. Обучение произношению и фонология // Филол. науки. 1959. № 2.

Рогожникова Р. П. Соотношение вариантов слова, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия. М., 1967.

Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. М., 1966.

Рогожникова Р. П. Варианты предлогов и приставок // Рус. язык в школе. 1964. № 6.

Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистич. терминов. М., 1976.

Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980.

Русская диалектология / под ред. В. В. Колесова. М., 1998.

Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

Сводный словарь современной рус. лексики: в 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. М., 1991.

Саенко Л. П. Понятие лингвистической нормы в современном русском языке // Международное образование и сотрудничество М., 2012.

Сатина Т. В. Особенности раскрытия темы «Орфоэпические нормы русского языка» в аспекте преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3.

Семенюк Н. Н. Норма // Общее языкознание. М., 1970.

Семенюк Н. Н. Норма языковая // Лингвистич. энциклопедический словарь. М., 1990.

Семенюк Н. Н. Некот. вопросы изучения вариантности // Вопр. языкозн. 1965. № 1.

Сергеева Е. В. История развития норм рус. лит. языка // Рус. язык и культура речи. М., 2002.

Сергеева Е. В. Стилистич. нормы рус. языка // Рус. язык и культура речи. М., 2002.

Сиротинина О. Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1.

Скворцов Л. И. Норма языковая // Русский язык: энциклопедия. М., 1997.

Скворцов Л. И. Норма. Литературный язык. Культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

Словарь синонимов / ред. А. П. Евгеньева. Л., 1977.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.

Смирницкий А. И. Лексическое и грамматич. в слове // Вопросы грамматич. строя. М., 1955.

Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. 4. М., 1954.

Смирнов И. Н. Избыточность в сфере глагольного слово- и формообразования // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ин-та лингвистич. исследований. 2010. Т. 6. № 2.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888.

Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2.

Солнцев В. М. О понятии уровня языковой системы // Вопр. языкознания. 1972. № 3.

Соловейчик М. С. Нарушение языковых норм в письменной речи младших школьников // Начальная школа. 1979. № 5.

Соловьёв Н. В. Словарь правильной рус. речи. М., 2008.

Соловьёв Н. В. Туфля // Русская речь. 1969. № 1.

Станишева Д. С. Второй родительный в падежной системе русского языка // Вопросы языкознания. 1971. № 6.

Стеблин-Каменский М. И. Возможно ли планирование языкового развития? // Вопросы языкознания. 1968. № 3.

Степаненко В. А. Характеристики языка СМИ как выразителя языковой нормы // Вестник Центра международного образования Моск. гос. ун-та. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. Т. 1.

Судаков Г. В. Русская речь конца XVIII в. в оценке современницы // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2013. Т. 1. № 2.

Сумкина А. И. Глава девятая. Стилистические изменения в морфологии. Противопоставленность форм типа катеры — катера // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

Суперанская А. В. Ударение в заимствованных словах в совр. рус. языке. М., 1968.

Суперанская А. В. Ударение в собственных именах в совр. рус. языке. М., 1966.

Суперанская А. В. Род заимствованных существительных в современном русском языке // Вопросы культуры речи. Вып. 6. М., 1965.

Суперанская А. В. Написание заимствованных слов в современном рус. языке // Проблемы современного рус. правописания. М., 1964.

Суханова М. С. Осн. сведения об ударении // Рус. грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980.

Суханова М. С. Ударение существительных // Рус. грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980.

Суханова М. С. Ударение прилагательных // Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980.

Суханова М. С. Ударение глаголов // Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М., 1980.

Тарабрин Л. А. О паронимах // Русский язык в школе. 1963. № 6.

Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь рус. личных имён. М., 1995.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.

Томашевский Б. В. Стих и язык. М.-Л., 1959.

Трубецкой Н. С. Общеслав. элемент в рус. культуре // Вопр. языкозн. 1990. № 2.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

Турко У. И. К вопросу об орфографии вариантов иноязычных заимствований // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10.

Успенский В. А. Субъективные заметки о неправильной норме // Рус. язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. М., 2006.

Ушаков Д. Н. Русский язык. М., 1995.

Ушаков Д. Н. Произношение // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1994.

Ушаков Д. Н. Московское произношение // Русская речь. 1968. № 2.

Федянина Н. А. Ударение как проблема культуры речи // Вопросы культуры речи. М., 2011.

Федянина Н. А. Ударение в современном русском языке. М., 1982.

Филин Ф. П. О языковой норме // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспекте. М., 1976.

Филин Ф. П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи // Вопросы культуры речи. Вып. 7. М., 1966.

Филин Ф. П. О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках разных типов. М.-Л., 1963.

Фоменко Ю. В. О принципах классификации ошибок в письменных работах школьников // Русский язык в школе. 1973. № 1.

Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение // Избр. тр. Т. 1. М., 1956.

Хавин П. Я. Об управлении при слове «некролог» // Вопр. культуры речи. М., 1963. Вып. 4.

Хаззагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе рус. именного склонения. М., 1973.

Хакимова Е. М. Словообразовательная норма как ортологический тип // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4.

Ханпира Эр. О нелитературном варианте глагола «побрить» // Рус. яз. в shk. 1963. № 3.

Хрымова М. Б. Основы русской орфоэпии // Русский язык и культура речи. М., 2002.

Цейтлин Р. М. Об одной старой ошибке в словоупотреблении (надеть и одеть) // Вопросы культуры речи. М., 1963. Вып. 4.

Цейтлин Р. М. Употребление полногласных и неполногласных вариантов в художественной речи карамзинско-пушкинского времени // Докл. и сообщ. филол. ф-та Моск. ун-та. М., 1949. Вып. 8.

Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994.

Цупикова Е. В. Явление вариативности языкового знака как способ адекватного выражения семантики и прагматики в тексте в курсе семасиологии русского языка // Вестник Российского ун-та друж-

бы народов. Серия «Вопросы образования. Языки и специальность». 2009. № 2.

Черемисин П. Г. К вопросу о классификации речевых ошибок в сочинениях учащихся средней школы // Русский язык в школе. 1973. № 2.

Черемисина Н. А. Развитие точности и лаконичности связной речи в процессе обучения сжатому изложению // Начальная школа. 2012. № 10.

Чернышёв В. И. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М., 1970.

Чуковский К. От двух до пяти. М., 1957 (раздел «Народная этимология», с. 29—35).

Чумаков В. Т. Буква ё в современном рус. языке // Народное образование. 2010 а. № 6.

Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.

Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 1. М., 1987.

Шаповалова Т. А. Стилистические упражнения на уроках русского языка. М., 1967.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 2001.

Шведова Н. Ю. Вариативность как всепроникающее явление (на примере лексического множества) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 3.

Шведова Н. Ю. Активные процессы в совр. рус. синтаксисе. М., 1966.

Шелюто Г. А. Русское ударение. Ч. 1. Ужгород, 1962.

Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.

Шендельс Е. И. Синтаксические варианты // Филологические науки. 1962. № 1.

Шмелёв А. Д. Распространённая ошибка или новая норма: как отличить одно от другого? // Отечественные записки. 2014. № 2 (59).

Шмелёв Д. Н. Лит. язык и язык худож. литературы // Рус. яз. в нац. школе. 1960. № 4.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Ярошенко О. А. Штрихи к речевому портрету русского интеллигента // Вестник Иркут. гос. лингвистич. ун-та. 2010. № 3.

Aristotelis De rhetorica libri tres. Oxonii, 1833.

Ciceronis, ut ferunt, Rhetoricorum ad Herennium libri quattuor. Lipsiae, 1828.

Dionysii Halicarnassensis De vi Demosthenis // Opera omnia. Vol. VI. Lipsiae, 1774.

Dupriez B. A Dictionary of Literary Devices: gradus, A-Z. Univ. of Toronto Press, 1991.

Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Odysseam. T. II. Lipsiae, 1826.

Hartung W. Sprachnormen und / oder kommunikative Normen // Deutsch als Fremdsprache. Vol. 21. 1984. № 5.

Linacre Th. De Emendata Structura Latini sermonis libri sex. Londini, 1524.

Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854.

ОТВЕТЫ К НАИБОЛЕЕ СЛОЖНЫМ ЗАДАНИЯМ

(Endnotes)

¹ Этот термин не освоен живой народной речью, отсюда произношение *ар[тэ]рия*.

² Это слово пришло в русский язык недавно, фиксируется словарями только с середины 1990-х годов, т. е. не успело пройти этап фонетической адаптации, отсюда произношение *бар[тэ]р*.

³ В шутливо-ироническом произношении: *эдакий б[рунэ]т*.

⁴ Произносится *гро[тэ]ск*, поскольку это слово книжное, редко используемое.

⁵ Слово освоено русским языком, о чём говорит значительное количество дериватов: *деканский, деканство, замдекана, деканат, деканатский*. Отсюда — произношение [д'е]кан.

⁶ Это оним, не освоенный живой народной речью, отсюда произношение [Дэ]карт.

⁷ Произносится в зависимости от значения: [м']етр 'единица измерения' / [мэ]тр 'наставник'. Для второго значения используется орфографический вариант *мэтр*.

⁸ В произношении одесситов: *О[дэ]сса* (под влиянием украинского языка).

⁹ В манерном и ироническом произношении: *юный тию[нэ]р*.

¹⁰ В высокой и торжественной речи: *со[нэ]т*.

¹¹ Устарелое, однако вполне допустимое произношение: *стра[тэ]гия*.

¹² Звуки [д], [т], реже — [з], [м], [н].

¹³ Это короткое двусложное слово; произношение таких слов с кратким корневым согласным ведёт либо к их искажению до неузнаваемости, либо к двусмыслице, ср. *ви[лл]ы* / *ви[л]ы*.

¹⁴ Это многосложное, фонетически неосвоенное слово; в таких словах произносится долгий корневой согласный: *а[сс]онанс*.

¹⁵ Это многосложное, фонетически освоенное слово; в таких словах произносится краткий корневой согласный: *коми[с]ия*.

¹⁶ В нарочито-книжном, манерном и ироническом произношении: *профе[сс]ор*.

¹⁷ В производных от коротких слов также произносится долгий согласный: *то[нн]аж* < *то[нн]а* (по закону аналогии).

¹⁸ Данное слово используется только в эмфатической речи, при эмфатическом же ударении согласные тянутся: *Брави[сс]имо!*

¹⁹ 1) *Бо́[нн]а*, *ле́[мм]а*, *па́[нн]а*, *га́[мм]а* (эти слова нельзя считать «общеупотребительными»); 2) *профе́[сс]ор* (в стилистически отмеченной: манерной, иронической, торжественной речи); 3) *шо[сс]é*, *му[лл]á*, *а[сс]онáнс* (получается, что в положении перед ударным гласным долгота не должна сохраняться). В данном случае необходимо составить не одно, а несколько правил: 1) в **коротких** словах (вне зависимости от их употребительности) корневой согласный всегда долгий — по закону омонимического отталкивания (ср. *па́[нн]а* и неправ. *па́[н]а* = *пана* < *пан*); 2) в **производных от коротких** слов также произносится долгий согласный: *то[нн]аж* < *то[нн]а* (по закону аналогии); 3) в **длинных** словах произносится: а) долгий согласный, если они **не освоены** живой народной речью: *а[сс]имиляция*; б) краткий, если они **освоены**: *профе[с]ор*; в) долгий в освоенных — в **стилистически отмеченной** (манерной, иронической, торжественной) речи: *пр[о]фе[сс]ор*.

²⁰ Такие формы квалифицируются как «гиперкорректные» [Суперанская 1964: 80]. Думается, однако, что здесь мы имеем дело с проявлениями закона аналогии: а) *апатия* ~ *аппетит*, *аппарат* → неправ. *аппатия*, *трилогия* ~ *триллер* → неправ. *трилогия*; б) *аккуратный* ~ *акула*, *акушер* → неправ. *акуратно*, ср. также прост. *акурат* в значе-

нии 'точь-в-точь' (наречие, зафиксированное в «Толковом словаре русского языка» под ред Д. Н. Ушакова).

²¹ Фонема /о/ произносится как /а/ в полностью освоенных заимствованиях, например: в[А]кзал. В таких словах безударное [о] «перестало быть обязательным, а в иных случаях стало расцениваться как манерное» [Панов 1968: 114].

²² Безударное /о/ появляется «рядом с гласным» [Вербицкая 2001: 76].

²³ Безударное /о/ появляется «в позиции абсолютного конца слова» [Вербицкая 2001: 76].

²⁴ В фонетически освоенных словах безударное /о/ появляется в высоком, манерном либо ироническом стиле.

²⁵ «Отчётливое произношение [а] в книжных словах... нежелательно, так как придаёт произношению просторечный оттенок» [Культура устной... 2001: 11].

²⁶ При озвучивании редко используемых, узуально мёртвых слов иноязычного происхождения используется буквенное произношение.

²⁷ М. В. Панов характеризует произношение [ѣ]терьер, ром[ѣ]нс как «игровое, ироническое», «претенциозное, ироническое». Носовые звуки [ѣ] и [ѣ̃] представляют собой в русском языке «фонетические варваризмы» [Панов 1990: 67 и 148].

²⁸ В романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкина читаем: *Но только вряд позволено ль С вином равнять ре ми фа сол*. Подобное произношение «свидетельствовало о принадлежности к определённой социальной среде и для представителей этой среды играло роль "рекомендательной характеристики"» [Панов 1968: 19].

²⁹ В высоком стиле используются: 1) чёткое произношение звуков; 2) медленный темп, протяжность речи; 3) эмфатическое ударение: [з:]абытых, что, в частности, предполагает использование имплозивных согласных: [Г]ородов; 4) буквенное произношение некоторых слов с консонантными скоплениями: безве[стн]ых, изглода[нн]ых, со[лнц]е; 5) твёрдый приступ перед неприкрытыми гласными: [о]сыти; 6) активное паузирование.

³⁰ Лит. [к], диал. и прост. [х].

³¹ Лит. [г], диал. и прост. [γ]: «В южнорусских говорах представлена фрикативная заднеязычная фонема [γ] с оглушением в [х]» [Русская диалектология 1998: 49].

³² Лит. [х], неправ. [к].

³³ Лит. [г] с оглушением в [к], неправ. [γ] с оглушением в [х].

³⁴ «В слове *бог* возможны варианты с <г> и с <γ>, но они имели скорее семантический, чем стилистический характер. Античным богам не была положена фонема <γ>» [Панов 1990: 201].

³⁵ В словах церковнославянского происхождения *благо*, *богатый*, *господь* произносится [г], произношение с фрикативным [γ] «является сейчас уже устаревшим» [Пеньковский 1967: 62].

³⁶ В слове *бухгалтер* литературным является произношение с фрикативным [γ].

³⁷ В междометиях *господи*, *ага*, *ого*, *угу* допускается [γ].

³⁸ Лит. [х] как результат диссимиляции двух смычных.

³⁹ «Фрикативное γ известно и рус. лит. языку, но либо как результат озвончения глухого х перед звонкими согласными, либо как факультативная фонема» [Пеньковский 1967: 61].

⁴⁰ Фрикативный [γ] распространён в областях, расположенных «южнее Москвы» (В. И. Чернышёв): Курской, Брянской, Рязанской и др. Как известно, Н. Н. Асеев родился и вырос в г. Львов Курской губернии, С. А. Есенин — в деревне Константиново Рязанской губернии. «Сохранение в речи конечного “х” <вместо “к”> встречается как остаточное явление и у людей, овладевших лит. языком. Автору не раз приходилось слышать это конечное “х”; например, Н. Асеев произносил *снех*, *денех*, но *снега*, *деньги* и т. п.» [Калинин 1966: 249].

⁴¹ «Широкую распространённость рифмы “г—х” у поэтов XVIII в. следует объяснить поэтической традицией, отражавшей некоторые особенности книжного произношения. В разг. речи “г” было взрывным, но в книжном произношении — фрикативным. Рифмы “г—х” в некоторых ранних стихах <Пушкина> уступают место рифме “г—к”

в произведениях более позднего периода». Таким образом, «борьба Пушкина за сближение языка худож. литературы с разговорной речью выразилась и в преодолении им традиционной для XVIII в. рифмы “г—х”, не отражавшей обычного произношения» [Калинин 1966: 249 и 250]. Заметим, что использование фрикативного [ɣ] в стилистических целях имело место и позже: «Иногда в одном и том же слове произносим *г* за *h*, когда идёт речь важная; а когда идёт речь простая, выговариваем *г* за *g*. Например, *долг благодарности требует* и пр.; *платить долги не принято*. В первом примере *г* = *h*, во втором с *г* = *g*» [Павский 1850: 135].

⁴² Следует использовать безударное /о/ и фрикативный /ɣ/, характерные для высокого произносительного стиля этой эпохи как отражение церковнославянской орфоэпии.

⁴³ Книжное слово; на произношение таких слов влияет отсутствие буквы *ѣ* в издательской практике; кроме того, переход [э] в [о] происходит прежде всего в живой народно-разговорной речи, распространяясь «под влиянием просторечия» [Ушаков 1995: 159].

⁴⁴ Переход [э] в [о] не характерен для слов иноязычного происхождения.

⁴⁵ Это церковнославянизм, а в церковнославянском языке «закон о переходе *е* в *о* не был известен» [Обнорский 1960: 218].

⁴⁶ Звуки [ж] и [ш] стали твёрдыми относительно недавно (в произношении москвичей до сих пор остаётся долгое мягкое [ж’]); переход же ударного [э] в ударное [о] имеет место между мягким и твёрдым согласными.

⁴⁷ Ст.-моск. *поц[а]луй, ц[а]лую* — орфоэпические фразеологизмы: во всех остальных случаях «буква *е* после *жс, ш, ц* в неударяемых слогах произносилась как *ы*»: *ц[ы^э]на, ц[ы]ловать, жс[ы^э]на, ш[ы^э]стой* [Ушаков 1995: 174].

⁴⁸ По старомосковской орфоэпической норме ассимилятивное смягчение происходило здесь только перед мягким /м/, который появлялся только в предложном падеже: *при социали[з’м’]е, в механи[з’м’]е*. Затем мягкий [з’] по закону аналогии распространил-

ся на другие падежные формы, т. е. на всю парадигму [см.: Зарва 1979: 119; Панов 1990: 18].

⁴⁹ Слово распространено в народно-разг. речи, поэтому допустимо устар. [шн].

⁵⁰ Слово книжное, поэтому возможно только произношение [чн].

⁵¹ Здесь наблюдаем случай, когда произношение [шн] поддерживается орфографически.

⁵² Допустимо [шн]. Десь побеждает буквенное произношение.

⁵³ В случае произношения [чн] возникает звуковая тавтология на ч. Следует: *горчи*[шн]*ик*. Произношение [шн] возникло в результате диссимилиции, облегчившей произношение этого слова.

⁵⁴ Поддержке произношения [шн] способствуют традиция и частотность слова *двоечник*.

⁵⁵ Произношение [шн] поддерживается народно-разговорной традицией использования некоторых отчеств в функции обращения. В данной функции могут выступать только имена, освоенные народной речью, ср. *Ильинична!* и вряд ли возможное в стилистически нейтральной речи **Арнольдовна!* или **Бенедиктовна!*

⁵⁶ Слово закреплено за книжными контекстами типа *конечный пункт, конечный результат, конечная цель*. Поэтому возможно только произношение [чн].

⁵⁷ Произношение [шн] закреплено традицией произношения данного выражения, т. е. является фразеологически связанным.

⁵⁸ Данное местоимение используется в конструкциях типа *нечто ужасное, нечто странное*, не освоенных народной-разговорной речью, поэтому возможно только произношение [чт].

⁵⁹ В случае произношения [чн] возникает затрудняющая артикуляцию звуковая тавтология на ч. Следует: *оче*[шн]*ик*.

⁶⁰ Возможно только [чн]; в противном случае возникла бы тавтология на *ш*.

⁶¹ В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова — только [шн]. В настоящее время это произношение устарело, поскольку слово закрепилось за книжными контекстами типа *сказочный мотив, сказочный сюжет, сказочный характер повести, сказочный образ* и др., что послужило укреплению произношения [чн].

⁶² Это термин, поэтому возможно только произношение [чн]. Неправильное произношение [шн] возникает под воздействием ассоциаций с прил. *булочный* и сущ. *булочная*, где допустимо [шн].

⁶³ Действует фонетический принцип орфографии.

⁶⁴ Данная пословица с внутренней рифмой «дру[х] — двух», возможно, «возникла на территории южновеликорусских говоров» [Калинин 1966: 251].

⁶⁵ «В 1915 г. В. И. Чернышёв писал, что в “образованном” произношении иноязычные слова типа *бокал, вокзал, команда, поэт, роман* и т. п. не допускают аканья и произносятся с чётким *о*, акающее произношение считалось “простонародным”». В настоящее время «произношение *в[о]кзал, б[о]кал* и т. п. стало признаком архаичной и даже манерной речи» [Горбачевич 1978 а: 142].

⁶⁶ Северно-русский, «средний», или альвеолярный [I]: *бы[I]á*.

⁶⁷ Просторечная делабиализация /y/: *б[и^o]ро*.

⁶⁸ *Вéчера* («тайная вечеря»), но *вечерять*: Кто глас Мой услышит, кто дверь отопрёт, К себе кто Меня призовёт, — К тому Я войду и того возлюблю, И *вечерю* с ним разделю. Ты слаб, изнемог ты в труде и борьбе, — Я силы прибавлю тебе; Ты плачешь, — последние слёзы с очей Сотру Я рукою Моей. И буду в печали тебя утешать, И сяду с тобой *вечерять* (К. Р.); неправ. *вечёра* и прост. *вечёрять* (вероятно, по аналогии с *вечёрний* и, возможно, укр. *вечёряти* ‘ужинать’, *вечёра* ‘ужин’).

⁶⁹ *Взяточничество* — прост. *взятничество*.

⁷⁰ Билабиальный /в/: [ǃ]нук. «Во многих южных говорах звук *в* в положении перед согласным заменяется звуком *у* неслоговым, а в начале слова — звуком *у* слоговым» [Винокур 1948: 21].

⁷¹ Западно-рус., белорус. и моск. «цеканье-дзеканье»: [дз]е[тс]и [Добродомов 1971: 242—243].

⁷² «В толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова в качестве основного приводится написание *камфорка* (с вариантом *комфорка*), а написания *канфорка* и *конфорка* снабжаются пометой “просторечное”. (Толкование, которое дается в указанном словаре — “Часть самовара — приспособление, надеваемое на верх трубы”. В современном языке это слово чаще относят к конфоркам на газовой плите.) Написание с буквой *н* теперь стало преобладающим, а вариант *комфорка* воспринимается как просторечный» [Шмелёв 2014: 277].

⁷³ В просторечии: *любо*[[ǔ]] или *любо*[ф].

⁷⁴ В западно-русских говорах и в просторечии: *мо*[ш:]*ность*.

⁷⁵ Ср.: *Надсмехался над бедной девчонкой, Надсмехался, потом разлюбил* (Из записной книжки И. Ильфа).

⁷⁶ Южно-русское и просторечное «[γэ]канье»: *но*[γ]а.

⁷⁷ [рэ]али[з`м].

⁷⁸ Замена мягких звуков твёрдыми в просторечии: [рэ]зать.

⁷⁹ Южно-русское и просторечное смягчение: *сиди*[ть].

⁸⁰ В просторечии и в старомосковском произношении: [су]да.

⁸¹ Южно-русское и просторечное *тю*[р]ма.

⁸² Северно-русское оканье: *х*[о]р[о]ш[о].

⁸³ В западно-русских говорах: [ч]ас (твёрдое [ч]).

⁸⁴ Среднерусское яканье: [ч`ав]о́.

⁸⁵ Ср.: *Вот скоро Фотий сам с вас мерку нову снимет, Нарядит в кофты всех, а лишнее всё скинет* (А. И. Полежаев).

⁸⁶ Акцентный вариант *возбúдит* в словарях характеризуется как неправильный; впрочем, в «Большом толковом словаре рус. языка» (СПб., 1998. С. 142) этот вариант дан как единственно возможный, что отражает: а) широкое распространение первоначально сугубо профессиональных выражений типа *возбудить ходатайство, возбудить*

уголовное дело; б) старинную традицию: *Или в душе его сам Бог возбудит жар К искусствам творческим, высоким и прекрасным; Нерв избалованность, причуда, — Возбудит малость их, и малость утишит* (А. С. Грибоедов).

⁸⁷ Ср.: *Там слух спешит во все концы; Далеке дым в полях курётся* (М. В. Ломоносов). Ударение в данном глаголе и сейчас соответствует старшей норме.

⁸⁸ В словах широко употребительных, освоенных живой народной речью происходит переакцентовка (с установлением подвижного ударения), ср. *бѣлит* (лѣ устар.) — *обелѣит* (бѣ неправ.), *курѣит* (устар. *курѣит*) — *курётся* (сопки курѣтся, дымок курѣтся; допуст. кѣ). Слова книжные, «узкого распространения» обычно «сохраняют прежнее постоянное ударение» [Ожегов 1974: 88 и 91].

⁸⁹ В случае, если в тексте используются буква ѣ и знак ударения, акцентная вариативность данного типа получает отражение в письменной речи, ср. *проторѣнный* — неправ. *протѣрѣнный*.

⁹⁰ Ср.: *Друг твой в поле появѣтся, Ещѣ саблею блеснѣт, Или в лаврах возвратится, Иль на лаврах мѣртв падѣт!..* (Д. Давыдов). Старинное ударение сохраняется и в фамилии *Богоявленскій*.

⁹¹ Корневая переакцентовка в причастии часто задерживается, поскольку причастие является книжной, а следовательно, малочастотной формой соответствующего производящего глагола.

⁹² Ср.: *Кто скоро толь тебя, Калчак, Учит российской вѣдаться власти, Ключи вручить в подданства знак И большей избежать напасти?* (М. В. Ломоносов).

⁹³ Изъявительное наклонение: я звоню́, ты звони́шь, он звони́т, мы звони́м, вы звони́те, они звонѣ́ют; императив: звони́, звони́те. Как видим, форма 2-го л. мн. ч. изъявительного наклонения омонимична форме мн. ч. императива; в просторечии происходит так называемое омонимическое отталкивание указанных форм с последующим выравниванием парадигмы по аналогии с формой звони́те (ты звони́шь, он звони́т и т. д.). Перенос ударения на корень (вы звони́те) «способствует разграничению изъявительного и повелительного наклонения», поэтому группа глаголов на -ить с подвижным ударением

(типа *про́сите*, императив *проси́те*) увеличивается [Воронцова 1979: 24].

⁹⁴ Устаревшие варианты сохраняются: 1) в устойчивых сочетаниях: *голова вари́т*, *котелок вари́т*; 2) в стихотворной речи: *Ешь полчаса, а в три́ дни не свари́тся* (А. С. Грибоедов); *Огляну́ться не успела, Как зима кати́т в глаза* (И. А. Крылов); 3) в определённом «морфемном» контексте: а) в производных словах (дым *кури́тся*); б) в производных формах (вагон для *курящих*).

⁹⁵ В случае колебаний (*включи́т* или *включи́т?* *звони́т* или *звони́т?* *дои́т* или *дои́т?*) следует ориентироваться на старшую норму, т. е. выбирать вариант с ударением на флексии.

⁹⁶ Ср.: *Поди, Надежды́ много впереди́, Без сва́дьбы время прово́лочим* (А. С. Грибоедов).

⁹⁷ Ср.: *Как полюбии́шь, разголуби́шь, Словно́ царством подари́шь; Ох, уж царством подари́шь, Енералом учини́шь* (П. П. Ершов. Фома-кузнец).

⁹⁸ Род. ед. *сестры́* — им. множ. *се́стры* — дат. множ. *се́страм*, устар. *сестра́м*.

⁹⁹ Род. ед. *поры́* — им. множ. *по́ры* — дат. множ. *poráм*, неправ. *по́рам*. Старшей нормой в форме дат. множ. является флексийное ударение, поэтому в случае колебаний следует выбирать именно флексийное ударение.

¹⁰⁰ Род. ед. *горы́* — им. множ. *го́ры* — дат. множ. *goráм*, неправ. *го́рам*.

¹⁰¹ Род. ед. *просфоры́* — им. множ. *próсфоры* — дат. множ. *просфора́м*.

¹⁰² Род. ед. *кобуры́* — им. мн. *кобуры́*, неправ. *ко́буры* — дат. мн. *кобура́м*, неправ. *ко́бурам*.

¹⁰³ Род. ед. *туры́* — им. множ. *туры́*, неправ. *ту́ры*, дат. множ. *тура́м*, неправ. *ту́рам*.

¹⁰⁴ Род. ед. *лисы́* — им. множ. *ли́сы* — дат. множ. *ли́сам*.

¹⁰⁵ Род. ед. *росы́* — им. множ. *ро́сы* — дат. множ. *ро́сам*.

¹⁰⁶ Род. ед. *полосы́* — им. множ. *по́лосы* — дат. множ. *полоса́м*, не рек. *по́лосам*.

¹⁰⁷ Род. ед. *красы́* — им. множ. *красы́* — дат. множ. *краса́м*: книжные слова, редко используемые в устной речи, сохраняют флексийное ударение во всей парадигме.

¹⁰⁸ Род. ед. *простыни́* — им. множ. *про́стыни* — дат. множ. *просты́ням*, неправ. *про́стыням*.

¹⁰⁹ Род. ед. *шестерни́* — им. множ. *шестерни́*, неправ. *ше́стерни* — дат. множ. *шестерня́м*, неправ. *ше́стерням*. Перенос ударения на основу наблюдается в просторечии, в том числе в профессиональном просторечии.

¹¹⁰ Род. ед. *судьбы́* — им. множ. *су́дьбы*, устар. *судьбы́* — дат. множ. *су́дьям*, устар. *судьба́м*.

¹¹¹ Род. ед. *рабы́* — им. множ. *рабы́* — дат. множ. *раба́м*.

¹¹² Род. ед. *зари́* — им. множ. *зо́ри* — дат. множ. *зо́рям*, устар. *зари́ам*.

¹¹³ Род. ед. *скамьи́* — им. мн. *скамьи́*, допуст. *ска́мьи* — дат. мн. *скамья́м*, допуст. *ска́мьям*.

¹¹⁴ Род. ед. *серьги́* — им. множ. *се́рьги* — дат. множ. *се́рьгам* и допуст. устар. *серьга́м*.

¹¹⁵ *Кобура* — военные, *шестерня* — механики, *клешня* — вероятно, жители тех мест, где водятся раки и крабы. Отсюда — проф. прост. *кобуры*, *шестерни* и прост. *клешни*.

¹¹⁶ Чем более частотно слово, тем больше необходимость сделать его удобным для использования путём устранения внутрипарадигмальной омонимии (р. ед. *клешни* = им. мн. *клешни*).

¹¹⁷ Это книжная абстрактная лексика; формы множественного числа здесь либо низкочастотны, либо узуально мертвы, поэтому сохраняется флексийное ударение.

¹¹⁸ *Вины* звучит как *вина*.

¹¹⁹ Архаизмы (*бразда*), историзмы (*праца*), экзотизмы (*мурза*), формы мн. ч. абстрактных слов (*клевета*, *краса*) и др.

¹²⁰ Неправильные акцентные варианты формы им. множ. (*ко́буры*, *ту́ры*) появляются в результате омонимического отталкивания от формы род. ед.; неправильные акцентные варианты формы дат. множ. (*про́стымъям*, *по́рам*, *го́рам*, *ко́бурам*, *ту́рам*, *по́лосам*) возникают в результате выравнивания акцентной полупарадигмы множественного числа по аналогии с формой им. множ.

¹²¹ Сначала произошла переакцентовка в формах им. мн., так как они были омонимичны формам род. ед. (им. мн. *скалы́* = род. ед. *скалы́* > им. мн. *ска́лы* / род. ед. *скалы́*), затем произошло выравнивание полупарадигмы мн. ч. с ориентацией на форму им. мн.

¹²² Устар., теперь прост. *ко́ру*.

¹²³ Устаревшие варианты сохраняются в устойчивых сочетаниях: *как сидорову ко́зу*, *ставить всякое лыко в стрóку*, *не всякое лыко в стрóку*, *бить зóрю*, *играть зóрю*. Старшей нормой является корневое ударение. В § 183 «Русской грамматики» А. Х. Востокова (СПб., 1831) приводятся как единственно возможные и образцовые следующие формы: *бо́розду*, *до́ску*, *и́збу*, *ко́зу*, *ко́су*, *зо́рю*, *ло́зу*, *о́вцу*, *по́лосу*, *сви́нью*, *стро́ку*.

¹²⁴ В случае колебаний (*це́ну* или *цену́*? *сте́ну* или *стену́*?) следует ориентироваться на старшую норму, т. е. выбирать вариант с ударением на корне; даже если он устарел, он правилен.

¹²⁵ Варианты типа *и́збу* в парадигме ед. ч. акцентно обособлены (ср.: *и́зба́*, *и́збы́*, *и́збе́*, *и́збо́й*, *и́збе́*, но *и́збу*), поэтому вступает в действие закон аналогии, влекущий переакцентовку: *и́збу* > *избу́*.

¹²⁶ В двусложных формах женского рода, освоенных живой народной речью, флексия, как правило, ударна: *верна́*, *нужна́*, *свежа́*, *горька́*, *глупа́*, *бойка́*. В формах же книжных, редких, узואльно мёртвых, не освоенных народной речью ударение либо приходится на корень, либо колеблется: *жсѓуча*, *брéнна*, *рдóяна*, *склóнна* / *склонна́*, *а́ла* / *ала́*.

¹²⁷ *Верны́* — устар. *ве́рны*, *нужны́* — устар. *ну́жны*, *све́жи* = *свежи́*, но: *Как хороши́*, *как све́жи были розы* (И. С. Тургенев),

го́рьки — допуст. *горькíй*, *глу́пы* — допуст. *глупы́й*, *бо́йки* — неправ. *бойкíй*. Запомнить: *Автомедоны наши бо́йки*, *неутомимы наши тройки*. (А. С. Пушкин. Евг. Онегин). Старшей нормой для двусложных прилагательных является корневое ударение, младшей — флексийное. В случае колебаний следует ориентироваться на старшую норму.

¹²⁸ *Бо́йко* («Дитя не в меру бо́йко»), *не́мо*, *бо́дро*, *пра́во*, *легко́*, *темно́*, *тепло́*. В случае колебаний при образовании формы ср. р. следует ориентироваться на ударение в омонимичных наречиях, предикативах и именах существительных. Запомнить исключение: *добры́й* — ср. р. *до́бро*. *Бо́йко* — *бойки*, но: *легко́* — *легкий*. В случае колебаний при образовании формы мн. ч. следует ориентироваться на ударение в среднем роде.

¹²⁹ Заударные флексии *-ы*, *-о*, *-а* в устной речи звучат практически одинаково, и потому для устранения омофонии «подчёркиваются» ударением. Вот почему переакцентовка наблюдается только в формах, достаточно часто используемых в устной (звучащей) речи, освоенных живой народной речью, и не происходит в формах книжных, редких, узуально мёртвых.

¹³⁰ Запомнить: *нищий* — *нища́*, *ни́ще*, *ни́щи*; *дешёвый* — *дешевá*, *дёшево*, *дёшевы*; *солёный* — *со́лон*, *солонá*, *со́лоно*, *солонý*.

¹³¹ Согласно правилу Ханса Хартмана, прилагательные с ударением на корне (типа *йвовый*) образуются от имён существительных с неподвижным ударением на корне (*йвой*, *йвами*); прилагательные с ударением на суффиксе (типа *лепестко́вый*) — от имён сущ. с неподвижным ударением на окончании (*лепестко́м*, *лепестка́ми*); прилагательные с ударением на окончании (типа *снеговóй*) — от имён сущ. с подвижным ударением (*сне́гом*, но: *снега́ми*) [Редькин 1964].

¹³² Такое смягчение можно объяснить омонимическим отталкиванием от формы тв. ед. имени сущ. *голова*.

¹³³ Неправ. *кре́мневый* (< неправ. *кре́мень*: влияние деривационных ассоциаций), правильно: *кремнё́вый* < *кремёнь*, *кремня́*, *кремне́й*, ср.: *Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных платанов, Первые чувства познали любви и, полные счастья, Острым кремнём на коре сих дерев имена начертали: Титир — Зои, а Титира — Зоя, богу Эроту Шумных свидетелей страсти своей посвятивши* (А. Дельвиг. Идил-

лия). Неправ. *сливóвый* — под влиянием аналогии со словами сходной ритмической структуры, в том числе принадлежащими этой же тематической сфере (типа *айвóвый, вишнёвый*). Неправ. *ста́нковый* (пулемёт) — под влиянием близкозвучного слова *та́нковый*. Считается, что «наибольшие отклонения от закона Х. Хартмана лежат в сфере прилагательных, образованных от существительных с односложной..., а также... с двусложной основой. Здесь наблюдается крайне хаотическая картина акцентологических отношений» [Гимпелевич 1971: 17].

¹³⁴ Переакцентовка происходит в соответствии с законом Хартмана; правильные с точки зрения литературной нормы варианты не соответствуют данному закону, т. е. являются акцентными фразеологизмами, требующими запоминания. Указанное несоответствие и является источником неправильных вариантов.

¹³⁵ См., например, пособие «Русский язык и культура речи» (М., 2002), где акцентный вариант *подрóсткóвый* введён в «список прилагательных, в произношении форм именительного падежа (почему только именительного? — В.М.) которых наиболее часто делают ошибки» (с. 160). Как просторечный охарактеризован данный вариант и в словаре Л. А. Введенской [2003: 190].

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова находим только один акцентный вариант — *подрóсткóвый* (с пометой «новое»). Только этот вариант дают МАС (1957—1961), БАС (1948—1965), 10-е изд. словаря С. И. Ожегова (1973), МАС-2 (1981—1984). «Орфоэпический словарь русского языка» (1983) приводит уже два варианта: *подрóсткóвый* и (с пометой «не рекомендуется») *подрóсткóвый*. В «Кратком словаре трудностей русского языка» Н. А. Еськовой (1994) и в «Новом орфоэпическом словаре русского языка» Т. Ф. Ивановой (2004) акцентный вариант *подрóсткóвый* снабжён пометой «допустимо». 23-е изд. словаря С. И. Ожегова (1991) и 2-е изд. «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1994) дают эти два варианта как равноправные. В «Большом толковом словаре русского языка» (1998) обнаруживаем лишь один вариант — *подрóсткóвый*. Такова история лексикографической интерпретации этого слова.

¹³⁶ Ср. *дом* — род. ед. *до́ма* — им. множ. *дома́*, отсюда *домово́й*, однако: *дом* — род. ед. *до́ма* — устар. им. множ. *до́мы*: *До́мы были*

в один, два и полтора этажа с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов (Н. В. Гоголь); отсюда должно быть **дóмовый*, а не *домóвый*. Вариант с суффиксальным ударением возник, вероятно, по аналогии с прилагательными типа *дворóвый*, *садóвый*.

¹³⁷ *Язык* ‘орган в полости рта’ — *языко́м*, *языка́ми* > *языко́вый*; *язык* ‘система словесного выражения мысли’ — *языко́м* (устар. *язы́ком*), *языка́ми* (устар. *язы́ками*; данный лексико-семантический вариант ещё не так давно воспринимался как носитель подвижного ударения) > *языко́вой*. Как видим, правило Хартмана действует.

¹³⁸ Ср.: 1) *плода́* — *плодо́в* → *плодо́вый*; 2) устар. *пло́да* — *плодо́в* → устар. *плодо́вой*.

¹³⁹ Современные словари не фиксируют флексийное ударение этого слова; вспомним, однако: *То бурла́ки идут бече́вой* (Н. А. Некрасов).

¹⁴⁰ В словах книжных, редко используемых в живой разговорной речи, сохраняется корневое ударение; в словах, освоенных устной речью, устанавливается флексийное ударение — с тем, чтобы окончания звучали чётче.

¹⁴¹ Как только слово иноязычного происхождения «начинает осознаваться как родное, ... на данное слово распространяются все особенности русской фонетики, грамматики, синтаксиса, вызванные как внутренними законами развития русского языка, так и его различными аналогиями» [Дмитриев 1961: 102]; происходит «русификация ударения» [Байкин 1958: 14]. Переакцентовка обычно начинается в момент резкого увеличения частотности слова.

¹⁴² Флексийное ударение слово *блиндаж* получило, видимо, в годы Великой Отечественной войны, *Спартак* — с развитием футбола в 30-е годы XX в. и появлением футбольных команд под этим названием, *рюкзак* — с развитием туризма в 50—60-е годы и т. д.

¹⁴³ В случае колебаний следует ориентироваться на старшую норму и использовать корневое ударение.

¹⁴⁴ «Ударение *Бальзака́*, несмотря на значительное распространение, остаётся за пределами литературной нормы» [Суперанская 1966: 41].

¹⁴⁵ Для терминов характерно наличие двух у з у с о в: литературного и профессионального. Литературный узус соответствует норме, профессиональный — не всегда. Наиболее активно термины используются прежде всего в устной профессиональной речи, поэтому именно здесь начинается переакцентовка. Просторечно-профессиональный акцентный вариант может быть признан носителями литературного языка лишь постепенно. Вначале он оценивается как неправильный, затем — как не рекомендуемый к употреблению, затем — как допустимый и лишь после этого — как равноправный исходному, а следовательно, соответствующий норме. Поэтому распространённое среди учёных мнение о том, что для терминов характерно наличие двух норм — литературной и профессиональной — нельзя признать правильным.

¹⁴⁶ В регионах, где живут казаки и где это слово активно используется в живой разговорной речи, распространено флексийное ударение (*казака́, казакí*); там, где это слово употребляется редко (и воспринимается как этнографизм), предпочитается корневое ударение (*каза́ка, каза́ки*).

¹⁴⁷ Здесь наблюдаем попытку русификации слова *экипаж*, либо поэтическую вольность.

¹⁴⁸ Ср.: *напи́лся* < устар. *напи́лся, собра́лся* < устар. *собра́лся*; неправ. *при́нялся* < допуст. *приня́лся* < устар. *приня́лся*, неправ. *за́нялся* < допуст. *заны́лся* < уходящ. *заны́лся* и т. д. Постфиксальное ударение встречаем в старых текстах: *Чай, уж милый через силу, Чай, уж чаю напи́лся? Чай, умы́лся, чай, утёрся, Чай, гулять уж собра́лся?* (Частушка); *Белый парус подня́лся, Флаг на мачте разви́лся* (П. П. Ершов. Конёк-горбунок); *Дале́я* им голос мой, и как себе исправно Всем слышится, и всех сзывает до зари! (А. С. Грибоедов. Горе от ума). Движение переакцентовки происходит в направлении от постфикса к префиксу; при этом префиксальное ударение в настоящее время является неправильным, остальные же варианты с точки зрения нормы приемлемы. Следовательно, **главное при использовании таких форм — не ставить ударение на префиксе**. В форме *начался* правилен только один вариант ударения — постфиксальный.

¹⁴⁹ Источник таких форм — воздействие аналогичной формы производящего глагола: *нача́л* > неправ. *нача́лся, при́нял* > неправ. *при́нялся* (выравнивание по аналогии).

¹⁵⁰ Ср.: *про́был* и допуст. разг. *пробы́л, пéредал* и допуст. разг. *передáл* и т. д. В данных широко употребительных глаголах с «одно-сложным корнем» (Б. Н. Головин) ударение на корне считается допустимым в разговорной речи, на префиксе — нормативным [Рус. грамматика 1980, 1: 689—691]; следовательно, префиксальное ударение принадлежит старшей норме.

¹⁵¹ Акцентное варьирование в таких формах не всегда находится в пределах литературной нормы, ср.: *на́чал* / неправ. *начáл, за́нял* / неправ. *заня́л, по́нял* и неправ. *поя́л*. С тем чтобы исключить ошибки, следует ориентироваться на старшую норму и использовать префиксальное ударение.

¹⁵² Слова *шаг, ряд, час* и *шар* в сочетании с числительными *два, три, четыре* и *полтора* используются с ударением на флексии. Запомнить: *четвёрть часа́*.

¹⁵³ В таких причастиях ударен, как правило, «тот же слог, что и в форме прошедшего времени мужского рода» [Рус. грамматика 1980, 1: 695]. Исключения: *спу́нутый, запелёна́тый, перёгну́тый, при́гнутый*.

¹⁵⁴ В словаре «Русское литературное ударение и произношение» (М., 1955) «от глагола *приобрести* действительное причастие предложено и в виде *приобрéтий* и как форма разговорная — *приобрёвший*; последнюю форму можно было бы не приводить, чтобы не сбивать у читателя литературную норму» [Обнорский 1956: 105].

¹⁵⁵ В таких причастиях ударение обычно «падает на тот же слог, что и в инфинитиве» [Рус. грамматика 1980, 1: 694]. Исключения: *приобрéтий, за́мёрший, по́мёрший, умёрший, за́перший, подпёрший*.

¹⁵⁶ С. П. Обнорский по поводу форм *лэ́пящийся, тёрпящий, тяну́щий*: «В нормальном литературном языке переноса ударения нет» [Обнорский 1956: 106].

¹⁵⁷ В таких причастиях «ударен, как правило, тот же слог, что и в форме 3-го л. мн. ч.» [Рус. грамматика 1980, 1: 694]. Исключения: *могу́щий* (возможно, по аналогии с *могу́чий*), *даря́щий* (ср. устар. *да́рят*), *ходя́щий*.

¹⁵⁸ Ср.: *обеспечение* > не рек. *обеспечение*, *намерение* > неправ. *намерение*, *знамение* > неправ. *знамение*, *сосредоточение* > неправ. *сосредоточение*, *упрочение* > неправ. *упрочение*, *благоприобретение* > неправ. *благоприобретение*, устар. *приобретение* > совр. *приобретение*, устар. *опошление* > совр. *опошление*. Проявляется ярко выраженная тенденция к переносу ударения на концовку *-ение* по аналогии с именами существительными типа *вычисление*, *попечение*, *узаконение* и др. Данная аналогия и является источником неправильных ударений.

¹⁵⁹ Ср.: устар. *копировать* > совр. *копировать*, устар. *буксировать* > совр. *буксировать*, устар. *вальсировать*: *И гусары в модном свете, В вицмундирах, в башмаках, Вальсируют на паркете!* (Д. Давыдов) > *вальсировать*; *нормировать* > допуст. *нормировать*, *премировать* > неправ. *премировать*, *костюмировать* (*костюмированный бал*) > неправ. *костюмировать*. Проявляется тенденция к переносу ударения на звук [и] по аналогии с глаголами типа *абонировать*, *аккомпанировать* и др. Данная аналогия и является источником неправильных ударений.

¹⁶⁰ «В деепричастиях с суффиксом *-учи* всегда ударен предсуффиксальный слог» [Рус. грамматика 1980, 1: 702].

¹⁶¹ При составлении таких рядов см. [Зализняк 2008].

¹⁶² Слово *ходатайство* является акцентно изолированным в лексической микросистеме с финалью *-айство/-йство* (*зазнайство*, *шаппайство*, *разгильдяйство*, *хозяйство*, *слонтяйство* и др.), отсюда переакцентовка: *ходатайство* → неправ. *ходатайство*.

¹⁶³ В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова читаем: «Суффикс и (разг.) сффикс», «Прэфикс и (реже) преффикс». В настоящее время старшую норму ударения сохраняет только термин *интерффикс*, однако и здесь под влиянием аналогии с другими словами данной тематической микросистемы ударение часто ставят на первом слоге.

¹⁶⁴ Выбор неусечённой формы обусловлен необходимостью сохранить ритм стиха.

¹⁶⁵ Вероятно, ввиду близкозвучия и омографичности предполагаемой усечённой краткой формы (**временен*) и формы род. падежа мн. числа от слова *время* (*времен*).

¹⁶⁶ Усечённые варианты более благозвучны и удобопроизносимы; отсюда — распространение сферы действия гаплогогии на отдельные единицы с ударной концовкой *-енный* и соответственно появление исключений из правила В. И. Чернышёва.

¹⁶⁷ Поскольку это: 1) причастия; 2) отпричастные (отглагольные) прилагательные, ср. *блаженный* и устар. *блажитъ*:

Вас, толь счастием цветущих,
Всяк излишно здесь *блажит*;
Мал чтит и велик идущих,
Уступая ж путь, дрожит.
О! не вы, не вы блаженны,
Вы, коль ни обогащенны:
Токмо тот народ *блажен*,
Бог с которым пребывает
И который Вечна знает, —
Сей есть всем приукрашен.

В. К. Тредиаковский. Ода вторая хореическая (1744)

¹⁶⁸ В сферу действия правила В. И. Чернышёва входят только прилагательные с концовкой *-енный*. Не входят: 1) причастия и отпричастные (отглагольные) прилагательные; 2) прилагательные с другой концовкой (типа *пустынный*, *непреклонный*). В современной лингвистике данное правило не используется, поскольку не определена сфера его действия.

¹⁶⁹ *Смиренный* и *благословенный* — это отпричастные прилагательные; следовательно, они должны иметь только одну краткую форму мужского рода — усечённую: «Так как причастия на *-нный* имеют в краткой форме окончание *-ен* (*брошенный* — *брошен*), то и прилагательные, полученные из причастий, должны бы принять такое же словообразование» (Чернышёв В. И. Правильность и чистота рус. речи. Опыт рус. стилистич. грамматики // Избр. тр.: в 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 533).

¹⁷⁰ Притяжательные прилагательные обычно имеют в форме им. падежа ед. числа суффикс *-ий* (*лисий*) и суффикс *[-j-]* — во всех

остальных формах: *лисьего, лисья, лисье, лисьи*. Однако в «словах с притяжательным значением» *отчий, орлий, монаший и патриарший* суффикс *-ий* / [-j-] отсутствует, поскольку «основы этих слов оканчиваются на сочетания согласных: *тч, рл, ри*, а добавление к ним ещё третьего согласного [-j-] создало бы сочетания, трудные для произношения» (В. Лопатин. Патриаршие пруды // Рус. речь. 1970. № 4. С. 119). Здесь вступает в действие закон экономии речевых усилий. Морфемы *ий, ая, ие* и др. в указанных четырёх словах считаются окончаниями: *патриарший, патриаршего, патриаршему* и т. д. (как *синий, синего, синему*).

¹⁷¹ От притяжательного прилагательного *княжий* в соответствии с приведённым выше правилом образуются формы с суффиксом [-j-]: *княжьего, княжься, княжье, княжьи* и т. д. Однако словари дают и формы без этого суффикса: *княжего, княжая, княжее, княжи* и т. д.; видимо, такие формы образованы по аналогии с прилагательными *монаший и патриарший*.

¹⁷² «Только при неумелом обращении с русским языком можно смешивать прилагательные на *-жий* с другими, т. е. склонять, например, *свежий, горячий, досужий*, как *медвежий, волчий* и т. п.» (Чернышёв В. И. Правильность и чистота рус. речи // Избр. тр.: в 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 535).

¹⁷³ *Бойкий* — *бойче* и разг. *бойчее*.

¹⁷⁴ *Гулкий* — *гулче* и *гульче*.

¹⁷⁵ *Дерзкий* — *дерзче*.

¹⁷⁶ *Жалкий* — *жалче* и *жальче*.

¹⁷⁷ *Колкий* — *колче* и редк. *кольче*.

¹⁷⁸ *Ловкий* — *ловче* и разг. *ловчее*.

¹⁷⁹ *Мерзкий* — *мерзче* и *мерзее*.

¹⁸⁰ *Мылкий* — *мылче* и *мыльче*.

¹⁸¹ *Пылкий* — *пылче* и *пыльче*, прост. *пыльчее*.

¹⁸² *Робкий* — *робче* и прост. *робчее*.

¹⁸³ *Гадкий* — *гаже*, *гладкий* — *глаже*, *жидкий* — *жиже*.

¹⁸⁴ *Сладкий* — *слаще*, неправ. *слаже*.

¹⁸⁵ Формы на *-ее* являются либо разговорно-просторечными, либо допустимыми вариантами при формах на *-е*, поэтому последние более предпочтительны с точки зрения литературной нормы.

¹⁸⁶ *Ощутить* — *ощущу*; в этой форме, однако, имеет место неблагозвучное столкновение слогов, поэтому её можно заменить синонимом: *почувствую*.

¹⁸⁷ *Мутить* — *мучу́*; эта форма, однако, омографична и близкoзвучна форме *мучу* (< *мучить*), поэтому, чтобы избежать паразитарных ассоциаций, её можно заменить описательным выражением *делаю мутным*. Словари дают формы *ощущу* и *мучу́*; вместе с тем, многие носители языка считают данные формы узуально мёртвыми или даже несуществующими: «Не имеют 1-го лица в ед. ч. глаголы *мутить* — делать мутным (жидкость), *ощутить* — почувствовать» [Дружинина 1962: 13—14].

¹⁸⁸ «У некоторых глаголов 1-е л. ед. ч. не употребляется потому, что от иных глаголов образуются омонимичные им формы» [Каламова 1990: 146].

¹⁸⁹ Форма *дужу* не опознаётся как принадлежащая парадигме глагола *дудеть* и потому не используется.

¹⁹⁰ *Пылесосить* — *пылесошу*, прост. *пылесосю*.

¹⁹¹ *Висеть* — *вишу*, прост. *висю*.

¹⁹² В дневнике Т. Л. Сухотиной-Толстой читаем: «Пока это мне плохо удаётся, но я думаю, что **побежду** дурную привычку представлять себе себя любимой и любящей» (Запись от 17 дек. 1890). В настоящее время эта форма является архаичной.

¹⁹³ Формы типа *ощутю*, *обезопасю*, *победю* противоречат системе русского языка, поскольку в форме первого лица ед. числа здесь обязательно имеет место чередование.

¹⁹⁴ К ортологии такое понимание недостаточных глаголов прямого отношения не имеет, тем более что при метафоризации, например, «в

шутливой речи в ответ на замечание о том, что собеседник похудел, он может сказать: “Усыхаю”. Рассказывая о себе, неуравновешенный человек замечает: “Когда я закипаю, то все умолкают”» [Дружинина 1962: 8].

¹⁹⁵ Запомнить: *блистать* — *блистает*, *блестеть* — *блестит* или *блещет*. Здесь два варианта инфинитива.

¹⁹⁶ *Внимает*, устар. поэтич. *внемлю*, *внемлешь*.

¹⁹⁷ *Гложет*, прост. *глодает*.

¹⁹⁸ *Икает*, устар. *ичет*.

¹⁹⁹ *Колышет*, допуст. *колыхает*.

²⁰⁰ *Краплет* и *крапает*: *дождь крапает / краплет*, *краплю*, *краплешь колоду*, *карты*, *краплёная колода*.

²⁰¹ *Кудахчет*, прост. *кудахтает*.

²⁰² *Машет*, допуст. разг. *махает*.

²⁰³ Запомнить: *мяукать* — *мяукает*, *мяучить* — *мяучит* (*мяучет* — неправильно). Здесь два варианта инфинитива.

²⁰⁴ *Прыскает*, устар. *прыщет*. Причиной ухода варианта, представляющего старшую норму, стали, видимо, паразитарные ассоциации (*прыщет* ~ *прыщ*).

²⁰⁵ *Поднимает*, устар. *подъемлет*.

²⁰⁶ *Страдает*, устар. *страждет*.

²⁰⁷ *Трепать* — *треплет*, прост. *трепит*, *трепят*.

²⁰⁸ *Хромает*, устар. *хромлет*.

²⁰⁹ *Чёрпает*, устар. *чёрплет*.

²¹⁰ *Щиплю́*, *щиплет*, допуст. разг. *щипит*, не рек. разг. *щипает*.

²¹¹ «В большинстве случаев допускаются двоякие формы, хотя преимущество даётся традиционным непродуктивным образованиям типа *каплет*, *машет*, *плещет*» [Истрина 1948: 9].

²¹² *Жажду* (5), прост. *жажду* (1), *жаждущий* (5), *жаждая* (1), *жажди* (5) и *жаждай* (1); *стону* (5), устар. *стонаю* (1), *стонущий* (5), *стоная* (1), *стони* (5). Вывод: глаголы *жаждать* и *стонать* образуют супплетивную парадигму.

²¹³ Такие формы образованы по аналогии с глаголами первого словоизменительного класса (типа *играть*); стимулом сближения является идентичность концовок, ср. *искать* — *играть*, *искал* — *играл* etc., откуда неправ. *искает* (как *играет*).

²¹⁴ *Погас* и устар. *погаснул*: *Погаснул день. И тьма ночные своды Небесные, как саваном, покрыва* (М. Ю. Лермонтов).

²¹⁵ *Сох* и допуст. устар. *сохнул*.

²¹⁶ *Ниспровергнуть* и *ниспроверг* (глагол книжный, а книжная речь хранит архаичные формы).

²¹⁷ *Волгнуть*, неправ. *волг*: вторая форма не опознаётся, во-первых, как глагольная, а во-вторых, как принадлежащая парадигме глагола *волгнуть*.

²¹⁸ Словари дают два варианта: *слепнул* и *слеп*, усечённый вариант, однако, неудобен для использования, поскольку он омонимичен краткой форме прилагательного *слепой*. Кроме того, «двусложные формы многим кажутся более благозвучными, чем отрывистые односложные формы» [Граудина 1980: 210].

²¹⁹ *Умолк* и «в индивидуальном употреблении» [Виноградов 1947: 450] *умолкнул*: *Ещё не умолкнул упрёк И слёзы звенели в укор* (Б. Пастернак).

²²⁰ *Замёрз* и «в индивидуальном употреблении» (В. В. Виноградов) *замёрзнул*: *И в диске, как в колечке, Замёрзнул пальчик твой* (А. Вознесенский).

²²¹ В случае колебаний (*ниспровергнул* или *ниспроверг?* *тускнул* или *туск?*) следует выбирать неусечённую форму.

²²² Правильно — *обесточивать*; вариант *обестáчивать* не опознаётся как принадлежащий словообразовательному гнезду с вершиной *ток* и, видимо, поэтому считается неправильной.

²²³ Правильно — *прии́бпривать*; вариант *прии́а́привать* вызывает паразитарные ассоциации по близкозвучию (~ *ошпáрить*) и, видимо, поэтому считается неправильным.

²²⁴ Правильно — *обезболивать*: считается, что «главенствующими... в литературном употреблении являются глагольные образования с сохранением корневого гласного *о*» [Обнорский 1960: 256], так что в случае колебаний предпочтительны именно формы с *о*.

²²⁵ Вариант с корневым *á* неблагозвучен (прост. устар. *разрáзничать*) и, видимо, поэтому не выдержал конкуренции с вариантом на *ó*.

²²⁶ Правильно — *засáливать* (несмотря на омонимические ассоциации с *салом*).

²²⁷ Формы *обуслóвливать* и *обуслáвливать* в словаре Н. А. Еськовой [1994] охарактеризованы как равноправные, однако если учесть паразитарные ассоциации, связанные со второй формой (*обуслáвливать* ~ *слава, прославлять*), то небезосновательной представляется позиция составителей тех словарей, в которых указанная форма квалифицируется как разговорная (см.: Большой толковый словарь рус. языка. СПб., 1998; Словарь совр. рус. лит. языка: в 17 т. М.; Л., 1948—1965; Толковый словарь рус. языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М., 1935—1940).

²²⁸ Правильно — *облагорáживать*; вариант *облагорóживать* вызывает паразитарные ассоциации по близкозвучию (~ *рóжи, рóжа*) и, видимо, поэтому считается неправильным.

²²⁹ Лит. *подо́й*, прост. *подо́й*: *Хоть трижды подо́й, всё тот же удо́й* (Пословица).

²³⁰ Лит. *наклéй*, устар. *наклеи́*.

²³¹ *Порти*, разг. *портъ*.

²³² *Почисти*, разг. *почистъ*.

²³³ *Прикончи*, неправ. *прикончь*. В случае колебаний следует выбирать неусечённую форму: «Традиционно литературными формами являются образования с неударяемым *-и*», хотя «в разг. речи распро-

странились редуцированные формы типа *почисть, испортъ*» [Граудина 1980: 205].

²³⁴ В устойчивом выражении *вынь да положь*.

²³⁵ Правило: форма императива у глаголов совершенного вида с префиксом *вы-* образуется аналогично беспрефиксальной форме. В некоторых случаях варианты на *-и* (типа *высыти*) появились под влиянием аналогии с формами типа *веди, выведи*. В случае колебаний следует предпочесть усечённую форму [см.: Граудина и др. 1976: 193].

²³⁶ «Формы на *-ть* ограничены поэтическим языком, их применение определяется в основном требованиями стихотворного размера» [Горбачевич 1978: 171].

²³⁷ Усечённые формы распространены в народной речи и в просторечии, поэтому активно используются в целях просторечной стилизации.

²³⁸ В народной речи и в просторечии усечённые формы не являются выразительным средством и используются в чисто номинативной функции.

²³⁹ Окончание *-ы/-и* (в им. множ. *во́йска* в м. им. множ. *во́йска* — вероятно, по аналогии с именами существительными мужского рода типа *по́иск* — м. им. множ. *по́иски*) использовалось, по мнению А. Х. Востокова, «чтоб отличить окончаниями м. множественного от род. единственного» (заметим, что этой же цели служит и переакцентовка м. множ. устар. *во́йска* > соврем. *войска́*). В словах типа *облако, пятно* «не нужно было сей перемены окончаний (и, добавим, переакцентовки. — В.М.), потому что означенные падежи отличались уже ударением», ср. род. ед. *пятна́* и м. множ. *пятна* (Востоков А. Русская грамматика. СПб., 1831. § 26).

²⁴⁰ Род. ед. *взвóда*, м. множ. *взвóды* (неправ. *взводá*; эта форма используется военными).

²⁴¹ Род. ед. *винта́*, м. множ. *винты́* (в терминологической сфере более сильными нередко оказываются профессиональные варианты).

²⁴² Род. ед. *грóба*, м. множ. *гробы́*, устар. *грóбы*: *Внутри — не-связной рой видений, Снаружи — гробы на гробах* (П. П. Ершов),

поэт. *гроба́*: *Грозой снесённые мосты, Гроба с размытого кладбища* (А. С. Пушкин).

²⁴³ *Зонт*, *зонти́*, устар. *зо́нта* (словарь Ушакова).

²⁴⁴ Род. ед. *обила́га*, им. множ. *обилага́*. Такие формы нейтральны и нормативны при отсутствии форм множественного числа на *-ы/-и*.

²⁴⁵ Род. ед. *по́рта*, им. множ. *по́рты* и *порты́*. С. П. Обнорский, однако, пишет: «от *порт* мн. число звучит *по́рты* (во избежание смешения со словом *порты́*); так даёт форму Ушаков (у него же *порты́* — просторечная форма)» [Обнорский 1956: 105].

²⁴⁶ Род. ед. *профе́ссора*, им. множ. *профессора́*, устар. *профе́ссы*.

²⁴⁷ Род. ед. *созы́ва*, им. множ. *созы́вы* (неправ. *созыва́*; эта форма нередко используется чиновниками).

²⁴⁸ Род. ед. *сто́рожжа*, им. множ. *сторожжа́*, устар. *сто́рожжи*. *Внизу огни дозорные Лишь на мосту горят, И колокольни чёрные, Как сторожжи, стоят* (М. Ю. Лермонтов).

²⁴⁹ Род. ед. *то́ма*, им. множ. *тома́*, устар. *то́мы*: *Разрозненные то́мы из библиотеки чертей* (А. С. Пушкин).

²⁵⁰ Род. ед. *то́рта* (неправ. *торта́*), им. множ. *то́рты*, не рек. *торты́*, проф. *торта́*.

²⁵¹ Род. ед. *фрónта*, им. множ. *фронты́* (устар. *фрónты*).

²⁵² Род. ед. *холма́* (устар. *хóлма*), им. множ. *холмы́*, устар. *хóлмы*: *На хóлмах Грузии лежит ночная мгла* (А. С. Пушкин).

²⁵³ Род. ед. *ша́рфа* (неправ. *шарфа́*), им. множ. *ша́рфы* (не рек. *шарфы́*).

²⁵⁴ Род. ед. *ша́фера*, им. множ. *шаферá*.

²⁵⁵ Род. ед. *шпри́ца* (мед. *шприца́*), им. множ. *шпри́цы* (мед. *шприцы́*).

²⁵⁶ Род. ед. *шу́рфа* (проф. *шурфа́*), им. множ. *шу́рфы* (проф. *шурфы́*).

²⁵⁷ Дело в том, что безударный /а/ похож на /ы/ или (после мягких согласных) — на /и/ [Бондарко 1981: 124 и 164], поэтому словоформы род. ед. и им. множ. (типа *то́рта* и *то́рты*, *шпрі́ца* и *шпрі́цы*, *бухгалте́ра* и *бухгалте́ры*) омофоничны. Способы уйти от омофонии: 1) «подчеркнуть» обе флексии ударением: прост. *торта́* — *торты́* вм. лит. *то́рта* — *то́рты*, мед. *шпрі́ца́* — *шпрі́цы́* вм. лит. *шпрі́ца* — *шпрі́цы*; 2) «позаимствовать “чужую” флексию» [Воронцова 1979: 21]: род. ед. *бухгалте́ра* — им. мн. *бухгалте́ра́* (по аналогии с *во́йска* — *войска́*) вм. лит. *бухгалте́ра* — *бухгалте́ры*.

²⁵⁸ «Нормативными признаются далеко не все факты, отвечающие тенденциям развития (например, форма *профессора́* считается нормативной, а формы *слесаря́*, *инженера́* и т. п. — нелитературными» [Петрищева 1967: 35].

²⁵⁹ Слова, наиболее активно используемые в устной речи, где омофония приводит к двусмыслице и, следовательно, к коммуникативным неудачам.

²⁶⁰ В именах сущ. смешанного типа склонения форма род. ед. (*полка́*) чётко противопоставлена форме им. мн. (*полки́*) по твёрдости /мягкости, что исключает омофонию. Тем не менее и здесь (возможно, под влиянием аналогии) происходит переакцентовка со сменой флексии, ср. нейтр. *цехи́* и разг. *цеха́*, лит. *лю́ки* и (в речи водителя трамвая): *При въезде в тоннель закройте крышевые лю́ка́*.

²⁶¹ В соответствии со шкалой Томашевского, «наиболее лёгкими являются гласные, затем сонорные, за исключением звука “р”, затем звонкие фрикативные “в”, “ж”, “з”, затем глухие фрикативные, затем взрывные и, наконец, аффрикаты и звук “р”» [Томашевский 1996: 89]; наиболее напряжённым среди гласных является звук /и/. Поскольку звукосочетания типа *-ри* (*слесари́*), *-ли* (*вентили́*) и др. являются сложными в артикуляционном отношении, они подвергаются упрощению путем замены напряжённого /и/ более открытым и менее напряжённым /а/, ср. *ри* / *ря*, *ли* / *ля*.

²⁶² Источник распространения форм именительного падежа множ. числа на *-а́/-я́* и переакцентовки — просторечие, в частности профессиональное просторечие. Такие профессионально-просторечные фор-

мы вредят речевому имиджу говорящего, о чём свидетельствует следующий диалог:

— Нам сказали, вам нужны бухгалтера́.

— Бухга́лтеры, девочки, нам нужны, и с очень большим стажем (В. Сёмин. Строится жизнь).

²⁶³ Считается, что «форма *учите́ля* используется для обозначения учителей-педагогов, тогда как форма на *-и* (*учители*) употребляется для обозначения наставников духовных и идейных» [Ахманова и др. 1960: 36].

²⁶⁴ Им. ед. *ксёндз*, им. множ. *ксендзы́*.

²⁶⁵ *Валенок*, устар. *валенков*.

²⁶⁶ *Сапог*, устар. *сапогов*: *Не ваксил барских сапогов* (А. С. Пушкин).

²⁶⁷ В устойчивых выражениях часто сохраняются архаичные формы: *сапогов-скороходов*.

²⁶⁸ *Эполет*, устар. *эполетов*.

²⁶⁹ Основная тенденция в данной лексической микросистеме — «движение к формам род. множ. с нулевой флексией» [Горбачевич 1978: 192]; «судя по полученным данным, наибольшая возможность использования нулевой флексии характерна для слов-обозначений парных предметов» [Воронцова 1976: 135].

²⁷⁰ С тем чтобы свести речевые ошибки при использовании слов данной лексической группы к минимуму, целесообразно использовать формы с нулевой флексией.

²⁷¹ Форма род. множ. *гольф* омонимична названию известной игры и, видимо, поэтому квалифицируется как неправильная.

²⁷² *Головня́* — *головне́й*, *ку́хня* — *ку́хонь*: ударение на концовке слова (**окситонеза**) обычно даёт ударное окончание *-е́й*, на ударение основе (**баритонеза**) — нулевую флексию (при стечении согласных в концовке слова нередко сопровождаемую беглыми гласными *о/е*): «Характерным акцентологическим признаком слов, не принявших или

утративших формы с нулевой флексией, служит принадлежность к окситонированной акцентной парадигме [Горбачевич 1978: 193].

²⁷³ *Сакля* — *саклей*: безударное окончание *-ей* появляется после «стечения согласных» [Зализняк 1967: 230—231] — в случае, если беглые гласные *о/е* в данном слове не принято использовать (ср. *сабля* — *сабель*, *сабельный*, *кухня* — *кухонь*, *кухонный*, но: *сакля* — **саколь*).

²⁷⁴ *Земля́* — им. множ. *зе́мли*; род. множ. *зе́мель* ориентируется на формы множ. числа с корневым ударением.

²⁷⁵ Мягкую концовку сохраняют формы: *кухонь*, *барышень*, *боярышень*, *деревень* и др.

²⁷⁶ Неправильные фонематические варианты **барышен*, **боярышен* появились по аналогии с формами род. множ., имеющими сходную по звучанию твёрдую концовку (такими, как *черешен*, *вишен*, *конюшен* и др.).

²⁷⁷ Слова *приго́ршня*, *ца́пля*, *сво́дня* и некоторые подобные им имеют: 1) ударную основу; 2) скопление согласных в концовке. В данном случае форма род. множ. образуется либо с помощью нулевой флексии, предваряемой беглым гласным (*приго́ршен*, *ца́пель*, *сво́ден*), либо с помощью безударной флексии *-ей* (*приго́ршной*, *ца́плей*, *сво́дней*), поскольку это слово попадает в сферу действия двух приведённых выше правил.

²⁷⁸ Форма *схо́ден* является с точки зрения сформулированного выше правила вполне закономерной; она фиксируется в «Русской грамматике» [1980, 1: 499], однако словари приводят только одну форму: *схо́дней*.

²⁷⁹ Использование этой флексии приводило к омонимии форм род. падежа множественного числа и твор. падежа единственного числа: *стук саблей* (чего или чем?).

²⁸⁰ В «Русской грамматике» [1980, 1: 499] это явление объясняется «влиянием <первого> склонения слов муж. р. типа *конь* на склонение слов мужского рода типа *дядя*, *юноша*» (по схеме «*коне́й*, *медве́дей* > *дя́дей*»). Возникает, однако, вопрос, почему источником аналогического воздействия не могли стать имена существительные третьего скло-

нения типа *ладо́нь* (по схеме «*ладо́ней, пряде́й > дя́дей*»): ведь по количеству омонимичных флексий второе мягкое склонение сближается скорее с третьим, чем с первым:

Падеж	Второе скл., ед.	Третье скл., ед.	Первое скл., ед.	Второе скл., мн.	Третье скл., мн.	Первое скл., мн.
И.	дядя	прядь	медведь	дяди	пряди	медведи
Р.	дяди	пряди	медведя	дядь	прядей	медведей
Д.	дяд[и]	пряди	медведю	дядям	прядям	медведям
В.	дядю	прядь	медведя	дядь	прядей	медведей
Т.	дядей	прядью	медведем	дядями	прядями	медведями
П.	о дяд[и]	о пряди	о медвед[и]	о дядях	о прядях	о медведях

²⁸¹ *Ста́вен* — от *ста́вня* (женский род), *ста́вней* — от *ста́вень* (мужской род): варьирует исходная форма, отсюда — варьирование других форм.

²⁸² Такой переход происходит по причине омонимии концовок в ряде падежных форм, ср. род. ед. *простыни* и род. ед. *ладони*; род. множ. *простыней* — род. множ. *ладоней* etc., отсюда — разг. *про́стынью* (как *ладо́нью*), *про́стынь* (как *ладо́нь*).

²⁸³ *Просты́ня* — род. множ. *просты́нь* (как *стран, крыш*; 2-е скл.) и *простыне́й* (как *ладоней, прядей*; 3-е скл.).

²⁸⁴ Имя существительное *са́жэнь* (ср. *мышь, ладонь*) принадлежит третьему склонению, поэтому закономерной здесь является форма род. множ. *са́жэней* (ср. *мыше́й, ладо́ней*). Форма род. множ. *са́жэнь* возникла, вероятно, по аналогии с формами род. множ. имён существительных второго склонения типа *при́горшен, коню́шен* по причине омонимии концовок в ряде падежных форм, ср. род. ед. *конюшни* и род. ед. *сажени*, дат. множ. *конюшням* и дат. множ. *саженям* и т. д.

²⁸⁵ В микросистеме анализируемых имён существительных формы род. ед. и им. множ., как правило, омонимичны. Переакцентровка в форме им. множ. лит. *шестерни́* > *ше́стерни* произошла с целью противопоставить формы род. ед. и им. множ. (так называемая **поляризация ударений**, ср. прост. род. ед. *шо́фера* — им. множ.

шоферá). Видимо, этой же причиной обусловлено место ударения в форме им. множ. *прóстыни* (вм. ожидаемого *просты́ни*, ср. *головня — головни́*).

²⁸⁶ Литературный акцентный вариант с ударной концовкой род. множ. *прóстынь* ориентируется на литературные формы множ. числа с ударной концовкой (дат. *прóстыня́м*, тв. *прóстыня́ми*, предл. *на прóстыня́х*).

²⁸⁷ *Межá* — им. множ. *ме́жи* (от этого акцентного варианта закономерно образована форма род. множ. *меж*) и *меж́и* (от этого акцентного варианта закономерно образована форма род. множ. *межéй*); *прóстыня́* — *прóстыне́й* (здесь форма род. множ. ориентируется на форму им. ед.), *прóстыни* — неправ. *прóстынь* (форма род. множ. ориентируется на форму им. множ.). *Ба́ржа* (от этого акцентного варианта закономерно образована форма род. множ. *барж*) и *баржá* (род. множ. *баржéй*), *пéтля* (род. множ. *пéтель* и разг. *петéль*) и разг. *петля́* (род. множ. *петле́й*).

²⁸⁸ Варианты *Володе́й* / *Володь*, *Петей* / *Петь* приводятся как равноправные в «Русской грамматике» [1980, 1: 499].

²⁸⁹ Ударная концовка даёт ударную концовку *-éй* (*по́лынья — по́лыне́й*) безударная же даёт безударную финаль *-ий* (*сва́тья — сва́тий*); окончание в обоих случаях нулевое.

²⁹⁰ Закономерной и первоначальной здесь является форма с ударной концовкой (*судéй*), поскольку она вполне соответствует приведённому выше правилу; вспомним: *Избави, Бог, и нас от э́таких судéй* (И. А. Крылов). Вариант с ударным корнем (*судéй*) мог возникнуть в результате влияния форм множественного числа (*судéи, судéям, судéями, о судéях*), поскольку в полупарадигме множественного числа данный вариант является изолированным в акцентном плане. Таким образом, источником переакцентовки является выравнивание по аналогии.

²⁹¹ *Баши́кры* — род. множ. *баши́кр* / устар. *баши́киров*: *Крупные учёные Украины посвятили год истории баши́киров* (И. Эренбург).

²⁹² *Бу́ряты* — *бу́рят* / *бу́ратов*.

²⁹³ *Туркмены — туркмен / туркменов.*

²⁹⁴ *Турки — турок* и устар. *турков*: «Как надобно писать: *турков* или *турок*? то и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны» (А. С. Пушкин. Опровержение на критики).

²⁹⁵ *Варяги — варягов*, но: *из варяг в греки.*

²⁹⁶ *Авары — аваров / авар* (равноправные варианты).

²⁹⁷ *Хорваты — хорватов*, *алеуты — алеутов*, *арнауты — арнаутов*, *черкесы — черкесов.*

²⁹⁸ У данных вариантов разные исходные формы: 1) *цыгане* (с суффиксом *-анин/-янин*, им. множ. *-ане/-яне*), от которой закономерно образуется форма род. множ. *цыган* (ср. со словами с тем же суффиксом: *армяне — армян*, *славяне — славян*, *крестьяне — крестьян*, *дворяне — дворян*); 2) устар. *цыганы*, от которой закономерно образуется форма род. множ. *цыганов* (ср. со словами с той же концовкой: *хулиган — хулиганов*, *ураган — ураганов*).

²⁹⁹ Данные этнонимы, как и другие имена существительные типа *крестьянин* (с суффиксом *-анин/-янин*, им. множ. *-ане/-яне*), имеют форму род. множ. с нулевой флексией: *славян*, *армян*.

³⁰⁰ *Грузины — грузин*, *осетины — осетин*, *аланы — алан*, *румыны — румын*, *абазины — абазин*. Нулевая флексия появилась здесь, вероятно, по аналогии с этнонимами с суффиксом *-анин/-янин* (им. множ. *-ане/-яне*) типа *славяне*, *армяне*, *поляне*, *древляне* и др., имеющими сходную концовку: *славяне — славян*, *армяне — армян*).

³⁰¹ *Хорваты — хорват* по аналогии с другими этнонимами, образующими форму род. множ. с нулевой флексией (*славяне — славян*, *поляне — полян*, *цыгане — цыган*, *грузины — грузин*, *румыны — румын* и др.).

³⁰² И данный словарь, и «Грамматика совр. рус. лит. языка» (М., 1970) отражают установку на унификацию рассмотренных форм, «наглядно обнаруживающих неустойчивость нормы» [Горбачевич 1978: 190]. Отсюда — внедрение некодифицированных усечённых форм, отсутствующих в реальном узусе.

³⁰³ *Черта* — *черт*, *мачта* — *мачт*, *кишкá* — *кишóк*, *швея* — *швей*, *кабарга* — *кабарóг*, *коля* — *колéй*, *княжна* — *княжóн*.

³⁰⁴ «В ряде случаев при образовании словоформ такого типа возникают затруднения, подобные словоформы могут избегаться» [Еськова 2011: 164]: *мечта* — *мечтаний*, *балда* — *дураков* или *бестолковых людей*, *егоза* — *непосед*, *раба* — *рабынь*, *башка* — *голов*; для ухода от неупотребительных форм (типа **мечт*) используется замена либо синонимом, либо перифразой.

³⁰⁵ *Кочерга* — род. множ. *кочерёг*.

³⁰⁶ Подобные формы «создаются по аналогии к продуктивным формам среднего рода: *гнездó* — *гнездá*, *копьё* — *копья́*, *пóле* — *пóля*» [Истрина 1948: 8]. Известно, что разносклоняемые имена существительные представляют собой класс, промежуточный между первым и третьим склонениями:

Па- деж	Разноскл. ед.	1-е мягкое скл. ед.	3-е скл. ед.	Разноскл. множ.	1-е тв. скл. множ.	3-е скл. множ.
И.	имя	поле	ночь	имена	гнёзда	ночи
Р.	имени	поля	ночи	имён	гнёзд	ночей
Д.	имени	полю	ночи	именам	гнёздам	ночам
В.	имя	поле	ночь	имена	гнёзда	ночи
Т.	именем	полем	ночью	именами	гнёздами	ночами
П.	об имени	о пол[и]	о ночи	об именах	о гнёздах	о ночах

Появление просторечных форм типа *к темю* (ср. *к полю*), *другого имя* (ср. *другого поля*), *до время* (ср. *до поля*), *дитё* (ср. *копё*), *дитю* (ср. *копью*), *дитём* (ср. *копём*) свидетельствует о сближении разносклоняемых имён существительных среднего рода в полупарадигме единственного числа с именами существительными первого мягкого склонения среднего рода.

³⁰⁷ Источник аналогии — слова первого склонения типа *бельё*, *село*.

³⁰⁸ *Боа*: 1) в значении ‘удав’ — мужского рода, поскольку это одуш. сущ.; 2) в значении ‘меховой шарф’ — среднего рода (посколь-

ку это неодуш. сущ.) и устар. — муж., поскольку ближайшее родовое имя — *шарф*: *Он счастлив, если ей накинет Боя пушистый на плечо* (А. С. Пушкин).

³⁰⁹ *Визави* — это одуш. имя сущ., поэтому данное слово является двуродовым.

³¹⁰ *Врач* — двуродовое имя, ср. *Наши врач пришёл / Пришла наша врач*.

³¹¹ *Вуаль*, -и, ж. / устар. -я, м.: *За толстыми пивными кружками, За сном привычной суеты Сквозит вуаль, покрытый мушками, Глаза и мелкие черты* (А. Блок).

³¹² *Гуашь* (жен. р.) и устар. *гуаш* (муж. р.): варианты противопоставлены орфографически.

³¹³ *Жалюзи* — ср. р. (это неодуш. имя сущ.) или мн. ч. (ближайшее родовое имя — *шторы*).

³¹⁴ *Иваси* — ж., так как ближайшее родовое имя — *сельдь*: *вкусная иваси*.

³¹⁵ *Инкогнито* — 1) как неодуш. ('пребывание под вымышленным именем') — среднего рода: *раскрыть своё инкогнито, сохранять строгое инкогнито*; 2) как одуш. ('лицо, скрывающее своё настоящее имя') — мужского рода (*таинственный инкогнито*).

³¹⁶ *Кенгуру* — это одуш. имя сущ., поэтому данное слово является двуродовым.

³¹⁷ *Кольраби* — ж., так как ближайшее родовое имя — *капуста*.

³¹⁸ *Кюре* — это одуш. имя сущ., поэтому данное слово должно быть двуродовым, однако, поскольку священниками обычно бывают мужчины, слово *кюре* — мужского рода.

³¹⁹ *Лебедь*, -я, м. / нар.-поэт. -и, ж.: *Лебедь белая молчит и, подумав, говорит* (А. С. Пушкин).

³²⁰ *Мацони* — ж. (так как ближайшее родовое имя — *простокваша*) и ср. (так как это неодушевлённое имя сущ.).

³²¹ *Мачете* — ср. р., так как это неодушевлённое имя сущ.

³²² *Медресе* — ср. р., так как это неодушевлённое имя сущ. и ж., так как ближайшее родовое имя — *школа*.

³²³ *Мозоль*, -и, ж. / прост. -я, м.: *Какой м.!* (о животе).

³²⁴ *Пенальти* — м. р., так как ближайшее родовое имя (штрафной удар) — мужского рода.

³²⁵ *Протеже* — это одуш. имя сущ., поэтому данное слово является двуродовым.

³²⁶ *Псалтырь*, -я, м. / -и, ж.

³²⁷ *Рояль*, -я, м. / устар. -и, ж.: *И на покорную рояль Властительно ложились руки* (А. Блок).

³²⁸ *Сирокко* — м. р., так как ближайшее родовое имя (*ветер*) — мужского рода.

³²⁹ *Табель*, -я, м. / устар. -и, ж.: *петровская табель о рангах*.

³³⁰ *Толь*, -я, м.: *крыть крышу толем* / прост. -и, ж.

³³¹ *Тополь*, -я, м. / устар. -и, ж.: *За тополёю высокою я вижу там окно* (М. Ю. Лермонтов).

³³² *Торнадо* — м. р., так как ближайшее родовое имя (*ветер*) — мужского рода.

³³³ *Тюль*, -я, м.: *очередь за тюлем* / прост. -и, ж.

³³⁴ *Шампунь*, -я, м. / допуст. устар. -и, ж.: «Слова *картель*, *рояль*, *шампунь*... в XIX в. относились к женскому роду, а теперь стали употребляться в мужском роде» [Суперанская 1965: 46]. Замечено, что «иностранцы слова рубежа XX—XXI вв., оканчивающиеся на мягкий согласный [л'], оформились как сущ. муж. рода, независимо от того, из какого языка-источника они пришли: *гель* (нем. *Gel*), *гриль* (франц. *gril*), *шазюбль* (франц. *chasuble*) ‘женская летняя длинная одежда, надеваемая поверх брюк, платья’, *мотель* (англ. *motel*), *пиксель* (англ. *pixel*) ‘минимальная единица изображения на экране’, *mundial* ‘чемпионат мира по футболу’ (исп. *mundial*)» [Маринова 2012: 317].

³³⁵ Такие имена существительные, в особенности иноязычного происхождения, «легко могут входить в группу слов мужского и жен-

ского рода» (Чернышёв В. И. Правильность и чистота русской речи // Избр. тр.: в 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 525), ср.: *шампунь, шампуня, шампунем; конь, коня, конём* (1-е скл.) / *шампунь, шампуни, шампунью; ладонь, ладони, ладонью* (3-е скл.).

³³⁶ *Макака, проф. макак.*

³³⁷ Им. п. ед. ч.: *ставень* и *ставня, плацкарта, сандалета, сандаля* (разг.), *сандалия*, устар. *сандалий, зал*, устар. *зала* и *зало, чинара*, устар. *чинар, лангуст* и *лангуста, мангуст* и *мангуста, банкнот* и *банкнота, клипса* и реже *клипс, тапочка, туфля, абрикос, жираф*, устар. *жирафа, клавиша* и реже *клавиш, перифраза* и реже *перифраз, рельс, спазм* и *смпазма, бот, кед, ботфорт*, устар. *ботфорта, штиблета, тапка.*

³³⁸ *Желудь* — *желудьями* / устар. *желудьями*: *Котомкой с желудьями сушёными ссудил* (К. Н. Батюшков): «Обыкновенно форма творительного падежа множественного числа от имён мужского рода на -ь имеет окончание -ями, но у писателей встречается для некоторых слов старинная и народная на -ьми: *гвоздьми, гостьми, зверьями, желудьями, когтями, козырьми, корольми*» (Чернышёв В. И. Правильность и чистота русской речи. речи // Избр. тр.: в 2 т. Т. 1. М., 1970. С. 511).

³³⁹ *Зверь* — *зверьями* / устар. *зверьями*: *И барс и тигр смиренны, как ягнята, И с кроткими зверьями запанибрата* (Н. М. Языков).

³⁴⁰ *Гость* — *гостьями* / устар. *гостьями*: *Эти счастливые дети своего времени в сборнике часто являются гостьями* (В. Г. Белинский).

³⁴¹ *Люди* — *людьями*, прост. *людьями*.

³⁴² *Дверь* — *дверьями* и *дверьями*. В настоящее время эти формы равноправны, однако ещё в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935—1940) находим следующую квалификацию: «*дверьями* простореч.».

³⁴³ *Кость* — *костями*, но: *лечь костями* (в устойчивых оборотах нередко сохраняются старинные формы).

³⁴⁴ *Плети* — *плетьями*, но: *бить плетьюми*.

³⁴⁵ Дочь — дочерьми и дочеря́ми: «Лишь несколько слов, которые ранее имели основу на *-i-*, сохранили старую форму творительного падежа множественного числа на *-ми*: лоша́дьми, детьми, дверьми, дочерьми, людьми, плечьми (при этом надо учитывать сравнительно недавние формы лоша́дями, дверя́ми, дочеря́ми, плеча́ми)» [Дурново 1971: 94; статья написана в 1922 г.].

³⁴⁶ Русские фамилии на *-ов/-ёв/-ев*, *-ин/-ын* имеют в творительном падеже единственного числа окончание *-ым*, названия же населённых пунктов на *-ов/-ев*, *-ин/-ын*, *-ово/-ево*, *-ино/-ыно* имеют в этой форме окончание *-ом* [Розенталь 1994: 39]: *Седовым*, но *Саратовом*; поэтом *Пушкиным*, но городом *Пушкином*.

³⁴⁷ Луи Ельмслевом, Рудольфом Вирховом: иностранные фамилии на *-ов/-ев*, *-ин* имеют в форме творительного падежа единственного числа окончание *-ом* [Розенталь 1994: 39].

³⁴⁸ Гансом Бюловом, но Карлом Брюлловым: в этом случае разграничение определяется «тем, является ли носитель фамилии жителем России (или СССР) или же это иностранец» [Рус. грамматика 1980, 1: 505].

³⁴⁹ Город — городишко (*-а* неправ.).

³⁵⁰ Заяц — зайчишка (*-о* прост.).

³⁵¹ Двор — дворишко (*-а* прост. и устар.).

³⁵² Завод — заводишко (*-а* неправ.).

³⁵³ Ёрш — ершишка (*-о* прост. и устар.).

³⁵⁴ Пароход — пароходишко (*-а* неправ.).

³⁵⁵ Сын — сынишка (*-о* прост. и устар.).

³⁵⁶ Ум — умишко (*-а* неправ.).

³⁵⁷ Парень — парнишка (*-о* обл. и устар.). Правило: одушевлённые имена существительные с суффиксом *-ишк-* дают окончание *-а*, неодушевлённые — окончание *-о*.

³⁵⁸ Указанные окончания безударны и потому звучат одинаково, отсюда их смешение и появление неправильных вариантов (под влияни-

ем аналогии: *заводишка* — как *зайчишка* и наоборот: *зайчишко* — как *заводишко*). Здесь наблюдается переход слов из 1-го склонения во 2-е и наоборот.

³⁵⁹ В художественной литературе неправильные варианты используются «в основном в прямой речи в качестве характерологического средства, часто в целях создания разговорного, просторечного или областного колорита» [Граудина и др. 1976: 75].

³⁶⁰ *В шкафу*: где? *В шкафе*: в чём? Формы на *-у/-ю* используются при выражении обстоятельственных значений, формы на *-е* — при выражении объектных значений, ср. *гулять в лесу* и *разбираться в лесе*, *остановить свой трактор на лугу* и *остановить свой выбор на луге*. Формы на *-у/-ю* со значением места (типа *в лесу*, *в саду*, *в краю*) «признают особым падежом, называя его местным или вторым предложным» [Еськова 1994: 381]. Формы на *-у/-ю* употребительны только с предлогами *в* и *на*; исключения: *при полку*, *Слово о полку Игореве* [Зализняк 1967: 43—44].

³⁶¹ В случаях, когда указанные имена существительные употребляются метонимически (например, в названиях произведений художественной литературы, ср. «*Вишнёвый сад*» Чехова и пьеса «*Вишнёвый сад*» Чехова), они, во избежание двусмысленности, принимают окончания *-е* [см.: Рус. грамматика 1980, 1: 489].

³⁶² *На балу*, устар. *на бале*. Форма на *-е* является старшей нормой.

³⁶³ *В горodu* — устар. прост.

³⁶⁴ *В дому* — устар. прост. или при стилизации просторечия.

³⁶⁵ *На дубу* — в народной речи.

³⁶⁶ *В отпуску* — разг.-прост.

³⁶⁷ *На снеге* — поэтизм.

³⁶⁸ *В терему* — устар. прост. или при стилизации просторечия.

³⁶⁹ *В уголку* — устар.

³⁷⁰ *На холоду* — устар. прост. Употребление форм местного падежа на *-у*, *-ю* связано «с большей близостью речи некоторых старых

писателей к живой народной стихии, отступившей перед школьно-книжными влияниями» [Булаховский 1954: 62].

³⁷¹ В *цеху* — проф. и разг.-прост.

³⁷² В *шкафу*, устар. в *шка́фе*.

³⁷³ *Держать на весу, иметь в виду, быть в долгу, на подножном корму, на миру, в самом соку, на хорошем счету, на каждом шагу, в чужом глазу.*

³⁷⁴ Запомнить: *волочь* — *волоку*, *волочѐшь*, *волочѐт*, *волочѐм*, *волочѐте*, *волокут*, но: *волочить* — *волочу́*, *воло́чит*, *воло́чат*.

³⁷⁵ *Ездить* — *ездят* и прост. *езди́ют*, *лазить* — *лазя́т* и прост. *лази́ют* и даже «*елозить* — *елозят* и прост. *елози́ют*» [Смирнов 2010: 288].

³⁷⁶ Вариант — *дальный*: *Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии печальной: Напоминают мне оне Другую жизнь и берег дальный* (А. С. Пушкин); синонимы: *далёкий*, *отдалённый*.

³⁷⁷ Вариант — *зерца́ло*: *Огоньки камина уютно отражались в зеркалах стенных подсвечников* (А. Н. Толстой. Пётр Первый); синонимы: *зеркальце*, *туалет*.

³⁷⁸ Вариант — *центавр*.

³⁷⁹ Вариант — *статский*: *с. советник; К статской службе молодой человек чувствовал себя совершенно неспособным* (А. С. Пушкин); синонимы: *гражданский*, *партикулярный* (об одежде).

³⁸⁰ Вариант — *проницать*: *Лучи маяков проницают туманы* (А. Блок); синоним: *пронизывать*. «Нельзя сказать, что все устарелые варианты вышли из употребления в современном языке. Многие из них встречаются в поэтической речи» [Рогожникова 1964: 60].

³⁸¹ Вариант — *преуспевание*: *Русь быстро двинулась по пути преуспевания* (В. Г. Белинский); синоним: *успех*.

³⁸² Вариант — *запречь*: *Но знаешь: не велеть ли в санки Кобылку бурую запречь?* (А. С. Пушкин).

³⁸³ Вариант — *питие*; синоним: *напиток*.

³⁸⁴ Вариант — *скрыпеть*: *И мачта гнётся и скрытит* (М. Ю. Лермонтов). «Основным различием вариантов слова служит их временное соотношение..., что определяет и различное отношение к норме, и функциональное своеобразие [Горбачевич 1978: 32].

³⁸⁵ Вариант — *маскерад*, синоним: *костюмированный бал*.

³⁸⁶ Вариант — *стора*: *Видел вас у окна сегодня, видел, как вы стору спустили* (Ф. М. Достоевский); синонимы: *занавес, занавеска, гардина, портьера*.

³⁸⁷ Вариант — *златить*: *Денница, тихо поднимаясь, Златит холмы и тихий бор* (М. Ю. Лермонтов). «Некоторые устаревающие языковые варианты не выходят из употребления, а становятся принадлежностью определённого стиля» [Букчина 1981: 220].

³⁸⁸ *Осьминог, благоприобретение, одарит, востроносый, востроглазый, востроногий, навостричь* (лыжи); *паясничать, обелит, мозаичный*.

³⁸⁹ Просторечные варианты: *одначе, отпуцать, покамест, пуцай, рельса, приволокёшь, хотишь, спотыкнуться*. Последний вариант «воспринимается как вульгаризм, как свойственное просторечию непроизнесение групп согласных без “разведения” их гласными, почему здесь основным вариантом следует считать *споткнуться*» [Ахманова 1957: 201]. Здесь, скорее, имеет место процесс выравнивания по аналогии с формой несовершенного вида (*спотыкаться*).

³⁹⁰ Народноэтимологические варианты: *полувёр, полуклиника, карасин, антонобиль, девствующая армия, плитуар, гульвар, спинжас, нашест*.

³⁹¹ Диалектные варианты: *наскрозь, напужать, сёдни, слухать, чапля*.

³⁹² *Профессоры* — устар., *говорить за что-л.* (вм. *о чём-л.*) — обл., *включит* — неправ., *в цеху* — проф. прост., *быть в концерте* — устар., ср.: *Были много раз в театрах, маскарадах. В маскарадах я удивил всех своим костюмом* (В. Суриков), ср. также устар. шутол. *пойти в маскарад* (= *в баню*); *сантиментальный* — устар., *пролубь* — устар. прост., *реторика* — устар. орфографич. вариант XVIII—XIX вв., *скупать за кем-л.* — украинизм (ср. укр. *скупити за ким*).

³⁹³ Словообразовательные варианты: *полуночный*, *двухкратный*, *национализовать*, *междоусобица* (устар.), *оббить* (прост.), *двухбортный* (устар.), *бычачий* (разг.), *интуристовский*, *нормализовать*, *обтесать*, *одинёшенек*.

³⁹⁴ Подобные пары наименований, строго говоря, «находятся на границе синтаксиса и словообразования» [Граудина и др. 1976: 4].

³⁹⁵ В «Русской грамматике» [1980, 1: 281—283] морфы *-ск-* и *-ическ-* трактуются как варианты одного суффикса; соответственно пары слов типа *философский* — *философический* следует считать словообразовательными вариантами.

³⁹⁶ «Отождествление вариантов слов и однокоренных слов с одинаковым значением и разными аффиксами приводит О. С. Ахманову к выводу о том, что в русском языке синонимами могут быть только разнокоренные слова» [Рогожникова 1966: 8—9]. При узком понимании словообразовательных вариантов пары типа *дилетантизм* — *дилетантство*, *волчиха* — *волчица*, *безвкусие* — *безвкусица*, *петуший* — *петушиный* следует трактовать как однокоренные синонимы.

³⁹⁷ «Из дому указывает направление из жилища, постоянного места жительства кого-л., из дома подразумевает помещение, здание как таковое, могущее служить и местом временного пребывания кого-либо» [Ахманова и др. 1960: 36].

³⁹⁸ *Сергей Иванович подошёл к окну, чтобы посмотреть, какова погода и надевать ли галоши* (Ю. Трифонов); *Я на минуту остановился в передней, чтоб снять калоши* (М. Ю. Лермонтов).

³⁹⁹ «Произношение *галоша* является единственно возможным в профессиональной и официальной речи, при непринуждённом же разговоре допустимо двоякое произношение (*галоша* и *калоша*), а в устойчивом выражении чаще говорят *калоша*: *сест в калошу*» [Горбачевич 1978: 141].

⁴⁰⁰ Приведённые пары отражают действие закона экономии, который «выражается в том, что язык... предпочитает более краткие формы, как бы стремится к экономии времени, к экономии усилий» [Горбачевич 1971: 32].

⁴⁰¹ Варьирование таких частиц происходит лишь «в определённых фонетических условиях, когда они стоят после слов, оканчивающихся на гласный» [Рогожникова 1966: 17]. Использование усечённых вариантов после слов, оканчивающихся на согласный («видишь ль»), исключено, поскольку такие сочетания неблагозвучны в артикуляционном отношении.

⁴⁰² Стилизация разговорной речи.

⁴⁰³ Полные варианты имеют «более книжный оттенок» (Григорьев В. П. Словарь языка рус. советской поэзии. М., 1965. С. 34), отсюда — их использование в авторской речи.

⁴⁰⁴ Выбор полных либо усечённых фонематических вариантов происходит в соответствии с ритмической структурой стиха. «Неполногласные формы заметно тяготеют к стихотворным и разговорным контекстам» [Веселитский 1967: 35], т. е. менее официальные.

⁴⁰⁵ После согласных используется только полный вариант — в соответствии с требованием артикуляционного благозвучия.

⁴⁰⁶ «Не случайно Пушкин имя *Мария Ивановна* заменил затем более по-народному звучащим: *Марья Ивановна*» [Нейман 1961: 150]; речь идёт о героине повести Марье Мироновой.

⁴⁰⁷ Скопление согласных в концовке слова препятствует образованию неполногласного варианта.

⁴⁰⁸ Варианты разошлись в значениях.

⁴⁰⁹ Бессоюзие — термин, принадлежащий книжной речи, где использование неполногласных вариантов исключено.

⁴¹⁰ *Ко мне он кинулся на грудь; Но в горло я успел воткнуть И там два раза повернуть Моё оружье...* (М. Ю. Лермонтов).

⁴¹¹ Р. П. Рогожникова [1966: 8] о вариантах типа *бескрайний* — *бескрайный*, возражая О. С. Ахмановой, которая трактует их как фонетические, пишет, что такие пары «нельзя считать лишь фонетическими вариантами. В данном случае фонетическое варьирование приводит к морфологическим изменениям, к тому, что слово переходит в другой тип склонения», т. е. из твёрдого склонения в мягкий или наоборот.

⁴¹² *Ватрушка* — устар. *вотрушка*, *казак* — устар. *козак*, *колдобина* — устар. *калдобина*, *каравай* — устар. *коровай*, *корнать* — устар. *карнать*, *риторика* — устар. *реторика*, *кабаре* — устар. *кабарэ*, *есаул* — устар. *эсаул*, *аббревиатура* — устар. *аббревиатура*, *атрибут* — устар. *аттрибут*, *родина* — высок. *Родина*, *судьба* — высок. *Судьба*, *Донкихот*, устар. *Дон-Кихот*, *Дон Кихот* (имя собственное) — *донкихот*, устар. *дон-кихот* 'наивный мечтатель' (имя нарицательное), *Эскулап* (имя собственное) — *эскулап* (имя нариц.), *загс* — *ЗАГС*, *держидерево* — *держидерево* [см.: Сводный словарь 1991].

⁴¹³ *Некролог*: 1) *о ком* — по аналогии с управлением слов типа *статья*, *заметка*; 2) *кому* — ср. *похвальное слово*, *вечная память (кому)*. «Что касается род. падежа, то он в подобных сочетаниях при слове *некролог* не оправдан — норма эта отходит в прошлое» [Хавин 1963: 178 и 179].

⁴¹⁴ Приведённые единицы являются не синтаксич. вариантами, а синтаксич. синонимами, поскольку они семантически противопоставлены, а следовательно, не всегда взаимозаменяемы, ср.: *работать долгими зимними ночами* / **работать по долгим зимним ночам*; *сторож работает только по ночам* / **сторож работает только ночами*; *ехать на старом дребезжащем трамвае* / **ехать старым дребезжащим трамваем* и др. Как видим, синтаксич. вариантность «часто оказывается мнимой, и она снимается при установлении точного смысла сочетания» [Валгина 2001: 38].

⁴¹⁵ Ср.: *Со мной Он не скрывал своей природы, Гора прекрасною душой При звуках, славы и свободы, Но мне доверил тайну сил Души-волкана* (П. П. Ершов).

⁴¹⁶ *Лицемерить* / *лицемерничать* — однокоренные синонимы или словообразовательные варианты в широком понимании.

⁴¹⁷ *Ноль* — *нуль*: полные варианты, противопоставленные по всей парадигме словоизменения.

⁴¹⁸ *Сектор* — им. множ. *сёкторы* и *секторá*: морфологическое варьирование наблюдается только в этой форме, акцентное — только в полупарадигме множественного числа; соответственно слово *сектор* подвержено частичному варьированию.

⁴¹⁹ Для ответа на этот вопрос прочтите статью: Еськова Н. А. О коварной букве *ё* // Русская речь. 2010. № 2. С. 43—44.

⁴²⁰ Прост. *оттудова*, литературный вариант — *оттуда*.

⁴²¹ Диал. *кочет*, литературный вариант — *петух*.

⁴²² Жарг. *жмурик*, литературный вариант — *покойник*.

⁴²³ Это, скорее, определение литературного языка, а не нормы.

⁴²⁴ Это определение лит. языка в его противопоставлении национальному языку.

⁴²⁵ Ср.: в театре *доминирует* (= *преобладает*) классический репертуар; гора *доминирует* (= *возвышается*) над всей местностью. Заимствование не представляется оправданным, поскольку дублирует русские аналоги.

⁴²⁶ Ср.: *апробировать* (= *испытать*) научное открытие. Самолёты новой марки уже *апробированы* (= *испытаны*). Но: диссертация *прошла апробацию* (= *была рассмотрена и одобрена*) на заседании кафедры. Заимствование оправданно, поскольку позволяет выразить мысль в более краткой форме.

⁴²⁷ *Апеллировать* (= *обращаться*) к общественному мнению, но: *подать апелляцию* (**подать обращение*) в верховный суд. Во втором случае (в сфере юридич. терминологии) заимствование оправданно.

⁴²⁸ Студенты уже *акклиматизировались* (= *освоились*) в институте. С. И. Ожегов справедливо считает, что «в применении к человеку» это слово нецелесообразно.

⁴²⁹ *Экипировать* (= *снабдить обмундированием*) бойцов, *экипировать* (*снабдить необходимым снаряжением*) экспедицию. Заимствование оправданно, поскольку позволяет выразить мысль в более краткой форме.

⁴³⁰ *Элиминировать* (= *удалить*) противоречия. Заимствование не представляется оправданным, поскольку дублирует русский аналог.

⁴³¹ Данные варианты 1) соответствуют системе русского языка, допускающей постановку ударения в глаголах на *-ить* на предпоследнем

слоге (*звóнит* — как *бéлит*, *вáрит*); 2) соответствуют узусу: так говорит большинство носителей национального языка; 3) коммуникативно целесообразны, поскольку способствуют преодолению омонимии в парадигме словоизменения; 4) не используются авторитетными носителями языка, т. е. не престижны; 5) противоречат литературной традиции; 6) не кодифицированы. В силу последних трёх обстоятельств эти новшества не признаются нормативными (а значит, правильными) и потому остаются за пределами литературного языка.

⁴³² Авторский неологизм *огончаровать* 1) соответствует системе русского языка (он образован по той же модели, что и *очаровать*, *околдовать*); 2) не соответствует узусу; 3) коммуникативно целесообразен в силу своей выразительности; 4) создан авторитетным носителем языка; 5) не получил распространения, а следовательно, за ним не стоит традиция литературного употребления; 6) не кодифицирован. Вывод: «Различные поэтические новообразования в лексике, семантике, синтаксисе художественной речи, не будучи принадлежностью общей языковой нормы, конечно, не являются “неправильностями”, нарушающими “литературность” выражения» [Гельгардт 1961: 36].

⁴³³ Такие заимствования «обогащают синонимические ряды обозначением существенных оттенков смысла: *киллер* — заказной убийца; *бой-френд* — больше, чем *друг*, но не просто *любовник*; *электорат* — не просто избиратели, но именно совокупность избирателей, объединённых по какому-то признаку (*электорат Жириновского*, *малообразованный электорат*)» [Сиротинина 2013: 180].

⁴³⁴ Норма диспозитивная: *в цехе*, проф. *в цеху́*.

⁴³⁵ Норма императивная: *в сквере*, неправ. *в скверу́*.

⁴³⁶ *Благодарить кого-л.*, устар. *кому-л.*: изменилось управление (синтагматика) данного глагола, т. е. синтаксическая норма.

⁴³⁷ См.: Москвин В. П. Тёмное слово «судьба»... // Русская речь. 1999. № 4.

⁴³⁸ «**Кладу**, дешь, класть... 1) Полагаю, помещаю кого или какую вещь, чтобы лежала. Глагол сей противопологается глаголу *Ставлю*; и говоря о многих вещах, полагаемых куда-нибудь, имеет в прош. сов.: *Поклал*, в буд. *Покладу*; в неоконч. *Покласть*; для изображения же

единократного действия заимствует прош. соверш., буд. и неоконч.: *Положил, положу, положить* от глагола *Полагаю*» (Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб., 1789—1794. Ч. 3. Стб. 553).

⁴³⁹ *Корнет* — то же, что *чепец* (устар.).

⁴⁴⁰ Здесь слово *щекотливый* «употреблено в смысле, близком к значению слов *деликатный, щепетильный*, и применено к человеку, т. е. так, как ни один из носителей современного русского литературного языка его не употребит (обычно: *щекотливый вопрос, щекотливое дело*)» [Крысин 2003: 60]. Изменилась лексико-семантическая норма употребления этого слова.

⁴⁴¹ Использование жаргонной лексики в СМИ неуместно.

⁴⁴² Паронимическая ошибка (ср. *демонстранты*). *Протестанты* — это последователи учения М. Лютера.

⁴⁴³ Комментарий: производят научный анализ, анализы же сдают.

⁴⁴⁴ Комментарий: имеет место эпентеза, вид метаплазма.

⁴⁴⁵ Имеет место паронимическая ошибка (*различать что и что*, но *отличать что от чего*).

⁴⁴⁶ Правильно: *лазают* или *лазят*, просторечная форма *лазют* образована по аналогии с формами типа *работают* (глаголы 1-го словоизменительного класса).

⁴⁴⁷ Правильно: *с какого возраста*.

⁴⁴⁸ Формы **убежу* и **побежу* двусмысленны, вызывают омофонические ассоциации с глаголом *бежать*, т. е. противоречат требованию однозначности.

⁴⁴⁹ В слове *канонист* имеется скопление гласных, что противоречит требованию артикуляционного благозвучия.

⁴⁵⁰ Форма данных терминов вступает в конфликт с требованием краткости: слова не должны быть слишком длинными, иначе их трудно произнести и запомнить. «Нецелесообразно... то, что мешает ясности выражения или что трудно произнести или запомнить» [Горбачевич 1978: 36].

⁴⁵¹ Такая позиция неизбежно приведёт к оправданию использования нелитературных элементов в литературной речи, т. е. к признанию «литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры», в рамках которой «“свобода” адресанта сняла табу даже с мата, не говоря уж о просто грубой и нелитературной лексике в официальной речи. В результате и письменная речь, прежде всего в художественной литературе и СМИ, жаргонизировалась и даже криминализировалась» [Сиротинина 2013: 178 и 180].

Оглавление

Предисловие	3
1. Русская орфоэпия	6
2. Русское ударение	40
3. Русская морфология в ортологическом аспекте	79
4. Языковые варианты	126
5. Понятие нормы. Типология норм и речевых ошибок	153
Литература	186
ПРИЛОЖЕНИЕ. Ответы к наиболее сложным заданиям	208

Учебное издание

Москвин Василий Павлович

ПРАВИЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Норма и варианты

Теоретический курс для филологов

Учебное пособие

Подписано в печать 28.09.2015.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./ факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru